

Н О В О С Т И

ЛИТТЕРАТУРЫ,

ИЗДАНЫЯ

А. Воейковылъ и В. Козловылъ.

КНИЖКА I.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Печалано въ Военной Типографіи Главнаго Шшаба
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

1 8 2 2,

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чшобы до выпуска изъ Типографіи были
представлены въ Цензурный Комитетъ семь экземпля-
ровъ сей книги для препровожденія куда слѣдуетъ.

С. П. 6. Октября 21 дня 1822 года.

Цензоръ *А. Бирюковъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

П Р О З А.

	No.	Стр.
Военный человекъ	I.	3.
Мысли о женщинахъ	—	10.
Воспоминанія Г-жи Спаль о Россіи.		
<i>Москва</i>	II.	17.
<i>С. Петербургъ</i>	{ XI.	161.
	XII.	177.
Нѣчто о знакомствахъ	II.	23.
	{ III.	33.
	IV.	56.
О нравахъ и обычаяхъ нынѣшнихъ Грековъ	{ VII.	107.
	XI.	165.
	XIII.	196.
Ошривки изъ жизни Грешри, писанной имъ самимъ	IV.	49.
	{ V.	65.
Циперская когорца	VI.	81.
Чудаки	V.	72.
Замокъ Гельмешъ	VI.	90.
Женщина-Писательница	VII.	97.
Братья Шлегели	—	98.
Таинство Елеосвященія	VIII.	113.
Замокъ Треиденъ	{ —	114.
	IX.	132.
Спранная ашипанія	VIII.	123.
Пороки и добродѣтели, согласно съ ученіемъ Религіи	IX.	129.
О Вѣрь	X.	145.
Сельскій праздникъ въ Иншерлакенъ	—	148.
Бѣдность и пощелаве	XII.	180.
Писмо Князя Г. Г. Орлова къ Жанъ-Жаку Руссо	XIII.	193.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

	No.	Стр.
Чиспый поведѣльникъ	I.	12.
Шарада	—	16.
Димитрій Самозванецъ. <i>Дума</i>	II.	28.
Жизнь и надежда	—	31.
Загадка	—	32.
Посланіе къ И. В. Слѣнину	III.	44.
Поэшь вышедшій въ знашь. <i>Басня</i>	—	46.
Къ поршрешу Кн. П. А. Вяземскаго	—	47.
Разувѣреніе. <i>Элегія</i>	—	—
Шарада	—	48.
Свяшославъ. <i>Дума</i>	IV.	61.
Военное Искусство. Изъ 3-й пѣсни Поэмы: <i>Науки</i> и <i>Искусства</i>	V.	76.
Загадка	—	80.
Элегія на кончину Кн. Д. Д. Циціанова	VI.	93.
Къ Кн. П. И. Шаликову, по случаю кончины его сына	—	94.
Пѣвный воинъ въ шемницѣ	VII.	111.
Дуридѣ	VIII.	126.
Романсъ	—	127.
Къ друзьямъ	—	128.
Спрахъ и надежда. (Опрывокъ изъ 2-й пѣсни Делиллевой поэмы: <i>Воображеніе.</i>)	IX.	137.
Къ уединенной красавицѣ	—	143.
Логогрифъ	—	—
Взглядъ шарца на заходящее солнце	X.	157.
Къ поршрешу Н. М. Карамзина	—	160.
Черкеская пѣсня	XI.	170.
Олесъ Вѣщій	—	171.
Романсъ	—	174.
Желанія	—	175.
Ольга при могилѣ Игоря. <i>Дума</i>	XII.	187.
Ошвѣтъ на Посланіе С. П. Б. - П	—	190.
Къ Н.	—	191.
Къ С — — ъ.	—	—
Величіе. (Опрывокъ изъ 3-й пѣсни Делиллевой Поэмы: <i>Воображеніе.</i>)	XIII.	204.

Н О В О С Т И Л И Т Т Е Р А Т У Р Ы.

№. I.

П Р О З А.

Военный теловѣкъ.

(Посвящается Генералу, Графу Милорадовичу.)

Въ высокой долѣ — простота;
Не жадность въ наслажденьѣ;
Въ союзѣ съ равнымъ — правоша;
Въ могуществѣ смиренье!
Объщамъ — вѣчность; чести — честь;
Покорность — правой власи!
Для дружбы — все, что въ мѣрѣ есть;
Любви — весь пламень спраси!
Ушѣха — скорби; прозьбѣ — дань;
Погибели — спасенье;
Могущему пороку — брань;
Безславному — презрѣнье!
Неправдѣ — грозный правды гласъ;
Заслугѣ — воздаянье!
Веселіе — въ послѣдній часъ;
При гробѣ — улованье!

Жуковскій.

Не дѣло война разсуждать о причинахъ, за-
спавляющихъ Правительство вести войну: его
дѣло — повиноваться и исполнять свою долж-
ность самымъ лучшимъ образомъ.

Въ военное время, чѣмъ болѣе нанесетъ онъ вреда непріятелямъ, чѣмъ болѣе поспавитъ ихъ въ несоспоянiе вредитъ; шѣмъ онъ славнѣе, шѣмъ Правительство ему благодарнѣе. Но сіе самое возлагаешъ на него обязанность, бытъ во всякомъ случаѣ добрымъ и великодушнымъ. Съ гордостью долженъ онъ представлять себѣ, что если война сопровождается величайшими ужасами и бѣдствіями; то она же представляетъ нѣжному сердцу самые частые случаи, оказывать свое благородство.

Обязанность военнаго человѣка начинается съ его подчиненныхъ: они приближаются къ нему не съ страхомъ, а съ уваженіемъ; его дисциплина строга, но не груба; почва, однакожъ не мѣлочна. Онъ награждаетъ безъ приспрасія и наказываетъ безъ вспыльчивости. Никакая вина не оспаривается безъ наказанія; но чувствительность сияетъ на его лицѣ при исполненіи правосудія, и сожалѣніе сопровождаетъ необходимо въ военномъ ремеслѣ строгость.

Онъ неумолимъ, когда наказываетъ прослушки, унижающіе война, показывающіе подлость чувствъ его: онъ увѣренъ, что низкій человѣкъ всегда шурь, а шурь всегда низокъ. Онъ старается возбудить въ подчиненныхъ своихъ живое чувство чести и правоты, неразлучной спутницы мужества и вѣрности.

Онъ умѣетъ вселить къ себѣ страхъ безъ ненависти и заставить любить себя, не ослабляя власти начальнической. Открытъ, смѣлъ, рѣшительнъ, самонадеженъ; онъ презираетъ происки, гордится своимъ званіемъ и чувствуетъ свою силу.

Въ рѣчахъ его отражается твердость характера: сколько словъ — столько мыслей. Его широкая, смѣлая, но правильная кисть проводитъ большія чершы. Такъ намъ кажется, что Рембрантъ безопасно набрасываетъ бѣлую, черную, красную, зеленую краску; забываетъ переходы опъ свѣта къ тѣни и не печется о томъ, что каждая черша его особо можетъ быть принята за ошибку; но заботится о дѣйствицѣлаго.

Обращая въ пользу праздное время, которое товарищи его издерживаютъ на карты, вино, развратъ и скуку, благовоспитанный военный человекъ занимается чтеніемъ. Въспомнѣвъ съ цѣльми Словесности, срываетъ онъ плоды высокой Нравственности и пріобрѣтаетъ свѣдѣнія, для его званія необходимыя.

Тактика, Фортификація, Топографія, языки народовъ сосѣдственныхъ и труднѣйшая всѣхъ наука — управленье людьми: вотъ предметы его ученыхъ занятій, источникъ наслажденій и уваженія. Между тѣмъ, онъ лучше другихъ знаетъ военные обороты, ловко мечетъ ружьемъ, знаетъ всѣ подробности службы, всѣ мѣлочныя пріемы, всѣ нужды солдата. И лезя ли незнать ихъ? На немъ лежитъ обязанность, наставляя другихъ; а есть ли возможность обучать тому, чего самъ не знаетъ? Онъ изясняется ясно, сильно и точно; въ случаѣ необходимости, будетъ онъ умѣть воспламенить солдата своихъ. Соединяя Теорію съ Практикою, онъ заранѣе обдумываетъ средства для случаевъ непредвидѣнныхъ и извлекаетъ выгоды изъ мѣстнаго положенія. Дайте ему трудную

задачу; онъ въ одно мгновеніе разрѣшилъ ее, и припомъ не пошеряешъ изъ виду главныя правила: *простоту, скорость, вѣрность соображеній.*

Педантизмъ и суровость, болѣе или менѣе, соединены съ военнымъ званіемъ. Онъ это знаетъ; но смягчаетъ ихъ участіемъ и ласкою, и умѣетъ вести подчиненныхъ не доходя ни до шоваритства, ни до униженія, не приучая ихъ къ праздности и не изнуряя трудами бесполезными. Разборчивый въ приказаніяхъ, онъ ихъ не расточаетъ; но строго пребудетъ, чтобы каждое имъ отданное приказаніе было точно выполнено. Опытомъ дозналъ онъ, что забвеніе одного приказа вредитъ двадцати, приведеннымъ въ исполненіе. Когда кто докажетъ ему, или самъ онъ замѣтитъ, что его распоряженіе не приноситъ ожидаемой выгоды; то не спыдишя уничтожитъ оное. Почтительностію къ высшимъ себя, безпрекословнымъ послушаніемъ и уваженіемъ, съ какимъ говоритъ о своихъ Начальникахъ — онъ служитъ примѣромъ повиновенія.

Поддерживая гордость военныхъ людей, онъ наблюдаетъ строгую справедливость; покровительствуетъ мирнаго гражданина и боязливаго земледѣльца противъ ихъ дерзости и мыслитъ, какъ Капонъ, «что для воина мало быть храбрымъ, а надобно быть честнымъ.»

Его добродѣтели сосредоточены въ словѣ *гестъ*; съ благородствомъ и безпристрастіемъ осыпаетъ онъ похвалами и наградами всѣхъ, кои имѣютъ счастье, служить подъ его начальствомъ.

За то они увѣрены, что одною ревностью и честностью могутъ угодить ему. Самые даже льстецы ищутъ къ нему поддѣлаться и спараясь объ усердномъ исполненіи должности, находящъ новыя наслажденія, о которыхъ не имѣли они понятія.

Одна мысль, удержавъ что-либо изъ малаго солдатскаго жалованья, пищи или одежды, его ужасаетъ. Онъ печется объ ихъ довольствѣ, спрашиваетъ о хозяйствѣ, защищаетъ отъ людей *растетливыхъ*, посѣщаетъ въ больницахъ, и дружески сидя на постелѣ спрадальца-поварища, ободряетъ, помогаетъ и утѣшаетъ.

Извѣстно, что нѣтъ людей благороднѣе солдатъ: храбрость заключаетъ въ себѣ зародышь всѣхъ благородныхъ склонностей. Она никогда не бываетъ одна, но и у самыхъ разбойниковъ сопровождается какимъ-то великодушіемъ. Прибавьте, что никто не въ состояніи шакъ хорошо опредѣлить насъ, какъ наши подчиненные. Передъ высшими себя мы являемся шакими, какими потребуешь наша выгода: чѣмъ подлѣе человекъ, тѣмъ лучше припворяешься. Соперничество и зависимость не позволяешь выказавъ достоинство нашихъ въ бесѣдѣ съ равными. Одни подчиненные знаютъ намъ истинную цѣну и добрый начальникъ ими обожаемъ.

Не меньше любимъ онъ поварищами по службѣ: вѣрность въ пріязни, готовность на услуги, постоянный тонъ въ обращеніи, веселость и вѣжливость искренно сближаетъ его съ ними. Онъ оживляетъ во всемъ, его окружающемъ, духъ древняго Рыцарства; воспламеняетъ сердце къ славѣ, и если бы воины носили еще девизы

на щипахъ и шлемахъ своихъ, то ему бы всего приличнѣе было присвоить себѣ *Баярдовъ* девизъ: *безъ страха и зурницы*.

Цѣломудренный и нѣжный душею воинъ любить бесѣду съ женщинами; ихъ милый взглядъ, живые разговоры, нѣжное обращеніе необходимо смягчающъ суровый видъ его и поддерживающъ ангуизмъ къ высокому и изящному. Онъ предпочитаетъ ее всѣмъ другимъ удовольствіямъ, но не играетъ сваяпоспью брачныхъ союзовъ и не нарушаетъ семейственнаго спокойствія.

Онъ постигъ, рѣдкимъ извѣстное, искусство соединять оспрошу съ глубокомысліемъ, блескъ ума съ силою разсудка и ученость съ веселостью. Возвращаясь домой изъ дружескаго круга, можешь онъ вычислить верженіе бомбы, полетъ ракеты или уголь полигона, и послѣ занятой Метафизическихъ забавляется дѣтскими играми.

Мудрецъ поштру, весельчакъ ввечеру; свѣтскій человекъ на зимнихъ кварпирахъ; онъ Герой въ походѣ. Онъ приучилъ шѣло свое къ шрудамъ, чувства къ лишеніямъ, и потому въ несперпимую погоду, шерпя недоспашокъ въ необходимомъ, голова его свободна и сердце не подвластно обстоятельству. Для него все равно: ночевать на сухомъ ночлегѣ, или до кошей промокнуть, неимѣть покоя днемъ, проводить безъ сна ночи, обѣдать у роскошнаго Вельможи, или грызть сухари и запивать мушною водою. Его единственна роскошь состоить въ искусствѣ, безо всего обойшися. Добрая лошадь, хорошее оружіе, цвѣтущее состояніе вѣреннаго ему опряда — вошь его пышность.

Непроницаемый въ замыслахъ, быспрый въ исполненіи, онъ производитъ большія дѣла съ малыми средсвами. Въ самыхъ сомнительныхъ случаяхъ онъ весель и спокоенъ; опасность не помрачаетъ, но проясняетъ умъ его. Становясь всегда выше обстоятельствъ, онъ изъ смѣшенія спихій военныхъ выводишь новый свѣтъ и порядокъ. Тамъ, гдѣ опчаянное положеніе лишаетъ другихъ способности размышлять, умъ его, какъ бы запрепенувшись, быстро рѣшается на шо или на другое: скорость замѣняетъ у него вѣрность соображеній; хладнокровіе пипаетъ въ немъ увѣренность, что опасность не неизбѣжима. Однакожь успѣхи его не ослѣпляютъ: онъ умѣетъ остановиться, и какъ гнѣвный Ахиллъ, обнажа мечъ до половины, удерживается Минервою, выжидаетъ благоприятнаго случая и опказываетъ опъ невозможнаго.

Непоколебимый въ бѣдспвіяхъ, умѣренный въ счастіи, онъ вполнѣ умѣетъ воспользоваться побѣдою и мыслишь съ Цесаремъ, что онъ ничего еще не сдѣлалъ, если ему опшалось что-нибудь сдѣлать. Спокойный посреди кровопролитія, но не хладнокровный къ бѣдспвіямъ чловѣковъ — брагій своихъ, онъ и въ сраженіе приносипъ душу чувспвительную и соспрадапельную. Дорожа кровью самыхъ враговъ своихъ, онъ не проливаетъ ее напрасно; вспупая въ землю непріятельскую, не допускаетъ разорять ее и строго взыскиваетъ съ подчиненныхъ своихъ за каждую каплю слезъ и крови.

Мысли о женщинахъ.

(Извлечено изъ разныхъ Писателей).

Оба пола подвержены спраспямъ и суешности; но женщины гораздо нѣжнѣе въ своихъ чувствованіяхъ. Мущина нерѣдко увлекается порывомъ спраспей, а женщина почти всегда умѣетъ умѣрять оныя.

Холодность женщины не всегда происходитъ отъ одинаковой причины. Источникомъ оной бываетъ иногда гордость, иногда оспорожность, а всего чаще заспѣнчивость.

Мы часно жалуемся на непосоянство прекраснаго пола. Но спрашиваю: развѣ мы не плашимъ ему шѣмъ же и даже съ избыткомъ?

Кокешство есть сѣшь, разспавляемая хипрости, а пришеворная суровость — проспощѣ.

Холодная женщина съ презрѣніемъ смоприть на своего обожателя; чувствительная, если не раздѣляетъ его спраспи, гордится своимъ опказомъ, но при самомъ поржеспвѣ своемъ воспоминаетъ о немъ съ невольною жалостию, поспепенно смягчается и нерѣдко награждаетъ посоянство его взаимною любовью.

Прелестная женщина, неимѣющая любезныхъ качествъ, подобна прекрасному цвѣшку, издающему запаха.

Мущины присвоили себѣ всѣ Геройскія, блестяція, добродѣтели. Чпо же осталось женщинамъ? Добродѣтели семейныя, шихія и кропкія, но шѣмъ болѣе достойныя уваженія, что слава и честполюбіе, сіи споль важныя пружины человѣческихъ дѣиспвій, нимало въ оныхъ не участвуютъ.

Мы называемъ женщинъ — существами сла-
бѣйшими и при всемъ томъ требуемъ отъ
нихъ гораздо болѣе, нежели отъ насъ самихъ.
Какъ согласить это противорѣчiе? Чѣмъ
оправдашь сію несправедливостъ? развѣ поль-
ко тѣмъ, что мужчины, будучи законодаше-
ми мнѣнія, поспавили сами себя, — по крайней
мѣрѣ въ нѣкопрыхъ отношенiяхъ, — превыше
онаго?

»Мужчина,« говоритъ Г-жа *Неккеръ*, »долженъ
презирашь общее мнѣніе, а женщина покарать-
ся оному.« Последнее правило всегда справед-
ливо; но въ первомъ могутъ быть исключенiя.

Многіе укоряли прекрасный полъ въ вѣпре-
ности и неспособности заниматься глубокими
размышленiями. Одинъ Г. *де Баръ* опдалъ
оному полную справедливостъ слѣдующими
словами:

Femmes, quand vous pensez,
Vous pensez mieux, que nous.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Чистый понедѣльникъ.

Прошла недѣля сумашохи,
Умолкли гусли и пѣвцы,
И покаянья шажки вздохи
Разносятся во всѣ концы.
Спѣшаютъ Пресвитеры избранны,
Лѣчатъ сердце глубоки раны
И пятна совѣспи смывають;
Безбожныхъ — къ Вѣрѣ православной,
Порочныхъ — къ жизни благонравной
Поспомъ съ молишвой обращають.

*

Какая смѣшанна картина
Является въ дѣлахъ людей!
Предметы разны, но причина
Одна и шажъ: — игра спраспѣй.
Вчера я пѣлъ, игралъ, прельщался,
Ни съ кѣмъ судьбою не мѣнялся
И видѣлъ небо на земли.
Сегодня всѣ мечты пропали
И мрачной совѣспи печали,
Какъ камень, на сердце легли.

*

Давно ль, доволенъ самъ собою,
Забывъ недугъ и лѣшъ число,
Я съ спраспѣю пламенной душою
Искалъ шамъ благъ, гдѣ было зло;
Плѣнялъ свой слухъ пріятнымъ пѣньемъ,
Глаза — красою всѣхъ лицезрѣньемъ;
Всего себя спраспѣямъ отдавъ,
Я мнилъ, восшоргъ очарованья
Есть рай души, есть цѣль созданья,
Что радость — богъ, міръ — храмъ забавъ!

*

Когда бь мы лучше разсуждали,
Прогнаеъ шуманы нашихъ грѣзъ,
За мигъ веселья бь не дерзали,
Удары рока, гнѣвъ Небесъ,
Предпочишашь тому блаженству,
Непоснижиму совершенству,
Какое любящимъ Его,
Богъ мира непреложнымъ словомъ,
Предугоповиль, въ Царствѣ новомъ,
Сынамъ наслѣдья Своего.

Но мы, привыкнувъ заблуждашья,
Легко бѣды переносимъ,
Чшобъ мигъ одинъ лишъ наслаждашья,
Гшобы цѣлый вѣкъ шужимъ.
Подъ игомъ сладостнаго чувства,
Мы испощаемъ всѣ искусства
И всю дѣятельность ума
На то, чшобъ жизнью скоротечной
Упрашимъ блага жизни вѣчной
Гдѣ ждешъ насъ жупель, червь и шьма!

О люди! съ шѣсной сей юдоли,
Просприте къ вѣчности вашъ взглядъ,
Еще доколѣ въ вашей волѣ,
Спяжашь въ ней рай, избьгнушь адъ.
На Геній свой не полагайшесь;
Хвалою людской не обольщайшесь!
По смерти слава — звукъ пустой;
Земное все въ землѣ испишешъ.
Блаженъ spokрашъ, кшо разумѣшъ
Науку, правишъ самъ собой.

Блаженъ, кто чувствуешь всечасно
И съ убъжденіемъ прямымъ,
Что все, что въ мірѣ ни прекрасно,
Есть тусклый призракъ, мрачный дымъ;
Что перепи сыя не для забавы,
Не для своей безплодной славы,
Всему творенью предпочтенъ;
Что онъ, какъ Царь всея Природы,
Съ дарами разума, свободы,
Во славу Божью сотворенъ.

*

Къ сему единственно предмету
Текише, сверстники мои!
Мы долго дань плашили свѣшу; —
Пора бѣлишь дѣла свои;
Пора готовишься къ жилищу,
Въ кошоромъ Кесарю и нищу
Нѣшь очиспительныхъ седмиць;
Гдѣ духъ, оставя здѣсь заботы,
Поспигнешъ Господа субботы
Въ единосуціи шрехъ Лиць.

К. И. Долгорукой.

Ш а р а д а .

Будь бѣденъ ты или богашъ,
Но первое мое всегда найдешь въ кармаиъ
И въ каждомъ у себя кафтанъ;
Однако же шому не будь ты очень радъ:
Въ рукъ швоей его не будешь, брашъ!
Мое в шорое,
Хошъ безпокойное, случается въ покоѣ
На пополкъ,
На чердакъ, —

Хоть цѣлымъ ничего оно не оставяешь;
Однако жь цѣлое въ моей Шарадѣ естъ
И даже изъ него — рогожи можно плести.

Еще въ себѣ одно шарада заключаешь:

Возми её на оборотъ,

Вшорое первымъ будь — и спало все иное:

Ужь цѣлымъ сдѣлалось вшорое.

И вошь какой непостоянства плодъ:

Хоть цѣлымъ сдѣлалось, однако жь уменьшилось,
Лишь только опъ шого, чино шакъ перемѣнилось.

(Опгадка помѣщена будешь въ слѣдующемъ
№. Прибавленій.)

НОВОСТИ ЛИТТЕРАТУРЫ.

№. II.

ПРОЗА.

Воспоминанія Г-жи Сталь о Россіи.

(Изъ послѣдняго ея сочиненія: Dix années d'exil.)

Москва.

Нѣкто справедливо сказалъ, что Москву скорѣе можно назвать областію, нежели городомъ. Дѣйствительно, въ сей столицѣ найдете вы дворцы, дома и хижины; обширные рынки, подобные Воспочнымъ базарамъ; монастыри и церкви; множество публичныхъ заведеній; рѣки и водоводы; сады и Парки. Многообразіе народовъ, обитующихъ въ Россіи; разнообразныя ихъ нравы и обычаи — все соединяется въ семъ пространномъ городѣ. Кажется, что здѣсь находите вы сокращеніе всей Европы и Азіи. Груды Кашемирскихъ шалей наполняютъ магазины Бухарцевъ. Множество Китайскихъ товаровъ заславляютъ васъ думая, что вы пріѣхали въ какой-нибудь городъ сей отдаленной Имперіи. — Свободный и дружественный поны господствуетъ въ Московскомъ обществѣ.

Рускіе Вельможи, окончившіе поприще службы, Гражданской или Военной, по большой части переселяются въ Москву. Но они тѣмъ не менѣе изъявляютъ любовь свою къ ошечеству, значительными пожертвованіями для общаго блага. Нѣкоторыя изъ нихъ основали благотворительныя заведенія; другіе собираютъ драгоценныя произведенія Природы и Искусства, во всѣхъ возможныхъ родахъ. Иныя употребляютъ избытки свои на великолѣпные праздники, коимъ подобныя можетъ только предсавить роскошное воображеніе Воспочныхъ Писателей.— Во время прибытія моего въ Москву (въ 1812-мъ году), приготовленія къ войнѣ и добровольныя пожертвованія для ошечества сосавляли предметъ всеобщихъ разговоровъ. Нѣкоторыя знатныя Помѣщики набирали цѣлыя полки, а другіе предосавляли Государству значительную часть своихъ доходовъ. Всѣ Сословія раздѣляли сіе усердіе и мирныя земледѣльцы добровольно оспавляли свои семейства, дабы вспудить въ ряды воиновъ.

Кремль или Московская крѣпость, столь знаменитая Историческими воспоминаніями, обнесена высокою, древнею стѣною, съ башнями, кои скорѣе напоминаютъ Арабскіе минареты, нежели Европейскія цитадели. Вообще Воспочный вкусъ господствуетъ во многихъ зданіяхъ сего обширнаго города. Великое число церквей, разсѣянныхъ повсюду, придаетъ одному также нѣкоторый опличительный характеръ. Благоговѣніе Рускаго къ храмамъ имѣетъ въ себѣ нѣчто прогательное: онъ никогда не пройдетъ мимо церкви, не снявъ шляпы

и не сошворивъ крестнаго знаменія.—При видѣ Москвы, неволью вспомнила я Римъ. Зданія и памяшники, въ обоихъ сихъ городахъ, конечно весьма различны; но сія смѣсь великолѣпныхъ черпговъ съ садами и хижинами, сіе пространство города и бесчисленное множество храмовъ придающъ имъ нѣкоторое сходство и заспавили меня назвашь Москву—*Съвернымъ Римомъ*.

Я посѣшила Кремль въ первыхъ числахъ Августа. Я взошла въ древніе черпоги Царей по той же самой лѣстницѣ, по копорой, за нѣсколько дней предъ симъ, входилъ въ оныя Императоръ *Александръ*, сопровождаемый единодушными благословеніями безчисленнаго своего народа. Необозримыя толпы онаго, при видѣ обожаемаго Монарха, клялись нещадить для обороны опечесива, ни жизни, ни достоянія; клялись и — въ полной мѣрѣ — сдержали свое слово.

Мнѣ показывали древнія оружія Россійскихъ воиновъ. Памяшники сего рода имѣющъ здѣсь особенный характеръ. Рыцарство среднихъ вѣковъ не проникало въ Россію; въ Крестовыхъ походахъ не имѣла она никакого участія. Но безпрестанныя и упорныя брани съ Ташарами, Турками и Поляками, образовали въ сей націи нѣкоторый воинспвенный духъ, нѣкоторое непреодолимое мужество, кои, соединены будучи съ велицемѣрнымъ благочестіемъ и пламенною любовію къ опечесиву, дѣлали Рускихъ ужасными для каждаго непріятеля.

Засимъ показывали мнѣ одежду, копорую возлагали на себя Цари въ день своего вѣнчанія.

Она больше отличается глубокою своею древностию, нежели великолѣпиемъ. Я видѣла также двойной прорѣзъ, на коемъ возсѣдали нѣкогда юные Цари *Петръ* и *Иоаннъ* и позади коего, если вѣришь преданію, спановилась чеспособившая *Софія*, хонѣвшая присвоить себѣ броды Правленія.

Я всходила на высокую Соборную колокольню, называемую *Иванъ Великій*, и обозрѣвала съ оной весь городъ и окрестности. Засимъ слушала я торжественное молебствіе въ одномъ изъ Соборовъ. Безчисленное множество Московскихъ жипелей, всякаго Сословія, благоговѣнно возносили памъ молебны свои ко Всевышнему.

Торговля и промышленность сей древней столицы напоминаютъ также богатые города Востока. Множество Азіяшцовъ, въ цвѣтущихъ чалмахъ и въ одеждѣ земель своихъ, разсыпаютъ предъ вами разнообразнѣйшіе товары. Драгоценныя мѣхи Сибирскіе лежатъ большими грудями подлѣ Персидскихъ рубиновъ и богатыхъ Индейскихъ тканей.

Многіе изъ Вельможъ Московскихъ дѣлаютъ благороднѣйшее употребленіе изъ своихъ сокровищъ. Здѣсь видите въ загородный домъ Графа *Разумовскаго* (*), съ великолѣпнымъ садомъ и съ однимъ изъ богатѣйшихъ собраній чужеземныхъ распѣній. — Тамъ Графъ *Бутурлинъ* соспавилъ споль же многочисленную, какъ и драгоценную библіотеку (**). Въ числѣ рѣд-

(*) Горенки.

(**) Вскорѣ по опъздѣ Г-жи Спаль изъ Москвы, прекрасная сія библіотека учинилась добычею грабежа и пламени. (Прим. Переводг.)

кихъ книгъ, хранящихся въ оной, показывали намъ одну, съ собсшвенноручными замѣчаніями *Петра Великаго*. Думаль ли когда сей безсмертный Государь, что сіи же самыя просвѣщенные Европейцы, опъ коихъ перенесъ онъ въ спрану свою Науки и Художеспва, придущь, воинспвенными шолпами, истребляшь общеполезныя заведенія, коимъ положиль онъ здѣсь основаніе?

Съ вершины *Ивана Великаго* показывали мнѣ также Воспитательный домъ, одно изъ обширнѣйшихъ и благошворнѣйшихъ заведеній въ Европѣ. — Множеспво другихъ гошпиталей, для всѣхъ Сословіи народа, разсѣяны по разнымъ часпямъ города. Словомъ, повсюду, куда полько обращались мои взоры, видѣла я великолѣпныя памятники богашеспва и благошворительности; огромныя зданія, посвященныя роскоши и человѣколюбію. — Между сими-по громадами храмовъ и черпоговъ извивалась Москва-рѣка, соименная древней споліцѣ Россіи. День былъ прекраснѣйшій и злашыя лучи солнца опражались въ безчисленныхъ куполахъ церквей Московскихъ. Мнѣ пришла мысль, что можеспь бышь Наполеонъ взойдеспь вскорѣ на сію же колокольню, съ копорой обозрѣвала я обширную споліцу Сѣвера; можеспь бышь проникнеспь онъ въ сіе обипалище древнихъ Царей, подобно Хану большой Орды, копорый также былъ здѣсь крапковременнымъ власшптелемъ. Но небо было споль чисто, день споль прекрасенъ, что я испоргнула изъ души моей сіе спрашное предчувспвіе. И при всемъ томъ, оное исполнилось: по прошеспвіи мѣсяца

величественный сей городъ превратился въ пепель и развалины, подобно всѣмъ, куда ненасыпный завоеватель приносилъ съ собою войну и опустошеніе! Но Государь и народъ Россійскій заславилъ его дорого заплапиль за сіе минувное поржество чесполюбія! Вѣдствіе Москвы искупило Россію и благочеспивый сей городъ палъ, какъ мученикъ, коего Геройственный конецъ воспламенилъ новымъ усердіемъ и придалъ новыя силы многочисленнымъ его собратіямъ.

(Продолженіе впредь.)

Нѣчто о знаколствахъ.

(Изъ записокъ одного свѣпскаго челоѡка.)

Всѣмъ извѣстна старинная пословица: »Скажи мнѣ, съ кѣмъ ты обходишься; а я скажу тебѣ, кто ты таковъ.« Можеть быть, она и справедлива; но до меня она совсѣмъ не касается. Мудрено было бы судить о моемъ характерѣ и образѣ мыслей по безчисленному множеству знакомыхъ и даже друзей, коихъ нашелъ я въ разныхъ странахъ Европы и копорыхъ званіе, нравственность, семейныя связи и даже самыя имена по большой части мнѣ неизвѣстны.

Занѣсколько лѣтъ предъ симъ былъ я въ Римѣ. Однажды возвращался я домой, довольно поздно и по опдаленной улицѣ. Тутъ напали на меня разбойники, кои бы вѣрно меня ограбили и можеть быть лишили жизни, если бы какой-то *Г. Томассо* не подоспѣлъ ко мнѣ на помощь. Сей честный Римлянинъ защищалъ меня съ опасностію собственной жизни, и обративъ въ бѣгство мошенниковъ, просилъ меня взойти къ себѣ въ домъ. Само собою разумѣется, что я поклялся ему въ вѣчной дружбѣ и признательности. Но къ сожалѣнію, я худо зналъ тогда Италіанской языкъ и оставилъ моего избавителя въ твердой увѣренности, что *Томассо* была его фамилія, между тѣмъ какъ это было собственное его имя. На другой день началъ я опискивать *Г. Томассо*; но Италіянцы отвѣчали на вопросы мои громкимъ смѣхомъ, и я — выѣхалъ изъ Рима, не изъяснивъ ему своей признательности.

Находясь въ Роттердамѣ, шелъ я по берегу одного изъ шамошнихъ каналовъ, во время гуспаго шума и — упалъ въ воду. Одинъ высокій Голландецъ, которій вѣроятно предполагалъ, что я не умѣю плавать, поспѣшно скинулъ съ себя коричневой свой кафтанъ и парикъ; съ шрубкою во рту бросился за мною въ каналъ и — съ удивительнымъ проворствомъ — выплывалъ меня на берегъ. Я не зналъ, какъ благодарить его; но важный Голландецъ пожалъ мнѣ руку и продолжалъ свой путь, сказавъ мнѣ только слѣдующія слова: »Домъ мой естъ лучший въ этой улицѣ. Мнѣ всегда будешь пріятно, видѣть Васъ у себя.«

Разумѣется, что я не опекладывалъ сего поощренія. Едва успѣлъ я переодѣться и высушиться, какъ уже отправился къ доброму своему Голландцу. Я долго искалъ дома, лучшаго во всей улицѣ; но нашелъ, что всѣ дома построены по одному образцу и едва ли чѣмъ отличаются одинъ отъ другаго. Я спрашиваю высокаго, толснаго человѣка, въ коричневомъ кафтанѣ и въ черныхъ чулкахъ. Мнѣ отвѣчали, что Роттердамскіе граждане почти всѣ толсты и всѣ безъ исключенія носятъ коричневые кафтаны. — Я принужденъ былъ оставить городъ, не узнавъ даже и имени новаго своего благодѣтеля.

Въ Лондонѣ, гдѣ челоѣколюбивыя заведенія сближаютъ всѣ націи, въ Россіи, сей обихъ гостепріимства и добродушія, повсюду сдѣлалъ я множеству пріятныхъ знакомствъ; повсюду нашелъ я друзей, о которыхъ могу только сказать, что они — друзья мои.

Должно однакожь признахся, что нигдѣ не здѣлалъ я сколько скорыхъ, нечаянныхъ, но по большой части пріятныхъ связей, какъ въ Парижѣ. Характеръ мой, отъ природы опкровенный и ласковый, пріобрѣлъ мнѣ множество добрыхъ пріятелей во всѣхъ классахъ общества. Едва появлюсь я въ Тюльерійскомъ саду, какъ уже цѣлыя группы дѣшей меня окружають. Кшо просить у меня игрушекъ, кшо пирожковъ и карамелей, коими я, отъ времени до времени, угощаль маленькихъ друзей своихъ, хощя совсѣмъ не знаю ихъ родителей. Когда я, прогулявъ на бульварѣ, сажусь на лавочку; шо молодья и нерѣдко прекрасная мои сосѣдки шощасъ заводяшъ со мною разговоры — о погодѣ, о городской пыли, о новостяхъ и ш. д. Разговоръ сей, мало по малу, дѣлается занимательнѣе и наконецъ — милья сосѣдки просяшъ меня, проводишъ ихъ домой; отъ чего я, съ своей спороны, никогда не отказываюсь. — Въ Театрѣ молодые люди лучшаго шона ко мнѣ подхояшъ; хваляшъ покррой моего плашья, бѣлизну моей косынки и шонкія складки манжеть; спрашивають: снисходительнень ли мой поршной и гдѣ живешъ моя прачка? — Разговоръ нашъ становишся живѣе, занимательнѣе и мы разшаемся — добрыми друзьями.

Вчера, послѣ обѣда, встрѣшился я съ однимъ изъ сихъ молодыхъ людей, котораго видѣлъ одинъ шолько разъ въ Италіанской Оперѣ. »Здравспивуй, мой милой,« говоритъ онъ мнѣ. »Шшо намѣренъ ты дѣлать сегодня вечеромъ? Вѣрно пойдешъ шы позѣвашъ въ *Одеонъ* (*) или

(*) Одинъ изъ Парижскихъ Театровъ.

подремать въ Апеней? Но можешь быть ты приглашенъ на партію *реверси* или на *экарте*?» — «Нѣтъ», отвѣчалъ я новому своему другу. «Я найду шеперь къ *Тортони* и отдохну шамъ за рюмкою мороженаго; а вечеръ проведу я въ пріятнѣйшемъ обществѣ, у Г-жи N.» — «Ты меня ей представишь?» — «Я?» . . . — «А для чегожь нѣтъ?» — «Но я не довольно Васъ знаю.» — «Какое до этого дѣло? Между друзьями . . .» — «Хорошо. Пойдемъ.»

Мы являемся къ Г-жѣ N. Многочисленное общество наполняло уже гостиную; но я пошчасъ опшискиваю хозяйку и представляю ей моего друга. Его принимающъ весьма ласково и вскорѣ попомъ подающъ ему карпу. Мы садимся играть за разные столы; какъ учпивые Кавалеры, проигрываемъ Дамамъ и въ добавокъ — осыпаемъ ихъ комплименшми. Все общество опъ насъ въ восхищеніи; но хозяйка, въ полной мѣрѣ раздѣляющая сіе мнѣніе, любопытшсшвуешъ знать имя новаго своего собесѣдника. Разумѣется, что съ симъ вопросомъ обращается она ко мнѣ. «Его имя?» сказала я въ замѣшательствѣ. «Могу васъ увѣришь, что это молодой человекъ хорошей фамиліи и прекрасно воспитанный.» — «Но его имя? . . .» — «*Эдмонъ*.»

Я думалъ, что выпупался изъ бѣды; но Г-жа N. проникла мое смущеніе и хотѣла удостовѣришься въ истинѣ словъ моихъ. Черезъ четверть часа входитъ слуга и объявляетъ, что спрашивающъ Г. *Эдмона*. Никто не отвѣчаетъ; даже и мнимый *Эдмонъ* сохраняетъ глубокое молчаніе. Наконецъ я нахожусь при-

нужденнымъ, прервашь оное и объявить моему другу, что за нами прїѣхали. Хозяйка оповодить меня въ спорону и говоритъ мнѣ съ обыкновенною своею крошосію: «Признайшесь, что Вы не знаете даже имени искренняго Вашего прїяшеля. Вы съиграли мнѣ пакую шушку, которой бы другая Вамъ не проспила. Но эшошъ молодой человекъ понравился мнѣ и всему общесшву. Развѣдайте о немъ подробнѣе, и если получите хорошій опзывать, шо приведите его къ намъ опашь.»

Я исполниль волю Г-жи N. Къ счассію для меня и для моего друга, всѣ особы, къ коимъ я обращался, опзывались о немъ благопрїяшнѣйшимъ образомъ. Чрезъ нѣсколько дней возвратились мы вмѣстѣ къ Г-жѣ N., гдѣ нашли его еще любезнѣе прежняго. — Но что было бы со мною, если бы случилось иначе?

Съ Франц.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Димитрій Самозванецъ. (*)

Дума.

Чьѣ такъ дико блещуть очи?
Дыбомъ черной волосъ всталъ!
Онъ спрашится мрака ночи!
Зрю — сверкнуль въ рукъ кинжалъ! . . .
Вошь идешь . . . споршь . . . шрепещешь . . .
Быспро бросился назадъ;
И, какъ злой пресступникъ, мещешь
Вдоль чершого робкій взглядъ! . . .

*

Нѣ убійца ль сокровенной,
За Москву и за народъ,
Надъ спезею похаенной
Самозванца сбережешь?
Вошь къ окну оборотился,
Вдругъ луны сребристый лучъ
На чело къ нему скапился
Изъ за мрачныхъ грозныхъ шучъ.

*

Чю я зрю? То хищникъ власти
Лжедимитрій памъ споршь;
На лицъ пылающъ спраши;
Трещца онъ говоритъ:

(*) Многіе неблагонамѣренныя, иностранныя Писатели усиливались доказать, что Самозванецъ былъ исплинный Димитрій — свия Царя Іоанна Василіевича Грознаго; но знаменитый Испіографъ нашъ блиснательнѣо опровергнуль ихъ умышленное сомаше.

Г. Карамзинъ ясно доказываетъ, (въ X-мъ помѣ Испіоріи Государства Россійскаго, который, къ славъ ошечества, вѣроятно выдешъ въ концъ нынѣшняго года) изъ Лѣтописей, современныхъ дѣловыхъ бумагъ и переписокъ, что самозванецъ — былъ самозванецъ и что исплинный Димитрій-Царевичъ убиевъ въ Угличъ.

„Тамъ въ черпогахъ кпо-шо бродить!
„Шорохъ! . . заскрипѣла дверь! . . .
„И топъ призракъ чей-шо входить! . . .
„Эшо пы — Бориса дщерь! . .

*

„О, молю! избавь опъ взгляда . . .
„Укоризною горя,
„Онъ вселяешъ муки ада
„Въ грудь пресупнаго Царя! . . .
„Но исчезла у порога; —
„Эшо кпо жь мелькнулъ и спалъ,
„Прихаясь въ углу черпога . . .
„Эшо Ш у й с к о й! . . Я пропаль!“ . . .

*

Такъ спрадалъ злодѣй коварной
Въ часъ спокойствія въ Кремль;
Проступалъ безперестанно
Потъ холодной на чель! —
„Не укроюсь я опъ мценья!“ —
Онъ невнятно прошенпалъ —
„Дя пирана нѣшь спасенья!
„Другъ ему — одинъ кинжалъ! . .

*

„На престолъ, иль на ложъ,
„Иль въ полпъ на площади,
„Рано, поздно ли, но все же
„Бышь ему въ моей груди!
„Прекрацу свой вѣкъ поспылый;
„Мнѣ наскучило спрадашь
„Во дворць, какъ средь могилы,
„И убицу наждашь!“ — —

*

Спаль ванесъ — она сверкнула! . . .
И пресупный задрожалъ . . .
Смерть пирана ужаснула!
Выпалъ подвѣшый кинжалъ . . .

„Не настало еще время;“
Проспональ онъ — „но придетъ —
„И несносной жизни бремя
„Тяжкой ношею спадешь.“ —

*

Но какъ будпо вдругъ очнувшись:
„Что свершишь рѣшился я?“ —
Онъ воскликнулъ ужаснувшись —
„Нѣтъ! не погублю себя . . .
„Завтра жъ, завтра все разрушу!
„Завтра хлынешъ кровь рѣкой —
„И встревоженную душу
„Вновь порадуешь покой!“

*

„Вмѣсто проошцевъ закона
„Я введу законъ Римлянъ;
„Грозной мещью гряну съ прона
„Въ подозрительныхъ гражданъ.
„И швоя падешь на плахъ,
„Буйный Шуйской, голова . . .
„И дымясь въ крови и прахъ
„Защрепещешь пы, Москва!“

*

Смолкъ. — Преступныя надежды
Удалили страхъ — и онъ
Легъ на пышный одръ — и вѣжды
Оковалъ превожный сонъ.
Вдругъ среди безмолвья грянулъ
Вой набаша близъ дворца!
И пиранъ съ одра воспрянулъ
Съ смершной блѣдностью лица!

*

Побѣжалъ и зришь у входа,
Изо всѣхъ Кремлевскихъ вращъ,
Волны шумныя народа
Ко дворцу, шремясь, кипящъ,

Вотъ приближились, напали;
Храбрый Шуйскій впереди —
И Сармапы побѣжали
Съ хладнымъ ужасомъ въ груди.

*

„Все погубло! нѣтъ спасенья .
„Смерть прибѣжище одно!“
Рекъ пирань . . . еще мгновенье —
И бросается въ окно!
Паль на камни, и при спускахъ
Сабель, копій и мечей,
Жизнь окончилъ въ спрашныхъ мукахъ
Нераскаянный злодѣй.

Рылѣевъ.

Жизнь и надежда.

Что ты на помный голосъ наспроилъ
Ръзвую лиру, бѣдный Пѣвецъ?
Что ты такъ мраченъ? — Впали ланишы;
Грусь на чель!
Жизни ли бремя въ мѣръ коварномъ,
Чувства ли нѣжны шревожашъ Пѣвца? —
Или поскуешь о шѣхъ, что почили
Въ хладной землѣ?
Въ дружбѣ-ль измѣну, въ любви-ль позналъ? . . . ;
Слезы въ ошвѣпъ мнѣ, шяжкіе вздохи!
Брось же ты лиру; другу повѣдай
Сердца поску!
Видишь ли моря синяго воды?
Видишь ли челнъ сей, рѣемъ волной,
Съ берега на берегъ въшпромъ носимый?
Жизнь наша — чель!
Видишь ли также: пламя вѣпся,
Блескъ ошражая въ мрачныхъ волнахъ?
Пушникъ несчастный! То пламень надежды!

Фарось сей — другъ!

К. Д. Долгорукой.

Загадка.

Хоть въ свѣшѣ дамюю мы блѣшь не суждены,
 Однако ручки намъ создашелемъ даны;
 Мы не сморкаемъся, однако носъ имѣемъ,
 Которымъ иногда другихъ сморкашь умѣемъ;
 Имѣемъ голову, но, будучи безъ плечъ,
 Подчасъ и голову мы обрашаемъ въ пещь,
 Въ копорую огонь кладемъ для погашенья,
 И шолько для шого, чшобъ онъ горѣшь свѣшлѣй.
 Намъ Богъ сосѣдку далъ, чшобъ дашь ей просвѣщенья;
 Свой способъ ешь у насъ: мы шюю рубимъ ей
 И ошь шого она спановишя живѣй.
 Не входимъ никогда мы въ Царскіе черпюи,
 Но насъ не видывалъ и въ хижинѣ убогій.
 Для нашихъ намъ работъ не нуженъ свѣшь дневной:
 Рабошамъ всегда мы съ салъною свѣчюй,
 Не зная скуки, мы часшехонько зъваемъ;
 Лишь съ шѣмъ, чшобъ рѣшь закрышь, его мы расшваремъ.
 Намъ должно бь о себѣ не мы, а я сказашь,
 За шѣмъ, чшо никогда мы не бываемъ двое;
 Но ми о жестшвомъ свое единашшо украшашь
 Насъ не достоинство засшавило какое.
 Не значашь наше мы, чшо наше пишло Царь;
 Мы далеки ошь сей блисшательной судьбныи,
 Его Граммашки внесли не безъ причыны
 Въ Академическій Словарь.

Шарада, напечатанная въ предъидущемъ No.
 значашь — *камышь*.

НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ.

№. III.

ПРОЗА.

О нравахъ и обычаяхъ нынѣшнихъ Грековъ.

(Переводъ съ Нѣмецкаго.)

Греки вообще живы, оборотливы и одарены отъ Природы многими способностями. Съ самой нѣжной юности обучающа уже они избѣгаютъ своего ига, усхраняясь отъ власпи и припворспивовашъ; отъ сего-шо спановяща они вѣроломны, лукавы, коварны и льспивы. Жершвуя всѣмъ минушной выгодѣ, не думаютъ ни сколько о будущемъ; самое малѣйшее несчаспие лишаешъ ихъ бодрости; за шо въ счаспии они надменны и горды. (*) — Пылкостъ, свойспвенная всѣмъ народамъ Юга, оказываешся во всѣхъ ихъ движеніяхъ и даже въ самомъ языкѣ. Гдѣ только возможно, предающа они шумнымъ удовольспвіямъ; вообще веселые собесѣдники, но недовѣрчивы. — При живомъ и быспромъ воображеніи, языкъ ихъ весьма богашъ подобіями,

(*) Разумѣшся, что здѣсь, какъ и вездѣ, нѣтъ права безъ исключенія.

сравненіями, фигурами, и потому не удивительно, что для жителя Сѣвера каждое ихъ описаніе, каждая повѣсть покажутся увеличенными. Едва произнесутъ они одно слово, какъ уже всѣхъ Священныхъ призывають въ свидѣтели своей честности и справедливости. Жители холоднаго Сѣвера часто обманываются, если вѣрятъ словамъ ихъ буквально, непонимая хитросплетенныхъ ихъ выраженій. Впрочемъ Греки по большей части бываютъ добрые отцы и добрые супруги, а женщины примѣрнымъ образомъ исполняютъ свои обязанности. — Они могутъ переносить всякія усилія и жить умеренно, если то надобно; за то въ излишествахъ не знаютъ уже никакого предѣла. Нерады о чистотѣ въ одеждѣ своей; но любятъ наряды и, какъ всѣ жители Юга, преимущественно употребляютъ живые, яркіе цвѣты. — Всѣ они суевѣрны и вообще мало просвѣщены (*), хотя далеко превосходятъ въ познаніяхъ пришельцевъ своихъ — Турокъ. — Будучи щеславны въ высочайшей степени, стараются они достигать почестей, какими бы то ни было способами, и получивъ въ семь успѣхъ, съ презрѣніемъ смотрятъ на своихъ собратьевъ.

Въ Конспаншинополѣ, и именно въ предмѣстіи Фаналѣ, гдѣ живутъ одни Греки, есть особенный классъ, копорой называетъ себя *благородными* и съ прочими соотечественниками обходится гордо и презрительно. Оный со-

(*) Сіе послѣднее должно конечно разумѣть о народѣ; ибо люди высшихъ Сословій вообще хорошо воспитаны.

спавляють нѣкоторыя богатыя фамиліи, изъ коихъ обыкновенно выбираются Драгоманы Высокой Порты и Господари Валлахскіе и Молдавскіе. Они присвоили себѣ сіи мѣста, ибо швердо споятъ другъ за друга и находясь во всегдашней связи съ Турецкими Чиновниками. Но едва одинъ изъ нихъ займешъ подобное мѣсто, какъ уже прочіе спараютъ его вышѣснись, дабы получить оное для себя. — Сынъ нерѣдко спавитъ сѣпи пропивъ отца своего, братъ пропивъ брата. Между ими находясь впрочемъ много благовоспитанныхъ и благонравныхъ людей; но всѣ они надменны, щеславны и честолюбивы въ высокой степени. — Благородное ихъ начало мало извѣстно и немногія фамиліи могутъ порядочно доказать происхожденіе свое отъ знаменитыхъ поколѣній, кои *выдаютъ за своихъ предковъ*. — Пороки Турокъ въ Сералѣ находясь также и у Грековъ; примѣры измѣны, неблагодарности, безчеловѣчія и хитрости часто здѣсь встрѣчаются. Грекъ оспорожень и уменъ на каждомъ шагу; но какъ скоро побываетъ при Портѣ Драгоманомъ или сдѣлается Господаремъ, то превращается въ жесточайшаго ширана, нежели самыя Турецкіе Паши. Тогда любовь къ свободѣ въ немъ умолкаетъ; онъ пользуется опличіемъ одѣваться по Турецки, презираетъ своихъ сограбовъ и выдаетъ себя за существо, отъ нихъ оплично. — Когда Господарь *Гика* лишился головы, то многія Греческія женщины пришли къ его матери въ Перу, дабы раздѣлишь съ нею горестную участь, ее постигшую. Но они нашли ее совершенно равнодушною и спокойною. Когда

сіи женщины объявили, сколь прискорбно было для нихъ ея несчастіе; шо она опивчала съ живоспію: «Развѣ я когда желала, чшобы сынъ мой умеръ, какъ просполюдимъ?»

Въ Македоніи Греки сильны, дѣяпельны и неупомимы. Земля, на кошорой они живутъ, призываетъ ихъ къ земледѣлю, и симъ даромъ умѣютъ они пользоваться.—Жителли городовъ и мѣстечекъ занимающа крассильнымъ искусствомъ и производящъ значительную порговлю.— Въ Сѣверной части Македоніи, Греки болѣе дики, грубы и жеспоки, нежели прочіе ихъ соопечесивенники; живущіе же въ Южныхъ уѣздахъ, благодаря порговлѣ и связи съ чужеспранцами, приобрѣли большую крощосп нравовъ.— Фессалійцы храбры безъ суровости, опважны и сильны. Они любящъ искусства, занимающа земледѣліемъ и безпреспанно расширяюща свою порговлю. Можеть бытъ Фессалиецъ не столь опкровенень, не столь честень, какъ сосѣдь его Альбанецъ; но за шо опличаеша крощкимъ нравомъ и пріятнѣшимъ обхожденіемъ. Жителли высотъ Пинда менѣе образованы, нежели обитателли равнинъ. Изъ числа сихъ послѣднихъ жителли Лариссы и Фарсалы, посредствомъ обширныхъ своихъ сношеній съ иноспранцами, приобрѣли много различныхъ познаній.

Жителли Акарнаніи и Эполіи вообще дики и суровы. Вѣчная вражда съ сосѣдами побуждаешъ ихъ бытъ всегда вооруженными. Проникнутъ во внуспренность ихъ земли—сопряжено для чужеспранца съ великою опасностію. Сіе касаеша въ особенності до жителлей уѣзда, лежащаго

къ Югу оупь Арпскаго залива.—Беоупійцы ласковѣе и просвѣщеніѣе; занимающся земледѣіемъ и шорговлею. — Аеиняне и понынѣ еще опличающся оупь прочихъ Грековъ пріятною своею наружностію, одеждою и языкомъ, кошорый звучнѣе и чище, нежели въ какой-либо другой обласни. Учпивоснѣ ихъ предупреждаешъ уже въ ихъ пользу; гостепрїимство привлекаетъ имъ сердца чужеспранцовъ, хопя и обвиняющъ Аеинянъ въ лукавствѣ. Даже самые Турки, живущіе въ Аеинахъ, гораздо ласковѣе, обходительнѣе и довѣрчивѣе, нежели во всѣхъ другихъ мѣстахъ. Вообще жиптели Апшики извѣспны быспропою ума своего, поняпчивоспю и прозорливоспю въ опвѣскахъ. Сіе доказываетъ слѣдующій анекдотъ, слышанный Чендлеромъ въ Смирнѣ и Аеинахъ: »Одинъ пупешеспивеникъ вспрѣшилъ бѣднаго паспуха съ своимъ спадомъ и спросилъ его мимоходомъ: »Куда? Опкуда? Какъ шебя зовущъ? Какъ велико швое спадое?» — Паспухъ опвѣчалъ, нимало не медля: »Изъ Аеинъ; въ Ливадію; Федоръ; пяшь сошь.«

Аркадяне одѣваются въ грубое шерспяное плашье, кошорое пкуощъ ихъ жены и дочери. Онѣ же плешущъ рогожи, дѣлающъ масло, доящъ козь и овецъ. Аркадяне посвѣщаютъ городъ для шого шолько, чшобы продать шо, чшо собирающъ они съ полей или пригошовляющъ въ домахъ своихъ; довольстввуясь малою прибылью, возвращающся они съ радоспною улыбкаю къ садамъ своимъ и хижинамъ. — Неимѣя никакихъ связей, ни шорговли съ чужеспранцами, далеко опспали они оупь прочихъ Грековъ,

касательство образованія. — Тегеашы питающа по большей части плодами; но менѣе приписаны, нежели прочіе жители Морей, и имѣютъ что-то благородное въ своей наружности. — Жители Мессины, коихъ пища состоить въ рыбѣ и мясѣ, живы и дѣлательны. Сіе въ особенности касается прибрежныхъ обитателей, на лицѣ коихъ выражается веселіе и радость, чего у живущихъ во внутренности земли совсѣмъ не видно. — Жители сей области вообще опровержены, мужественны и предприимчивы, а посему-то, съ нѣжнѣйшей юности, осваиваютъ берега Памиза и Неды. Напродивъ того Аркадяне, съ неудовольствіемъ и горестію, покидаютъ пѣ мѣста, кои были свидѣтелями ихъ дѣлства и юности. Для нихъ столько же милы и очаровательны свои горы, сколько для Швейцаровъ; особливо, если слышатъ они отдаленные звуки пріятнаго пѣнія и народной своей Музыки.

Жители Тайгена купятъ оружія и одѣваются въ суконныя маперіи, коихъ мрачный и шемный цвѣтъ служить какъ бы вывѣскою ихъ характера. — Маніашы или Майнопы живутъ свободно и независимо; съ юныхъ лѣтъ приучаясь носить оружіе, мужественны въ опасности и оплываются нѣкопрымъ воинственнымъ духомъ. Часто, за дружескимъ споломъ, чертятъ они планы атакъ и сраженій. Съ веселіемъ и храбростію идутъ на бранное поле, на самую смерть и почти всегда осваиваются побѣдителями; ибо соединяютъ искусство съ мужествомъ. Опважные опрады ихъ не рѣдко наводили страхъ на самого Пашу Три-

полицскаго, который, въ семь случаевъ, всегда бывалъ принужденъ, покупать золошомъ поспыдный для себя миръ. Нерѣдко и самыя женщины берутъ участіе въ биввахт: онѣ обыкновенно бывають въ близи, доставляють жизненные припасы и орудія и смотрятъ за ранеными.

Каковуньопа можно опличить отъ Майнопа при первомъ взглядѣ. Послѣдній высокъ ростомъ, свѣжъ цвѣтомъ и имѣетъ веселый и непринужденный видъ; Каковуньошъ напротивъ имѣетъ черные глаза, малъ ростомъ и нестроень. — Лицо его свѣтлосмуглое, и онъ, кажешся, безпреспанно умышляешъ какое-либо пресшупленіе. — Голосъ Майнопа чистъ и звученъ; Каковуньошъ говоритъ хриповато. Первый выспушаетъ скоро и легко; шаги послѣдняго робки и невѣрны. Первый съ яростию спремится на природнаго врага своего (Турка); послѣдній есть врагъ всего человѣческаго рода и въ слѣпой своей ярости гошовъ нападашъ на каждыаго.

Лакедемонянинъ не спрашишся въ сраженіяхъ смерти; онъ опваженъ и вспыльчивъ, но имѣетъ болѣе гордосши, силы и проворспва, нежели жишель Аркадіи. Онъ не охотно покарешся Туркамъ; гордишся именемъ Спаршанца и даже хвалишся онымъ, находясь въ чужой землѣ.

Жишели оспрововъ Архипелага опличаються отъ всѣхъ сихъ Грековъ, и даже между собою весьма несходны. — Главная черпа въ ихъ характерѣ — есть любовь къ опечеству, которая у жишелей Тины спановишся мучишельною спрашнію. Женщины, которыя опшуда вывозашся и кои по своей одеждѣ, уму и супружеской вѣр-

ности извѣстны во всемъ Леваншѣ, не смотря на хорошую жизнь, кошорую ведуть онѣ на чужой споронѣ, всегда съ нешерпѣніемъ желаютъ и даже ищутъ случая, возвратиться въ опечесство. Хотя многіе изъ сихъ оспрововъ суть голыя, бесплодныя скалы; но жишели предпочитаютъ ихъ всякому другому обиталищу, равно какъ *Одиссей* поспавлялъ свою Ишаку превыше всѣхъ земель свѣша. — По ихъ мнѣнію, нѣтъ ничего прекраснаго внѣ круга ихъ дѣяшельности, и гдѣ они ни бывають, повсюду обращаютъ разговоръ на оспровъ, гдѣ родились и выхваляютъ его предъ всѣми прочими. — Каждый оспровъ имѣетъ нѣчто особенное въ одеждѣ и обычаяхъ жишелей, между шѣмъ какъ Греки, живущіе на швердой землѣ, спараютъ во всемъ держаться единообразія.

Жишелей Эвбеи укоряють во лжи и лести. Они вообще храбры; но ожеспочены въ своей злобѣ и склонны къ буншу. Есть Греческая пословица: «Сохрани Боже опъ Еврея Салонискаго, Грека Аѣинскаго и Турка Негропонскаго!» — Накіоты еще хуже: это народъ самый непоспоянный и вѣроломный изъ всѣхъ оспровишанъ. За що имъ нигдѣ и никшо не вѣришь. — Въ самой торговлѣ съ ними должно наблюдать величайшую оспорожность, дабы не здѣлаться жертвою обмана. Въ мщеніи и другихъ спрашяхъ не знаютъ они мѣры. *Вилуасонъ* видѣлъ однажды шестя и его зятя, кои гнались другъ за другомъ по улицѣ, съ ножемъ и кинжаломъ въ рукахъ. Никшо не смѣлъ оспановишь ихъ, не желая подвергнуться опасности, пасшь опъ руки ихъ.

Островъ Сціо пользуется одною только тѣною свободы; но тамошніе Греки справедливы, обходительны безъ лукавства, отважны, остры, умны и благородны. — Сціошцы занимающа торговлею, любяща Искусства и имѣютъ Природную склонность къ важнымъ предпріятіямъ. Ихъ забавный и веселый нравъ, который никогда ихъ не оставляетъ, подалъ случай къ слѣдующей пословицѣ: *«Легче найти зеленую лошадь, нежели серьезнаго Сціота.»* Они равно, какъ и всѣ прочіе Греки, гордяща своими предками, и недоспаютъ къ собиственныхъ заслугъ замѣняютъ великими ихъ именами.

Греки, съ нѣкопорого времени, производятъ обширную торговлю со многими Государствами; что не можешь не имѣть вліянія на ихъ образованіе. — Чрезъ сіе возбуждается въ нихъ новая живость; все, происходящее въ чужихъ краяхъ, обращаетъ на себя ихъ вниманіе и подаетъ имъ мысль къ общепользнымъ учрежденіямъ для своихъ согражданъ. — Самую обширную торговлю производитъ Идрія. На семь островѣ все живетъ, все въ движеніи; благосостояніе и безопасность собиственности придаютъ безпрестанно большую бодрость къ новымъ предпріятіямъ. Идріоты извѣстны своею честностію; вѣренное имъ имущество опдаютъ они въ точности. Часто значительныя суммы денегъ оставляемы бывающъ на кораблѣ и долго не перебуяща обратно; но какъ скоро явится владѣлецъ, то получаетъ ихъ безъ отсрочки и въ цѣлости. — Повсюду заведены училища и жишело спаряюща всячески подражанъ просвѣщеннымъ Государствамъ, съ коими имѣ-

юпъ они торговая связи. Они безопасно выказываютъ свои богатства и пользуются оными, неопасаясь приписненія Турецкихъ властителей. — На островѣ Тенедосѣ совсѣмъ другое. Здѣсь живеть много Турокъ; а по тому въ Грекахъ не видно пѣхъ высокихъ чувствованій, того мужества, кои свойственны сему народу. Здѣсь Грекъ ведетъ себя весьма тихо и скромно на улицѣ и такъ униженъ, такъ порабоченъ, что едва осмѣливается говорить свободно въ своемъ домѣ. Онъ избѣгаетъ всѣхъ шумныхъ праздниковъ, копорые обращаютъ на него вниманіе Турокъ и раздражаютъ ихъ сребролюбіе. За то, когда Грекъ на сіе рѣшится; то уже предается забвенію и нѣкоторому роду безумія. — Равнина Троянская часто служить мѣстомъ, гдѣ Греки исправляютъ свои празднества. Тамъ проводятъ они нѣсколько дней сряду въ пляскахъ, пѣніи и другихъ удовольствіяхъ, подъ шѣнію вѣтвистыхъ плапановъ или древнихъ дубовъ.

Албанцы опличаются отъ Грековъ языкомъ, характеромъ и нравами. — Жителъ горы совершенно не походитъ на жителъ равнины; а обитатели прибрежные опличаются отъ пѣхъ, копорые живутъ во внутренности сей страны.

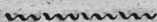
Арнаушъ или Албанецъ воинственъ, храбръ, свободолюбивъ; дикъ и жестокъ; не имѣетъ образованія, но отъ природы остроуменъ и охотникъ до пляски и пѣсень. Война есть его стихія. Носитъ оружіе для него почтеннѣе, нежели воздѣлывать землю. Арнаушы живутъ въ безирерывной враждѣ другъ съ другомъ или съ сосѣдами; какъ разбойники, дѣлающъ они

набѣги на сосѣднія земли и крейсируютъ по морю, или, какъ воины, состоятъ въ службѣ Турецкой. Храбрость считается у нихъ первѣйшимъ достоинствомъ человѣка. Того называютъ безчестнымъ, кто во время спычки опуститъ или въ продолженіи битвы укроется. Самыя женщины берутъ участіе въ войнѣ, носятъ военные снаряды и пищу, вдыхаютъ въ мужей своихъ духъ бодрости и побуждаютъ ихъ къ сильному и упорному сопротивленію.—Албанецъ умѣренъ во всемъ; съ прудомъ можно пріобрѣсти его довѣренность; онъ презираетъ всѣ прудности, даже самую болѣзнь; гордится полученными ранами и раздраннымъ своимъ рубищемъ. Во время войны имѣютъ они высокія чувствованія. «Счастливы вы, что молоды,» сказалъ одинъ посѣдѣлый въ браняхъ вождь Албанскій Европейскому путешественнику. «Для меня такъ все изчезло. Теперь мнѣ нужно спокойствіе; ибо я хорошо провелъ свою жизнь. Сперва былъ я предводителемъ Гайдуковъ. Представьте же наше удовольствіе, когда производили мы грабежи въ Румеліи! Пошомъ всупилъ я въ военную службу. Новыя опасности и новыя удовольствія! Теперь все миновалось!»

(Продолженіе впрѣдъ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Посланіе къ И. В. Слѣнину.

Вошь Слѣнину посланье,
А вмѣстѣ и желанье,
Имѣшь большой доходъ
Ошь Эпиграммъ и Одъ!
Загадки и Шарады,
И Проза и Баллады,
Досугъ и славный даръ.
И новыя бездѣлки,
И Драмы скороспѣлки
Валяшся въ швой амбаръ;
Всѣ рядышкомъ спешенно.
На полочкахъ спояшъ;
Покупщиковъ смиренно
Изволяшъ ожидашъ.
Нерѣдко и живые,
Толкуя о Башыѣ (*),
Спекаюшся судьбы;
Тотъ ла-Марши на просишъ,
Тотъ Фосса превозносишъ,
Плашя рубли свои,
Карпъ въ Инвалидъ жаждешъ
Узнашъ лѣшъ древнихъ вѣснѣ; (**)
Сысоей о Климѣ спраждешъ,
Зачѣмъ онъ пишешъ леснѣ.
Журнальныя спашейки —
Любимый всѣхъ предметъ.
Власъ исчисляешъ змѣйки,
Смошря на перелешъ.

(*) Башый, новая Драма, одинъ только разъ представ-
ленная,

(**) Г. Сочинитель шупишъ, какъ кажется, надъ
нашею Газетою. Изд.

Младенцы Геликона,
Съ румянцемъ на щекахъ,
Въ печатныхъ ждущъ листкахъ
Указъ ошъ Аполлона.
Являясь Борея,
Кричишь: „Мнѣ другъ Хорей;
Я дружбу защищаю,
Хочу друзей хвалишь
И модныхъ запрещаю
Писателей хулишь!“

Лавръ свѣжій окружаюшь,
Пѣвцы, спѣша на срокъ;
Всѣ дерево качаюшь,
За шѣмъ, что лавръ высокъ;
Другъ другу лишь мѣшаюшь
Сорвашъ себѣ вѣнокъ!

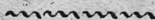
Ты мнишь, тебѣ доходы
Мои доставяшъ Оды.
Худой барышъ ошъ нихъ!
Все просто, складно, ясно,
Но только не прекрасно;
Безъ молній, бурь густыхъ!
При помѣ же, въ громкой Одѣ,
Толкуешся въ народѣ
Шампанское вино
Забывъ бушми дно,
Внушрь хрустала звѣздился
И пѣной вверхъ ложился!
Въ Посланіяхъ, увы!
Ямбическія строки,
Спаринные уроки;
Нѣшь слезъ, ни муравы!
А басни всѣ безъ шолка:
Лисица прусишь волка;
Бошъ хочешь въ корабли,
Къ дельфинамъ въ Короли.
Ты, Слѣнинъ осторожный!
Попалъ въ силки целожны:

Спиховъ моихъ взявъ пукъ,
Не скоро спустишь съ рукъ.
Въ нихъ плавность не по модѣ;
По былой я мешодъ
Сшаринныхъ Пьеридъ
Карабкался на Пиндъ;
Попомсва не увижу,
И съ нимъ тебя не сблизу.
На что тебѣ поршпрешъ?
На что мое шворенье?
Оно въ рѣку забвенья
Не медля попадешъ.
Я самъ ошворотился
Опъ племя моего:
Въ печать предашь его
Не ксшаши знашь рѣшился! . . .

Графъ Хвостовъ.

Поэтъ, вышедшій въ звать.

(Б а с и я.)

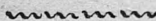

Блещащихъ почестей доспигъ одинъ Поэтъ.
Гордяся счастливой судьбою,
Онъ лиру, выведшу его изъ мрака въ свѣтъ,
Нешадно распонпавъ ногою
И поклялся вовѣкъ на лирѣ не играшь —
Чшобъ не увизисься подобнымъ упражненьемъ.

* . *

Глупецъ лишь можешъ презирашь
Таланшъ, кошорому онъ долженъ возвыщеньемъ!

К. Шаликовъ.

Въ спихахъ и въ чувствахъ онъ — Поэтъ;
Въ любви къ свободѣ благородной,
Любимцамъ Музъ и Феба сродной,
Онъ духа силою — Апелсъ!

К. III — вѣ.

Разувѣреніе.

Элегія.

Не искушай меня безъ нужды
Возрапомъ нѣжности швоей!
Разочарованному чужды
Всѣ оболещенья прежнихъ дней.
Ужь я не вѣрю увѣреньямъ;
Ужь я не вѣрую въ любовь
И не могу предаться вновь
Разъ измѣнившимъ свидѣньямъ,
Слѣпой шоски моеи не множь;
Не заводи о прежнемъ слова
И, другъ забшпливый, больнога
Въ его дремошѣ не шревожь!
Я сплю; мнѣ сладко усыпленье;
Забудь бывалыя мечшы:
Въ душѣ моеи одно волненье,
А не любовь пробудишь шы.

Баратынскій.

Шарада.

На цѣлое мое мой первый зубъ оспришь:

Мое послѣднее грозить

Погибелью съ другаго свѣша

Неугомоннымъ риемачамъ

И, риемой будучи богашой для Поэша,

Бываешь бѣдною могилою спихамъ.

Загадка, помѣщенная въ предъидущемъ Но.,
значишь — *щипцы*.

Нечаянать позволяешся: 6-го Юля, 1822-го года;

Цензорь А. Вируковъ.

НОВОСТИ ЛИТТЕРАТУРЫ.

№. IV.

ПРОЗА.

*Отрывки изъ жизни Гретри, писанной или
самимъ. (*)*

Родители мои, по долгомъ сопротивленіи, рѣшились наконецъ отправить меня въ Римъ. Сіе путешествіе, сославлявшее около 500 Французскихъ миль и довольно затруднительное по молодости лѣтъ моихъ и слабому здоровью, долженствовалъ я совершить пѣшкомъ. Добрая мать моя омывала горькими слезами бѣлье и плащъ, которое приговаряла мнѣ для дороги.

(*) Андрей Эрнестъ Модестъ Гретри, коего имя конечно извѣстно всѣмъ любителямъ Музыки, родился въ Люшнихъ 11-го Февраля 1741-го года. Частъ молодости провелъ онъ въ Италіи, гдѣ вскорѣ прославился отличнымъ своимъ талантомъ. Засимъ поселился онъ въ Парижъ и сочинилъ около 40 Оперъ, которыя донынѣ пользуются достойнымъ уваженіемъ. Сверхъ того издалъ онъ: Записки и опыты о Музыкѣ (*Memoires et essais sur la Musique*) изъ коихъ и занимствовали мы слѣдующіе отрывки: Философическое сочиненіе Объ истинѣ (*De la verite*) и — не задолго предъ смертію — Размышленія пустынника. (*Reflexions d'un solitaire.*) Гретри скончался въ Парижъ въ 1813-мъ году и погребенъ съ отличнымъ почетомъ.

Изъ всего семейства я одинъ сохранилъ прежнюю веселость. Я былъ твердъ въ своемъ намѣреніи; по крайней мѣрѣ имѣлъ причины таковымъ казаться. Это было для меня единственнѣйшимъ средствомъ, получишь соизволеніе моихъ родителей. — Я провелъ нѣсколько дней у престарѣлой своей бабушки. Прощаніе мое съ сею послѣднею разстрогало меня до глубины сердца. Лѣта ея и дряхлость лишали меня надежды, когда-либо съ нею увидѣться. Добрая сія сестричка давала мнѣ искреннѣйшіе совѣты, кои никогда не изглаждались изъ моей памяти. Она изъясняла мнѣ всю важность обязанностей моихъ къ Богу, ближнему и себѣ самому. Она съ удовольствіемъ замѣтила мою смѣлость и рѣшительность. Желая утвердить меня въ оныхъ, принимала она веселый видъ и даже шутила; но невольныя слезы показывали истинное состояніе души ея. Второй мужъ ея не оставилъ меня также безъ наставленія; но оное было совсѣмъ другаго рода. Въ день моего отъѣзда, послѣ обѣда, повелъ онъ меня въ садъ, снялъ съ себя шляпу, надѣлъ ее на меня и съ важностію произнесъ сіи слова изъ *Сиды*:

«*Родригъ!* Есть ли у тебя сердце?» — «Разумѣется, дѣдушка,» отвѣчала я, удивленный симъ вопросомъ. — «Хорошо!» продолжалъ онъ, вынимая изъ кармана пару пистолеповъ. «Такъ вотъ тебѣ мой подарокъ! Будь оспорожень; они заряжены. Заклинаю тебя, сынъ мой, не шупи никогда смертоноснымъ оружіемъ; но если на тебя нападутъ» . . . — «То я буду умѣть защищаться, дѣдушка.» — «Посмотримъ. Вообрази, что это дерево — разбойникъ, пре-

бующій опъ шебя кошелька или жизни. Чшо ты тогда здѣлаешь?» — Я скажу ему: »Милоспивый Государь! если ты въ нуждѣ, по я охотно вамъ помогу; но опдашь весь мой кошелекъ, въ моемъ положеніи, есть по же, что просшишься съ жизнію.« — »Нѣшь,« возразилъ мнѣ дѣдушка голосомъ разбойника; »весь кошелекъ или...« — Въ опивѣшь на сіи слова, спуспилъ я курокъ и выпспрѣлилъ въ дерево. »Хорошо,« сказала дѣдушка; »но эшаго не довольно. Вообрази, что разбойникъ легко раненъ и наносишь шебѣ ударъ саблею.« Онъ не успѣлъ еще кончишь сіи слова, какъ я уже выпспрѣлилъ изъ другаго пистолеша. Успрашенная бабушка подбѣжала между шѣмъ къ окну, съ громкими восклицаніями: »Чшо шакое? Чшо вы дѣлаете?» — »Ничего, бабушка,« опивѣчала я; »на меня напали разбойники, а я ихъ убилъ. — Мужъ ея, довольный симъ урокомъ, положилъ мнѣ оба пистолеша въ карманъ и мы возвратились въ комнашы.

Я познакомился съ *Вольтеролъ* въ Фернеѣ. Онъ совѣшовалъ мнѣ, какъ можно скорѣе ѣхашь въ Парижъ. »Тамъ-то« говорилъ онъ »полетише Вы къ безсмертной славѣ.« — »Вамъ хорошо говоришь о славѣ, опивѣчалъ я. »Вы привыкли къ эшому прекрасному слову, равно какъ и къ самой вещи.« — »Ахъ, другъ мой,« возразилъ *Вольтеръ*. »Я охотно бы опдалъ цѣлый вѣкъ славы за одинъ день совершеннаго здоровья! Любопышно знашь: искренно ли было сіе признание?

Въ Туринѣ нашель я одного Нѣмецкаго Барона, съ копорымъ былъ знакомъ въ Римѣ. Оба мы ѣхали въ Женеву и согласились опсправившя шуда вмѣспѣ. Едва выѣхали мы изъ городскихъ воровъ, какъ я посспавиль себѣ долгомъ, завести разговоръ съ моимъ спущникомъ. «Какъ я радъ, Баронъ» . . . сказалъ я. Но онъ прервалъ меня, довольно сухо, слѣдующими слсвами: «Г. Гретри! Я никогда не говорю въ карешѣ.» — «Хорошо,» опвѣчалъ я и до первой спанци сохраниялъ глубокое молчаніе. Когда мы оспановились въ пракширѣ; по Баронъ приказалъ разложитъ огонь въ каминѣ, надѣлъ свой шлафрокъ и подбѣжалъ ко мнѣ съ опсверзшими объясніями, говоря: «Ахъ, любезной другъ, какъ я радъ, чшо» . . . Тогда я прервалъ его въ свою очередь и возразилъ спольже сухо: «Г. Баронъ! Я никогда не говорю въ пракширахъ.» Спущникъ мой началъ хохосашъ, какъ безумный и въ оправданіе свое рассказалъ мнѣ подробную Испорію жестокой боли въ груди, по поводу коей запрещено было ему, говорить въ карешѣ.

Аббашъ Морелле, Мармонтель и я опсправились однажды за городъ, къ одному изъ общихъ друзей нашихъ. Желая сократитъ скучную дорогу, дѣлали мы все возможное, чшобы смѣшитъ другъ друга. Вдругъ Мармонтель впалъ въ нѣкопорую задумчивость, несвойспивенную его характеру. Я спросилъ его съ удивленіемъ: какая мысль могла огорчитъ его въ спольвеселой бесѣдѣ и при шомъ въ блиспашельнѣйшую эпоху Липперашурнаго его поприща? «Ахъ, другъ мой!» возразилъ онъ. «Вамъ хорошо

говоришь: Вы женапы на прелестной женщинѣ, копорую Вы любите, копорая Васъ обожаешь и раздѣляетъ съ Вами славу и благоденствіе Ваше. А я, человекъ одинокой, уже пожилой, я не имѣю никого, съ кѣмъ бы могъ раздѣлить мои радости и горести; между шѣмъ, какъ скука....» — «Такъ женишься», ошвѣчалъ я. — «Ахъ! я бы очень хотѣлъ!» — «На прим. у Аббаша есть племянница. Зачѣмъ искашь далѣе?» — «Это вещь возможная», вскричалъ *Морелле* съ улыбкою сердечнаго удовольствія. «Я бы желалъ, чшобы это сдѣлалось», сказала *Мармонтель* со вздохомъ. «Это непременно должно бышь», возразилъ я съ громкимъ смѣхомъ. И — по прошествіи двухъ недѣль — *Мармонтель* дѣйствительно женился на племянницѣ Аббаша!

Я всегда любилъ прогуливатьсь; но обыкновенно хожу тихо и никогда не умѣлъ удваивать шаговъ своихъ. Когда я ошпанавливаюсь съ пріятелями на улицѣ; по всякой разъ боюсь, чшобы они не вздумали сопровождать меня. Если же сіе случится; по спутникъ мой непременно долженъ согласоваться съ моимъ шагомъ. Для нѣкопрыхъ было это довольно трудно; я ошкрылъ однакожь средство, нечувствительно покоряя и сихъ своей волѣ. Въ шакомъ случаѣначну я напѣвать военный маршь, коего мѣра сходствуетъ съ обыкновеннымъ моимъ шагомъ; а спутникъ мой, мало по малу, сообразуется съ сею Музыкою. Должно однакожь признашья, что я встрѣчалъ много ша-

кихъ, коихъ слухъ или ноги были вовсе не музыкальны.

Однажды разсердился я жестоко на *Мармонтеля*, и вошь по какому поводу: Я сочинялъ тогда Музыку для Оперы: *Друзѣбъ дома*, и окончивъ Дуо: *Faites qu'il vous plaira*, повпорялъ ему оное на форше-пiano. Вдругъ увидѣлъ я, что любезный мой Спихошворецъ, съ примѣшнымъ негодованіемъ, снялъ что-то съ сего инструмента, поспѣшно бросилъ на полъ и распощалъ ногами. «Что это такое?» спросилъ я — «Любезной другъ!» ошвѣчалъ онъ. «Это былъ паукъ . . . — «Ахъ, несчастный!» воскликнулъ я. «Что Вы здѣлали? Вы лишили меня живаго, истиннаго удовольствія. Всякой разъ, когда я сочинялъ, этошь паукъ спускался съ потолка и садился на мое форше-пiano; я видѣлъ его ежедневно; я привыкъ къ его обществу.» — Да проспяшь мнѣ мою слабость: говоря сіи слова, не могъ я воздержаться ошъ слезъ.

Слѣдующее обстоятельство принадлежитъ къ числу горестнѣйшихъ воспоминаній въ моей жизни: Три дочери мои находились во всемъ цвѣтѣ молодости и красоты; старшая изъ нихъ имѣла 16, вторая 15, а меньшая 14 лѣтъ ошъ роду. Всѣ наши знакомые были ошъ нихъ въ восхищеніи. Въ одинъ зимній вечеръ поѣхали они на балъ, кошорый давала одна изъ нашихъ пріятельницъ. Я самъ явился туда же, по окончаніи Италіанской Оперы. Дочери мои были, можно сказать, украшеніемъ праздника. Когда я вошелъ въ залу, онѣ панцовали и не-

вольно привлекали всё взоры. Жена моя наслаждалась симъ поржествомъ гораздо еще болѣе, нежели онѣ сами. Я подошелъ къ камину; подлѣ меня стоялъ человекъ довольно важнаго вида и не спускалъ глазъ съ дѣшей моихъ. Но онѣ, какъ казалось, не раздѣлялъ того искренняго удовольствія, которое юныя ихъ прелести и скромныя пошупки возбуждали во всемъ обществѣ. Съ наморщеннымъ челомъ и въ глубокомъ молчаніи смотрѣлъ онѣ на веселыя группы танцующихъ. Вдругъ обратился онѣ ко мнѣ, съ слѣдующими словами: «Милоспивый Государь! Не знаете ли Вы эшихъ прехъ дѣвиць?» — Не знаю почему, не хотѣлъ я ему сказать, что былъ ихъ отецъ и опвѣчалъ довольно сухо: «Мнѣ кажется, что это при сеспире.» — «И я то же думаю» продолжалъ онѣ. «Около двухъ часовъ танцуютъ онѣ почти безъ опдыху и я смотрѣлъ на нихъ во все это время. Вы видите, что всё опъ нихъ въ восхищеніи! Нельзя быть прекраснѣе, милѣе, скромнѣе (Здѣсь опцовское сердце мое забилось сильнѣе прежняго; я едва не опкрылъ ему истины; но незнакомецъ продолжалъ, швердымъ и какъ-бы прорицательнымъ голосомъ:) Послушай же, милоспивый государь: чрезъ при года ни одна изъ нихъ не останепся въ живыхъ!»

Сии слова и поржеспвенный поиъ его произвели во мнѣ невольное содроганіе. Незнакомецъ потчасъ удалися; я хотѣлъ за нимъ послѣдовать, но не чувспивовалъ въ себѣ довольно силы, чтобы сойти съ своего мѣста. Я спрашивалъ о немъ многихъ изъ общества. Никто не умѣлъ

сказашь мнѣ его имени, и я только узналъ, что онъ выдавалъ себя за большаго Физіогномисша и ученика *Лафатерова*.

Спрянное сіе предсказаніе оправдалось, къ несчастію, совершеннымъ событіемъ: въ печеніе шрехъ лѣтъ лишился я всѣхъ дочерей моихъ!

О нравахъ и обитаяхъ нынѣшнихъ Грековъ.

(Продолженіе.)

Альбанцы славятся пламенною любовію къ своей опчизнѣ. Гдѣ бы они ни находились и сколь бы ни благопріятствовало имъ счастье; но желаніе, возвратиться на родину, никогда не изглаждается изъ ихъ сердца.

Жители Сѣверной Альбаніи извѣстны грубостію и суровостію своихъ нравовъ. Они всегда вооружены и постоянно защищаютъ свою независимость. Въ сей области находились только два Сословія: пастухи и войны.

Если вѣришь *Пукевиллю*, нѣтъ можетъ быть въ цѣломъ свѣтѣ народа пріятнѣе для общества и безпечнѣе, какъ Загоріашы. Будучи въ крайней бѣдности, ведутъ они жизнь веселую; а съ чужестранцами обходясь весьма дружескимъ образомъ. Здѣсь никогда не услышишь ни о грабежѣ, ни о смертоубійствѣ. — Они проворны и живы, какъ и всѣ Альбанцы; но нимало не вспыльчивы и не мспипельны.

Обитатели горъ Акроцеранскихъ живутъ независимо; ведутъ между собою непрерывныя

распри, или служащъ въ чужестранныхъ войскахъ. Они угрюмы и дики, подобно горамъ, въ коихъ они обитающъ; чужестранецъ не найдешъ здѣсь никакого пристанища, и съ претерпѣвшими при ихъ берегахъ кораблекрушеніе поспушающъ они, какъ съ невольниками.

Сульоны — храбрые воины, кои часто весь Альбанскій округъ предавали огню и мечу. — За свою независимосщъ подвизающся они какъ випязи и скорѣе согласящся умереть, нежели сдатьсь.

Большая часть Альбанцевъ живутъ въ Греціи, какъ сказано выше, разбѣянно; ихъ можно найши во всѣхъ обласняхъ, или въ военной службѣ, или блуждающими со многочисленными стадами. Одни только земледѣльцы живутъ въ особенныхъ селеніяхъ, преимущественно въ Аппикѣ, въ Морѣ и Тессалии.

Въ Греціи находишь много Жидовъ, особенно въ приморскихъ городахъ. Они большею частію поселяющся въ Турецкихъ крѣпостяхъ, гдѣ не найдешъ ни одного Христіанина. Жиды сохраняющъ постоянно свои нравы и національной характеръ; промышляющъ поргвлюю и исправляющъ должность Маклеровъ, сборщиковъ пошлины, досмотрщиковъ и ш. п. — Въ приморскихъ городахъ Сѣверной Греціи живутъ также Армяне, кои равнымъ образомъ занимающся поргвлюю, не перемѣняя своихъ обычаевъ и характера. — Цыгане бродящъ шайками по Греціи и кормящся ворожбою и продажею скоша.

Турки — народъ господствующій — красивы и сильны. Почши вездѣ встрѣчаешъ физиогноміи выразительныя и важныя. Они гордящся

своими предками, коихъ завоеваніями еще и понынѣ пользуются; гордящяся своею Религією, которую одну только почишають истинною и ведущею къ душевному спасенію. Покорность и смиреніе Грековъ, Жидовъ и Армянъ усугубляеть еще ихъ гордость. — Будучи повелишелями, Турки спроги и жестоки, и позволяють себѣ всякое средство, дабы вынуждать деньги; но при всемъ томъ они честны и щадельно хранящя вѣренныя имъ вещи. Дабы обмануть неприятеля, позволяють они себѣ всѣ коварства; но чтобы спасти друга, не щадящя никакого пожертвованія. Каждый Турокъ почишаеть себя способнымъ къ высочайшимъ достоинствамъ, и самой проспой Янычаръ или носильщикъ не опчаеваетъ бытъ нѣкогда Великимъ Визиремъ. — Къ нимъ примѣнишь можно то, что одинъ путешественникъ сказалъ о прежнихъ Венеціанцахъ: «Каждой Венеціанскій Дворянинъ можетъ и надѣется бытъ Дожемъ. Сіе-то съ самаго младенчества дѣлаеть его понкимъ, оспорожнымъ, самолюбивымъ и гордымъ.»

Симъ обстоятельствомъ объясняется равнодушіе, съ коимъ Турки переносятъ всѣ гоненія рока. Что они сего дня теряють, то надѣются на другой день получить снова. — Переходы отъ богатства и могущества къ бѣдности и неизвѣстности бывають у нихъ весьма скоры; но при всемъ томъ не могутъ назваться неожиданными.

Противъ Грековъ нѣтъ для нихъ ничего непозволишельнаго. — Если Музульманинъ встрѣчается съ Грекомъ, копорой ѣдетъ верхомъ; то сей послѣдній долженъ сойти съ лошади и дожидаться, пока Турокъ его выпередить. —

Каждый изъ сихъ послѣднихъ имѣеть право принудить Грека жить, какъ ему хочешся. Онъ беретъ съ собою двухъ соопечесвенниковъ, идетъ къ Судѣ и увѣряетъ его, что *невѣрный* изъявилъ въ его присущствіи желаніе, сдѣлаться Музульманиномъ, но нынѣ оспавилъ свое намѣреніе. Греку пошчасъ приказывающъ явиться, и предославляющъ на его волю, сдѣлаться Музульманиномъ, обрѣзаться, или умереть. Онъ долженъ шущъ же рѣшиться и его немедленно обрѣзываютъ или — казнятъ. — Въ Кандіи Грекъ, здѣлавшись Музульманиномъ, въ шу же минушу лишается головы, дабы опящъ не учинился опступникомъ!

Турки неоднократно уже замышляли перерѣзашъ всѣхъ Грековъ. — Когда обипаштели Мореи подняли оружіе прошивъ своихъ гонипелей въ 1769-мъ году; шо положено было въ Диванѣ — умершвить всѣхъ Грековъ безъ исключенія. *Газзи-Гассанъ* шому воспротивился, говоря: что послѣ сего не съ кого будешъ брашъ подушныхъ окладовъ.

Въ Салоникахъ одинъ Грекъ, пріѣхавшій съ острова, продавалъ хлѣбъ съ корабля своего. Когда онъ хопѣлъ оспашки онаго высыпашъ въ мѣшокъ; шо Турокъ, спюявшій на площинѣ, велѣлъ ему принести огня, дабы раскуришъ себѣ шрубку. Грекъ не спѣшилъ исполнить его приказанія; а Турокъ, оскорбленный его медленностію, повергъ его пистолешнымъ выспрѣломъ къ ногамъ своимъ. «Ну! шы шеперь наполниш свой мѣшокъ!» сказалъ варваръ, захохоталъ во все горло и хладнокровно удалился.

Греки должны какъ можно спараться, скрывать свое богатство; въ противномъ случаѣ они всегда подвергаются опасности, лишиться какъ онаго, такъ и самой своей жизни. Даже въ собственныхъ домахъ не избѣгаютъ они смертоубійствъ, обидъ и припѣсненій. Ошь шого-шодвери въ домахъ и при церквахъ дѣлають спольнизки, что не иначе можно взойти въ оныя, какъ согнувшись. Симъ средствомъ избавляють они иногда ошь посѣщенія Турокъ.

На островахъ, сосныхъ подъ властію Капшанъ-Паши, который каждой годъ прѣзжаетъ шуда съ частію Флота для сбора-подашей, царспвуютъ въ сіе время спрахъ и опчаяніе. При появленіи Флота одни бѣгутъ въ горы, другіе укрѣпляютъ въ своихъ жилищахъ, изъ коихъ несмѣютъ выходитьъ, пока сія шайка разбойниковъ не удалится. — Солдаты и матросы грабятъ, гдѣ шолько возможно; счастливы шоль, кто оспанется не раненъ и не поруганъ. Женщины бываютъ обыкновенно жершвою ихъ нешповства, коему они нерѣдко предаются посреди улицъ и на площадяхъ.

(Продолженіе впредь.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Святославъ.

Дума.

И одинока и блѣдна,
Въ шуманныхъ облакахъ ныряя,
Текла двурога луну
Надъ берегомъ быспраго Дуная;
Ея перловые лучи
Спань усыпленный озаряли;
Сверкали копыя и мечи
И рашниковъ ряды дремали.

*

Съ опцагой въ сердцѣ и въ очахъ
Младой Гусарь, вдали опъ спана,
Закушанъ буркой, на часахъ
Стоялъ, на высотѣ кургана.
Предъ нимъ, на острову рѣки,
Шашры Турецкіе бѣлѣли;
Каки лѣсъ вздымались бунчуки
И съ вѣпромъ въ воздухъ шумѣли.

*

Въ давноминуешихъ временахъ
Крылатой дуною лешая,
О прошлыхъ онъ мечшаль бояхъ,
Гремѣвшихъ на берегахъ Дуная.
„На сихъ степяхъ,“ шакъ воинъ пѣлъ
„Съ Цимискіемъ въ борьбѣ кровавой,
Не разъ подъ шучей грозныхъ спрѣлъ
Нашъ Свяшославъ увѣчанъ славой.“

*

„По манию его руки
Безспрашный Россъ, пылая мещью,
На грозные враговъ полки
Лешаль — и возвращался съ чещью,

Онъ на равнинахъ дальныхъ сихъ,
Для славы на бѣды гошовой,
Дивиль и чуждыхъ и своихъ
Своею жизнію суровой.“

*

„Ему сводъ неба былъ шапромъ
И въ лѣпній зной и въ зимній холодъ;
Земля подь войлокомъ — одромъ
А пищею — конина въ голодъ.
„Друзья, васъ бѣгство не спасетъ!
(Гремьль Герой на бранномъ полѣ);
Позоръ на мертвыхъ непадетъ;
Намъ бишься волей или неволей!“ . . .

*

„Сразимся жъ, храбрые, смѣльи;
Не посраимъ опчилены милой —
И груди вражескихъ коспей
Набросимъ надъ своей могилой!“ —
И горсть Слаеянъ на пьмы враговъ
Текла — Вожда послышавъ голосъ —
И у врага хладѣла кровь
И дыбомъ шановилса волосъ!“ . . .

*

„Съ ушра до вечера кипѣлъ
На ближнемъ полѣ бой кровавой;
Двенадцать разъ Герой хопѣлъ
Вьичашъ побѣду звучной славой.
Валились грудами шѣла,
И Грекъ не разъ бѣжалъ изъ боя;
Но рашъ враговъ превозмогла
Надъ чудной доблестью Героя!“

*

„Закинувъ на спины щипы,
Славяне шли, какъ львы съ ловишвы,
Грозя съ нагорной высопы
Кровопротильемъ новой бившы.

Споль дивной изумлень борьбой,
Владыка гордой Византіи
Свиданіе и миръ съ собой
Здѣсь предложилъ главѣ Россіи.“

*

„И къ славѣ Сѣверныхъ племенъ
И Цареградскаго прешола
Желанный миръ былъ заключенъ
Не вдалекѣ отъ Доросшоло,
О Князь! Давно изплѣлъ швой прахъ;
Но живъ еще швой духъ геройскій!
Пишай къ славѣ жаръ въ сердцахъ,
Онъ окривляешъ наши войски!“

*

„Онъ шамъ, гдѣ пылъ войны кипишь,
Орломъ ширяясь передъ спроемъ,
Чудесной силою шворишь
Вождя и ратника героемъ!
Но что? . . . Ужъ вспыхнула заря!
Взгремѣла пушка вѣшповая —
И войска Бѣлаго Царя
Покрыли берега Дуная“ . . .

*

„Трубы призывной слышенъ звукъ!
Меня зовушь на пиръ кровавой . . .
Туда мой конь, гдѣ саблей спукъ,
Гдѣ можно паспъ, вѣнчавшись славой!“ . . .
Гусаръ умчался . . . громъ взревѣлъ!
Свистя шшибалися каршечи
И смѣло спрой на спрой лешѣль,
Ища съ врагами ярой сѣчи,

*

Вдругъ крови хлынула рѣка! . . .
Ошважный Вейсманъ палъ, но съ чешью!
И рой наѣздниковъ полка
На Музульманъ ударилъ меспью!

Враги смѣшались, дали пыль —
И поле шрупами покрыли;
И Руской знамя водрузили,
Гдѣ Грековъ праотцы громили.

Рылѣевъ.

Шарада, помѣщенная въ предыдущемъ No.,
значить — *кот-Лета.*

Н О В О С Т И

Л И Т Т Е Р А Т У Р Ы.

№. V.

П Р О З А.

Цитерская когорта.

Историческій анекдотъ.

Всѣмъ извѣстно, что не одни успѣхи оружія, не одинъ блескъ побѣдъ ушвердили могущество Наполеона во Франціи. Подобно всѣмъ похищателямъ, не пренебрегалъ онъ никакого средства для распространенія своей силы и власти. Ополчаясь со многочисленнымъ войскомъ противу внѣшнихъ враговъ своихъ, не менѣе, а можетъ быть еще и болѣе, помышлялъ онъ объ усмиреніи внутреннихъ, о лишеніи ихъ всѣхъ способовъ, вредныхъ ему самому или системѣ его Правительсва. Онъ зналъ, что число сихъ послѣднихъ было весьма велико, что почти всѣ они скрывали свои чувствованія, и не имѣя возможности дѣйствовать противъ него явнымъ образомъ, тайно приготавливали умы къ первому, благопріятному перевороту, въ пользу законныхъ властителей.

Буонапарте употреблялъ всѣ возможные средства для открытія, изгнанія и даже испребленія внутреннихъ враговъ своихъ. Но и сіи

чувствовали также необходимость, удалить всякое подозрѣніе на счетъ истиннаго ихъ образа мыслей и пошому вели себя съ примѣрною оспороженностью. Обыкновенные Агенты Полиціи не могли проникнуть въ короткія ихъ общества и сѣдовашельно не знали сокровенныхъ ихъ видовъ и намѣреній. Для открытія оныхъ надлежало прибѣгнуть къ другой, болѣе упонченной хитрости.

Оная состояла въ учрежденіи такъ называемой *Цитерской когорты* (*), особеннаго, довольно многочисленнаго общества, въ коемъ находились молодые люди обоего пола. Красота, любезность и пріятныя шалавны были необходимыми условіями для вступленія въ оное; а значительное жалованье и богатыя подарки — наградою усердѣвшихъ и дѣяшельнѣйшихъ Сочленовъ. Люди лучшаго воспитанія, обремененные долгами; прелестныя женщины, разспроившія свое состояніе безумною роскошью или ослѣвленные волшебною приманкою золота, вступали, не краснѣясь, въ сіе общество и участвовали въ хитрыхъ его замыслахъ. Сѣдующій анекдотъ покажетъ Читайшелямъ, какія средства употребляла *Цитерская когорта*, для достиженія своей цѣли.

Въ 1809-мъ году одинъ Голландецъ намѣревался издать въ Лейпцигѣ весьма основательное сочиненіе противъ тогдашняго Французскаго Правительсва. Баронъ Д., одинъ изъ шайныхъ Агентовъ Наполеона, узнавъ, почти первый, о семъ намѣреніи и писалъ объ ономъ

(*) Названіе сіе изобрѣнено самимъ Буонапарше.

въ Парижъ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Особа, чивавшая сію рукопись, увѣрала меня, что никогда еще не видала сильнѣйшаго и основательнѣйшаго разсужденія о семъ предметѣ. Сочинитель повсюду основывается на событіяхъ; повсюду изъясняется твердымъ и убѣдительнымъ пономъ. Можно смѣло сказать, что книга сія есть опаснѣйшая изо всѣхъ, кои были когда-либо изданы противъ нашего Правительсва.»

Легко можно себѣ представить, что подобное донесеніе не могло оспариваться безъ дѣйствія. Несчастный Голландецъ вскорѣ попалъ въ сѣни Г. М., коему поручена была сія важная Экспедиція. Сей послѣдній, сопровождаемый достойными своими сподвижниками, входитъ неожиданнымъ образомъ въ домъ Голландца; осматриваетъ всѣ комнаты, раздѣляетъ его самого, обыскиваетъ его карманы, опираетъ всѣ шкафы и ящики, ломаетъ мебели, разрѣываетъ плюфаки и подушки и разбиваетъ на тысячу кусковъ алебастровую Венеру, которая украшала каминъ его. Но представьте себѣ его ужасъ и опчаяніе, когда, не взирая на всѣ сіи поиски, нигдѣ не находитъ онъ желаемой рукописи! Бѣшенство сего Французскаго Инквизитора превосходитъ всякое описаніе. «Что здѣлали Вы съ сочиненіемъ, которое хотѣли напечатать въ Лейпцигѣ?» спрашиваетъ онъ наконецъ несчастнаго хозяина. — «Г. м.!» отвѣчаетъ сей. «Я никогда ничего не писалъ и не намѣревался печатать.» — «Неправда!» возражаетъ М. съ яростію. «Мое Правительсво нельзя обмануть. Намъ все извѣстно. Впрочемъ я не имѣю предписанія,

лишишь Васъ свободы. Я долженъ только спросить: не нужда ли заставила писать Васъ? Въ семь случаевъ положите за сочиненіе Ваше цѣну, какую вамъ угодно. Вашъ мой бумажникъ, который, какъ Вы видите, довольно полонъ. Назначьте только сумму и я заплачу Вамъ немедленно. Или можете быть Вы недовольны тѣмъ, что находитесь безъ должности? Можете быть Вы позабыли новымъ Правительствомъ? Въ такомъ случаѣ, объявите только свои прѣбыванія и поспѣшь получите желаемое.— «Милоспивый Государь!» отвѣчала Голландецъ. «Предложенія Ваши очень лестны; но я весьма сожалѣю, что не могу оными воспользоваться. Повторяю, что Вы ошибаетесь на мой счетъ, и что я никогда ничего не писалъ прошиву Французскаго Правительства.»

Г. М., видя непоколебимую его твердость, приказалъ отвезти его во Францію и посадить въ Государственную тюрьму. Съ тѣхъ поръ ничего уже не слыхали о несчастномъ Башавцѣ.

Спрашивается теперь: что здѣлалось съ рукописью, бывшею предметомъ сего изысканія? Какимъ чудеснымъ образомъ сокрылась она отъ пронипательнаго Агента Буонапартева? Мы объяснимъ сію загадку. За недѣлю до памянутаго обыска, Авторъ возмѣлъ нѣкоторое подозрѣніе на человѣка, коего почипалъ своимъ другомъ и кошорому, съ неблагоразумною довѣрчивостію, сообщалъ онъ важнѣйшія опривки изъ своей рукописи. Разныя соображенія утвердили его въ семь подозрѣніи, которое въ послѣдствіи оказалось основательнымъ. Все сіе заставило Голландца, ввѣришь рукопись одному

изъ старыхъ и испытанныхъ друзей своихъ, обитателью окрестностей города П***, но въ то время находившемуся въ Лейпцигѣ. Сіе-по послѣднее обстоятельство укрылось опъ проницапельности Г. М. и было причиною безуспѣшной его Экспедиціи.

Но Французское Правительство симъ не удовольствовалось. Надлежало доспать рукопись, существованіе коей не подвержено было сомнѣнію. Г. М. предпринялъ вторичное путешествіе въ Германію. Онъ поспѣшилъ въ родомнаго друга, погубившаго несчастнаго Голландца. Тысяча талеровъ назначена была первому, въ награду за его предательство; но какъ дѣло не имѣло желаннаго успѣха, то онъ долженъ былъ удовольствоваться только 500-ми франковъ, кои получилъ впередъ. Пошера споль значительной суммы приводила его въ опчаяніе. Онъ не выпускалъ изъ виду несчастнаго Голландца и по прибытіи Французскаго Агента сообщилъ ему разныя подробности, до него касавшіяся. Онъ между прочимъ узналъ, что дня за три до обыска, поспѣшилъ Голландца одинъ изъ короткихъ друзей его, раздѣлявшихъ образъ его мыслей на счетъ Французскаго Правительства. Не мудрено было заключить, что рукопись находилась въ рукахъ сего послѣдняго. »Но гдѣ найши эшаго человѣка?« спросилъ М.— »Онъ живешъ обыкновенно въ окрестностяхъ П.*** — «Имя его?» — «Г.» — «А званіе?» — »Онъ не занимаешъ никакой должности и живешъ своими доходами, копорые довольно значительны. Эшо человѣкъ 40 лѣтъ, высокаго роста, пріятной наружности и овдовѣль года

за два предъ симъ.» — «Имъ вѣсть ли какія-либо сильныя спроси?» — «Онъ любитъ Науки и Искусства, а всего болѣе прекрасный полъ. — «Онъ любитъ женщинъ! Если шакъ, то не прудно заманишь его въ свою сѣшь. Когда я въ помъ успѣю, то Вы непременно получите свою тысячу палеровъ. Въ ожиданіи сего, примите эпощъ билетъ на 500 франковъ; въ знакъ признательности за собранныя Вами свѣденія.» Г. М. проснулся съ достойнымъ своимъ сообщникомъ и поспѣшно опправился въ Парижъ.

Новый планъ его былъ вскорѣ здѣланъ. Надлежало познакомиться Г. Т. съ молодою и прекрасною женщиною, и чрезъ ея посредничество выманишь у него драгоценную рукопись. Г. М. избралъ для сего дѣвицу Э., одну изъ прелестнѣйшихъ Нимфъ *Цитерской когорты*. Цвѣтущая ея молодость, ослѣпительная красота, живой умъ, привлекательная любезность, превосходное воспитаніе и рѣдкое соединеніе пріятныхъ шансовъ — все оправдывало сей выборъ въ полной мѣрѣ. Она принадлежала къ извѣстной фамилии; и родители ея, достойные уваженія по личнымъ своимъ качествамъ, жили всегда въ изобиліи. Но дѣвица Э. лишилась ихъ въ нѣжнѣйшемъ дѣтствѣ; а пришедъ въ совершеннолѣтіе, здѣлалась наслѣдницею имѣнія, которое, при большой умеренности въ желаніяхъ, доставило бы ей спокойную и беззаботную жизнь. Но безмѣрная роскошь, кою предалась она по вступленію въ свѣтъ, а еще болѣе, пагубная страсть къ игрѣ, вскорѣ испощили родительское наслѣдіе. Привыкнувъ къ изобилію и даже къ распочисельности, не находила она болѣе

средствъ къ исполненію безумныхъ желаній своихъ, кои починала существенными потребностями. Между пѣмъ многочисленныя обожатели не преславали окружающае ея и — первый шагъ слабости непримѣнно вовлекъ ея въ пучину порока . . . Несчастливая Э. здѣлалась любовницею одного Нѣмецкаго Вельможи, который долго осыпалъ ея богатыми подарками; но видя наконецъ поспешенное испощеніе казны своей, поручилъ Банкиру *Рекалье*, выдавъ ей единовременно 15,000 фр. и — просилъ ея съ нею на вѣки.

Г-жа Э. была неуспѣшна при опѣздѣ вѣромнаго Германца. Но печаль ея продолжалась до пѣхъ поръ, пока не испощились полученные ею 15,000 фр. Въ сіе время здѣлалась она предметомъ нѣжности одного изъ Вельможъ Буонапартевой фабрики. Если вѣришь супругъ сего послѣдняго, дѣвица Э. сполла ему, въ 15 мѣсяцовъ, 130,000 франк.! Мы съ своей стороны думаемъ, что ревность увеличила нѣсколько сей счесть. — Какъ бы то ни было, нѣжный обожатель удосповѣрился по испеченіи сего времени, что доходы его здѣлаются вскорѣ недоспапючны при сей новой и споль значительной опрасли расходовъ. Онъ разорвалъ вдругъ сію связь; но не хоща бытъ неблагодарнымъ, принялъ должное попеченіе о будущей судьбѣ своей красавицы. По его-то предспашельству присоединилась она къ *Цитерской когортѣ* и вскорѣ здѣлалась одною изъ главныхъ ея начальницъ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ No.)

Чудаки.

Анекдоты о чудакахъ составляютъ важное дополненіе къ Психологіи. Спранности ума человекаго споль же многоразличны въ своихъ причинахъ, какъ и въ дѣйствіяхъ. Наблюденіе оныхъ нерѣдко открываетъ намъ великія и полезныя истины. Сильная спрасъ, неожиданная перемѣна обшояпельствъ, иногда одно живое впечатлѣніе, часто сокровенныя и неизьясныя причины — совращающъ человека съ обыкновеннаго круга идей его, или заставляющъ уклониться отъ законовъ общежитія, кои долго почипаль онъ священными и ненарушимыми. — Какой богатый предметъ для Философа и Моралиста!

Неудаваясь въ глубокія, Психологическія изслѣдованія, сообщимъ на сей разъ два анекдота о чудакахъ, кои конечно позабавяшъ нашихъ Читателей.

I.

Кшо изъ насъ не досадоваль иногда на себя самого, забывъ какое-нибудь извѣстное имя? Часъ носисся оно, какъ говоряшъ, мимо рта, и сполько чшо не можешъ попастъ на языкъ. Иной по нѣскольку часовъ ломаешъ голову, пока вспомнишъ сіе имя, хощя во всякое другое время оно само собою приходишъ ему на память. Это обыкновенно бываетъ съ людьми пожилыхъ лѣтъ и особливо, когда они рассказывающъ о чемъ-либо съ участіемъ и живостію. Состояніе сіе въ самомъ дѣлѣ мучительно. Всякой, кшо сполько испишаль оно, безъ шруда въ шомъ согласишся. Впрочемъ самая вещь довольно обыкновенна и нерѣдко

случается въ обществѣхъ. Но всего страннѣе, что состояніе сіе переходитъ иногда въ нѣкопорый родъ сумасшесствія; чему слѣдующій примѣръ можетъ служить доказательствомъ.

Лѣтъ за 50 предъ симъ жилъ въ Курляндіи нѣкто Кандидатъ *Кригеръ*, заспрѣлившійся попомъ на 60-мъ году отъ рожденія. Причины, побудившія его къ сему самоубійству, намъ неизвѣстны; да и не принадлежатъ къ предмету нашей повѣсти. Кандидатъ сей былъ онъ природы веселаго нрава, а пошому и весьма любимъ въ обществѣхъ. Онъ имѣлъ одну только странность: ш. е. впадалъ въ совершенное опчаяніе, когда не могъ вспомнить какого-нибудь имени. Въ такомъ случаѣ, изъ веселаго своего расположенія преходилъ онъ вдругъ въ жесточайшее уныніе; начиналъ горько плакать и ломать себѣ руки. Когда же кто-нибудь выводилъ его изъ сего замѣшательства и называлъ имя, котораго не могъ онъ вспомнить; то онъ обнималъ его со всѣми знаками живѣйшей радости, называлъ своимъ избавителемъ и прыгалъ какъ ребенокъ, дѣлая самыя смѣшныя шѣлодвиженія. — Онъ имѣлъ обыкновеніе, находясь въ большемъ обществѣ записывать на особой бумажкѣ всякое новое имя, имъ слышанное. По смерти его найденъ цѣлый ящикъ, наполненный сими бумажками.

II.

Другая, также близкая къ сумасшесствію странность замѣчена въ одномъ Помѣщикѣ въ *Л.*, умершемъ за нѣсколько лѣтъ предъ симъ. Главныя черты его характера, коими можно нѣкошорымъ образомъ объяснить оную, состав-

ляли — мспишельность и шрусливость въ высочайшей степени. Онъ не хотѣлъ оставишь безъ возмездія никакой обиды или досады, ему причиненной; хотя бы мщеніе это было только мнимое, о коемъ вовсе и не зналъ пошъ, кшо былъ предметомъ онаго. Природная шрусливость запрещала ему обнаружитъ гнѣвъ свой, а особливо, если человекъ, заслужившій оный, не былъ изъ числа его подчиненныхъ. Въ обществѣхъ можно было разсердитъ его малѣйшимъ прошиворѣчьемъ; особенно же, если онъ не чувствовалъ себя въ состояніи, опровергнуть доказательствъ, приводимыхъ его прошивникомъ. Когда же сей съ жаромъ защищалъ свое мнѣніе; то нашъ Помѣщикъ уходилъ поспѣшно домой, запирался въ особую комнату и начиналъ производить спрранную свою экзекуцію. Положивъ передъ собою подушку, воображалъ онъ ее шѣмъ лицомъ, которое ему прошиворѣчило; заводилъ съ нею разговоръ, опвѣчая самъ на свои вопросы, и при каждомъ несогласномъ съ нимъ опвѣшѣ, ударялъ по ней розгою или бичемъ изъ всей силы. При семъ онъ обыкновенно подражалъ крику лица, которое наказывалъ въ своемъ воображеніи. Всѣ бывшіе при сей сценѣ, или подслушавшіе оную — разумѣеяся, не будучи имъ примѣченны, — единогласно утверждають, что экзекуція сія была чрезвычайно смѣшна. Чшобы имѣшь объ оной ясное понятіе, приведемъ мы слѣдующій разговоръ:

Помѣщикъ (обращаясь къ подушкѣ). Милосливый Государь! Для чего вы мнѣ прошиворѣчили?

Подушка, (за которую *Полѣщикъ* самъ отвѣ-
щаетъ). Поэтому, что я имѣю многія причины,
несоглашаюсь съ Вашимъ мнѣніемъ.

Полѣщикъ. А я ихъ не нахожу. Причины Ваши
пустыя. Вообще надобно Вамъ сказать, что я
ненавижу проповорѣчіе.

Подушка. Какъ Вамъ угодно! Мнѣ до эшаго
дѣла нѣтъ. Одиѣ только доказательства
могутъ и должны рѣшить нашъ споръ.

Полѣщикъ. Какъ. Вы? еще пребуете доказа-
тельствъ? Признайшесь, говорю Вамъ, что я
правъ.

Подушка. Я не могу эшаго здѣлать; Ваши
мнѣнія не имѣютъ никакого основанія.

Полѣщикъ. Въ самомъ дѣлѣ? И Вы осмѣли-
ваетесь говорить мнѣ эшо въ глаза? (*Бьетъ
по подушкѣ.*)

Подушка. Ой! ой! Больно! больно!

Полѣщикъ. (*Остановясь.*) Ну! Теперь видите
ли, что значить мнѣ проповорѣчить? Вы эшимъ
заслужили жестокое наказаніе; но я пощажу
Васъ, если согласитесь съ моимъ мнѣніемъ.
Теперь скажите: правду ли я говорилъ?

Подушка. Нѣтъ. Я не опступлю отъ своихъ
правиль и не могу съ Вами согласиться.

Полѣщикъ. Нѣтъ? (*продолжаетъ экзекуцію.*)

Подушка. Ой! ой! Пощадите меня; пере-
спаньте только бишь! Вы правы; я совершен-
но Вашего мнѣнія.

Полѣщикъ. Ну вошь! Вы теперь убѣдились въ
справедливости моего мнѣнія? Давно бы такъ!
Тогда бы Вы не выперѣли эшихъ ударовъ!
Но Вы сами виноваты; сами навлекли себѣ не-

пріятность, и меня уже въ шомъ не вините.
Эпо будетъ вамъ впередъ урокомъ!

По окончаніи сей экзекуціи, клалъ онъ подушку на обыкновенное ея мѣсто и съ той же минутой переспавалъ сердился на своего пропивника.

Съ Нѣмецк.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Военное Искусство.

Изъ III-й пѣсни Поэмы: Искусства и Науки.

(Посвящено Генералу Ермолову.)

К у ш у з о в ь, — Музульманъ смирипель, Галловъ бичь! . . .
Но что? Я вижу блескъ, я слышу славы кличъ

О Муза Сѣвера! Перескажи согласно

О сей эпохѣ намъ, шюль славной и ужасной,

Когда нагрянули разбойничьи орды

И съ ними смерть, грабежь, пожары и бѣды;

Когда смущенные и ошсшупомъ и слухомъ

О множествѣ враговъ — уныли Россы духомъ;

Когда Москва тряслась и градъ Пешровъ дрожалъ

И міръ надѣяшся уже переспавалъ

Свободы, радости, любви и спокойства;

Когда казалася усилимъ Геройства

Рѣшимось — спашь вождель разспроенныхъ полковъ!

Уже нахлынули, ужъ слышенъ спукъ оковъ,

Уже въ развалины и пепель превращенный

У Бюонаршевыхъ Смоленскъ поверженъ ногъ,

И Гальскихъ полчищъ Дибирь ошановишь не могъ;

Россіане въ слезахъ взоръ къ Небу усремляли,

Въ рядахъ вождей родныхъ спасишеля искали —

И Богъ К у ш у з о в а Монарху указалъ!

Сей спарець опышный давно ужъ шучи ждалъ,

Которая въ шиши на Западъ сгуспилася —

И надъ Россією споль спрашно разразилася;

И, мудрая глава, давно искалъ онъ средшвѣ,

Спашти ошечесиво опъ угрожавшихъ бѣдшвѣ,

Опъ иноземцовъ намъ гоповимаго плѣна,
 Уже онъ перенесъ Россійскія знамена
 Изъ за Дуная; тамъ швердыни взорвалъ, срылъ,
 Искусно Визирю здѣсь съпъ разспаповиль
 И легковѣрнаго успѣхомъ обольщая,
 Переманилъ его на Рускій брегъ Дуная,
 Гдѣ пригошвлены перуны, голодъ, плѣнъ
 И лучшій плодъ побѣдъ безъ битвъ пріобрыненъ —
 Миръ съ Опшоманами; полезный миръ, во время
 Тяжелыя войны онъ снялъ съ Россіи бремя,
 Заболъ Царя опъ насъ въ сей край не опвлекаль
 И къ средоточію всѣ силы обращаль
 Но онъ въ Петрополь вождъ избранный Монархомъ,
 Благословляемый на подвигъ Іерархомъ,
 Колѣнопреклоненъ, сѣдинами во прахъ,
 Онъ молишь помощи Всевышняго въ слезахъ.
 И вошь! Верховный вождъ, въ рукъ съ жезломъ Судьбины,
 Ведешъ къ Бородину опшшшшшелей дружины,
 И вспыхнулъ бой! Но Вождъ велишь молчашъ громамъ,
 И чшобъ Россію спасшь, сдаетъ Москву врагамъ,
 Съ увѣренностію, ему лишь полько еродной,
 На время уступя ихъ силъ превосходной.
 И вошь уже наспалъ великій рядъ чудесъ:
 Опъ глазъ вселенныя Вождъ съ воинспвомъ исчезъ,
 Прирыщуцимъ врагамъ нѣпъ слуха, слѣда вѣсши;
 А онъ уже провелъ сынозъ Москвы и чеспи
 Къ Тарупину, созваль союзниковъ своихъ:
 Моръ, голодъ, нужду, спрахъ и инеевъ сѣдыхъ;
 Дорогу заслонилъ врагамъ домой обратню,
 И не сражаясь ждалъ поры благопріятной.
 Одни лепучіе полки разсыпалъ онъ,
 Враговъ шревожишпъ днемъ, въ ночь прерывашъ ихъ сонъ
 И плѣномъ угрожашъ среди столицы плѣвиной.
 Межъ шѣмъ Наполеонъ заснулъ въ Москвѣ сожженной . .
 Громъ разбудилъ его напасши на краю:
 Очнулся, обозрѣлъ погибель онъ свою,
 И бросился назадъ . . . но въ шылъ, съ боковъ и рядомъ
 Тѣснимые пуждой, морозамъ и гладомъ,

Уже полки его не удивляютъ взгляды
Сіяньемъ шишаковъ, оружій, збруи, лапъ,
Не развѣваются знамена надъ главами,
Мѣдъ пушекъ свѣплая не блещетъ за конями,
Не слышно колесницъ и ржанія коней,
Померкнулъ пышный блескъ сей роскоши Царей
И смертъ лишилася блистательныхъ уборовъ.
Лишь безобразныя развалины для взоровъ:
Костями и бронями усыяны поля,
Золото черною подернулась земля
И Нѣманъ кровію слился съ Москвой-рѣкою.
Здѣсь воинъ въ рубищѣ, весь изможденъ нуждою
Оспашокъ бышій ужаснаго влечетъ;
Друзей и недруговъ дашь смертъ ему зовешь:
Тамъ свѣжій юноша, недвижный у дороги
Сидишь, унылый взоръ впередъ на мерзвыя ноги.
Тупъ мясо конское на пищу гоныя рвешь,
А пашъ въ безпамятствѣ они другъ друга жрутъ.
Здѣсь къ древу прислонясь съ оружіемъ часовые,
Осанкой грозные, спяшь какъ бы живые
И очи ихъ глядишь, но жизнь слѣшла съ вѣждъ.
Тамъ шруны черныя ошъ дыма, безъ одеждъ,
Въ снѣгу, лиценные и чеспи погребенья;
И другъ и братъ забышь, нѣшь въ храбросни спасенья . .
Все въ прахъ! Враги спѣшаютъ неспройною полною;
И гибель ловишь ихъ нещадною рукой,
И погоняешь спрахъ карающія меспи.
Равно къ своимъ, къ чужимъ безъ жалоспи, безъ чеспи,
Врагъ человѣческа и врагъ столицъ бѣжишь:
Онъ сѣялъ бѣдствія — и пожинаешь снѣды!
И се нашъ **АЛЕКСАНДРЪ**, со шарцемъ въ колесницѣ,
Съ вѣнцами на главахъ, съ перунами въ десницѣ,
Указываютъ пушъ за Нѣманъ знаменамъ.
Хвала Купузова сподвижникамъ — Вождямъ!
Раевскій! слышавшій опечесства призванье
На произвольное сыновъ пы вель закланье,
Какъ новый Авраамъ, опца забывшій долгъ.
Твоей мѣдною спѣной врагамъ казался полкъ!

Честь В и н г е н ш т е и н у: Пешрополя спасишель,
 Съ неопытной полкой войскъ спарыхъ побѣдиль,
 Смиранный Вождь, онъ храмъ за подвигъ заслужиль;
 Но Господу сей храмъ въ Печорѣ посвящиль.

Хвала, нашъ Осшерманъ! Въ день Кульмокой незабвенной
 Въ одной пивоей рукѣ была судьба вселенной!
 Не споль рышищедный и швердый вождь полковъ,
 Не ждалъ, не выдержалъ бы написка враговъ
 Погибель, еслибъ шы былъ полько оспорожнымъ;
 Ты невозможнаго не сдѣлалъ бы возможнымъ!
 Холодная душа здѣсь средствъ бы не нашла
 И міра дерзоспью какъ шы бы не спасла.
 Подъ Кульмомъ былъ швой духъ, и пламениныя чувства
 Благоразумиѣ всѣхъ хипростей Искуства,

Нашъ Милорадовичъ — какъ передъ плучей громъ!
 Предъ войскомъ онъ Москвы до Сены за врагомъ,
 Ни ошдыха, ни сна ему не дозволяя
 И пламеннымъ мечемъ гоня и поракая!

Честъ К о н о в н и ц ы н у! Онъ храбрь, неушомимъ;
 Онъ войскомъ, какъ ошець забошливый, любимъ;
 Совѣша, брани мужъ, Смоленскому Герою
 Во время шяжкое онъ правою рукою.

А вы, копорымъ здѣсь завидный жребій даиъ.
 О знаменишая надежда Россійяны!
 Спашбуль, Парижъ, Кавказъ, шрясушся онъ ударовъ,
 Копорыми вы ихъ основу пошряели;
 Свой Царь и чуждые Монархи васъ почили.
 Герои юные! Идише въ слѣдъ Героимъ
 И въ мирѣ бодрешвуя, гошовешесь въ новымъ боимъ;
 Гошовешесь свѣжѣ на бишеахъ лавры ршатиъ,
 Враговъ обуздыватиъ, каратиъ миритиъ, спасатиъ!
 Ошъ васъ ждешъ славныхъ дѣлъ Россійская Держава.
 И крылья распущивъ, уже гошова Слава
 Паденіе градовъ, побѣдъ грядущихъ честъ
 Въ концы вселенныя, изъ рода въ родъ пронесетиъ.

З а г а д к а.

Ты хочешь знать меня Я все и ничего!
 Бываю видимъ я для взора швоего,
 Лишь только въ шемношѣ, въ шакую только пору,
 Когда незрящему ничпо невидно взору!
 Я въ посѣщеніи невидимомъ своемъ
 Безъ слова говорю; кшо слышишь шѣмъ невнятенъ;
 А шѣмъ, чей запершъ слухъ, мой разговоръ поняшенъ!
 Творю изъ ничего, небудучи шворцемъ;
 Кажуся испиннымъ, когда бываю ложнымъ;
 Все опъ могущешее зависишь моего;
 Все невозможное могу явишь возможнымъ,
 Все дашь могу; и дашь не власшенъ ничего!
 Къ шебъ я прихожу неслышною спокою;
 Я часно у шебя, я былъ вчера съ шобою;
 А можешъ бышь, чпо я съ шобою и шеперь!
 Лица мнѣ не дано, за што имъю лица!
 Хопъ я не человекъ, не пшица и не звѣрь,
 Однако я и звѣрь, и человекъ, и пшица!
 Безъ грома я гремлю; пылаю безъ огня;
 Бываю шмой безъ шмы, бываю днемъ безъ дня;
 Короче, я въ моихъ явленьяхъ непримъпныхъ
 Могу передъ шобой бышь въ образахъ несчешныхъ!
 Но знай, когда швоимъ являюся очамъ,
 Не существую я и эшопъ я — шы самъ!
 Не будучи ничемъ я все въ шебъ имъю,
 Безъ свойшпее, свойства все я принимаешъ умъю!
 Я легкокъ и шяжелъ, безуменъ и уменъ,
 То весьль, шо угрюмъ, шо пихъ, шо возмущенъ,
 То долгій черезъ-чуръ, шо спрашно скороспешный,
 Бываю мершвый я, но бышь могу и вѣчный,
 И обнимаю всехъ, себя не дамъ обняшь!
 Однако же легко меня шебъ пойманъ:
 Переверни меня, и буду подъ глазами:
 Тогда схвашишь себя позволю и руками!

Андрей Ершовъ.

Печашашъ позволешся: 19-го Іюля, 1822-го года.

Цензоръ А. Бируковъ.

НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ.

№. VI.

ПРОЗА.

Цитерская когорта.

(Окончаніе.)

Мѣсто сіе обѣщало значительные доходы нашей красавицѣ. Сверхъ опредѣленнаго жалованья, каждая успѣшная экспедиція обеспечивала ей особливую награду, коей важность нерѣдко превышала сумму перваго болѣе, нежели вдесятеро.

Въ предстоявшемъ дѣлѣ нѣкто, можешь бышь, не могъ имѣть лучшаго успѣха, какъ дѣвица Э. Къ привлекательнымъ ея качествамъ присоединялось и то, что она хорошо говорила по-Нѣмецки. Короткая связь ея съ молодымъ Вельможею сей націи наиболѣе къ тому содѣйствовала. — Послѣ нѣкоторыхъ совѣщаній съ Г-мъ М., получила она паспортъ для отъѣзда въ Германію, подъ именемъ *Аделаиды З.*, молодой вдовы, путешествующей для поправленія своего здоровья. Данныя ей наставленія были слѣдующаго содержанія:

«По пріѣздѣ Вашемъ въ П*, постарайшесь пошчасъ освѣдомиться о Г. Т. и о мѣстѣ его жительства. Подъ предлогомъ слабаго здоровья,

изъявише желаніе, жить за городомъ и наймше домикъ въ его сосѣдствѣ. Если найдете нужными какія-либо перестройки; по смѣло можете предпринять оныя. Вамъ не надобно жалѣть денегъ. Все прочее предоставяется собственному Вашему благоразумію.»

Мнимая Аделаида З. имѣла счастливѣйшій успѣхъ въ своемъ предпріятіи. По пріѣздѣ въ П*, безъ труда отыскала она человѣка, коего хотѣла заманишь въ свои сѣти. Не подалеку отъ его жилища находился прекрасный домикъ, принадлежавшій одному ремесленнику. Сей послѣдній давно уже имѣлъ намѣреніе, продать оный и только ожидалъ покупателя, копорый заплашилъ бы ему порядочную цѣну и припомъ наличными деньгами. Аделаида — шакъ будемъ называть ее отнынѣ — узнала о семъ обстоятельствѣ; осмошрѣла домикъ; нашла его покойнымъ и хорошо расположеннымъ и — не долго порговалась съ хозяиномъ, копорый, къ величайшей своей радости, получилъ отъ нея 32,000 франковъ. (*)

Сдѣлавшись сосѣдкою Г. Т., безъ труда узнала она все, что только могло до него касаться: образъ его жизни, обыкновенныя упражненія, привычки и склонности. Ей между прочимъ сказывали, что Г. Т. любитъ прогуливаться и часто ѣздитъ въ городъ. Основываясь на сихъ свѣденіяхъ, Аделаида приняла вскорѣ дѣятельнѣйшія мѣры. Она всегда опмичалась

(*) Вся сія подробность почерпнута изъ собственныхъ ея писемъ къ одной пріятельницѣ, копорая въ послѣдствіи лишилась зрѣнія и живетъ шеперь въ ея домѣ.

искусствомъ своимъ и ловкостію въ верховой ѣздѣ, а попому и купила себѣ двухъ прекрасныхъ лошадей. Въ одинъ день узнала она поутру, что Г. Т. отправился въ городъ и возвратился въ извѣстный часъ вечера. При наспуленіи онаго, красавица сѣла на одну изъ верховыхъ лошадей своихъ и, сопровождаемая слугою, выѣхали на большую дорогу, для встрѣчи любезнаго сосѣда.

Проницательный взоръ ея замѣшилъ уже издали его карету. Аделаида, какъ-бы ушомленная лѣпнымъ жаромъ, сыркнула съ лошади и легла на цвѣшущій дернъ, подъ одно изъ тѣнистыхъ деревьевъ, осѣняющихъ дорогу. Она пришворилась спящею и прозрачный вуаль ея былъ только слегка накинута. Между тѣмъ карета сосѣда ея приблизилась. Аделаида встрепенулась, какъ-бы пробужденная неожиданнымъ шумомъ. Испуганная ея лошадь отскочила на нѣсколько шаговъ. Г. Т., твердо увѣренный, что прервалъ сладкій сонъ незнакомки, почелъ долгомъ своимъ, выпти изъ кареты и попросить у ней прощенія. Красавица подняла свой вуаль. Сполъ рѣдкое соединеніе прелестей поразило нашего Нѣмца до такой степени, что онъ нѣсколько секундъ не могъ произнести ни слова. Наконецъ онъ ободрился и сказалъ ей отрывистымъ голосомъ: «Извинише, сударыня, если я, прошивъ воли моей, нарушилъ покой Вашъ. Я самъ былъ бы ошъ того въ отчаяніи, если бы это не доспавило мнѣ счастливаго случая, видѣшь одно изъ прекраснѣшихъ швореній подъ солнцемъ.»

«Нарушеніе сна моего ничего не значитъ», отвѣчала Аделаида съ припворною скромно-стію. «Чтожь касается до лесныхъ похвалъ, коими Вамъ угодно почтешь меня; шо повѣрьше, что я знаю имъ испинную цѣну. Вы мущина; еще молоды и почтаете долгомъ своимъ сказать что-нибудь пріятное женщинѣ.» При сихъ словахъ бросилась она, съ обыкновенною своею легкостію, на лошадь и хотѣла уже опкланяться Нѣмцу; но сей послѣдній, восхищенный прелесною незнакомкою, удержалъ гордаго коня ея и сказалъ робкимъ голосомъ: «Какъ, Милоспивая Государыня? Вы такъ скоро хошите лишить меня удовольствія съ Вами бесѣдовать? Если я имѣю несчасіе, быть Вамъ прошивнымъ; шо я предупрежу Ваше желаніе и удаюсь немедленно. Если же Вы не находише къ тому причины; шо позвольте мнѣ по крайней мѣрѣ узнать, съ кѣмъ я имѣю честь говорить.»

«Благовоспитанной человекъ никогда не можетъ быть въ шягость», отвѣчала красавица. «Вы хошите знать: кто я? Желаніе эшо нахожу я очень натуральнымъ и поспѣшу удовлетворить его. Я вдова и — Француженка; поселилась здѣсь недавно и на прошедшей недѣлѣ купила себѣ прекрасной домикъ въ 200-хъ шагахъ отсюда.»

«Какъ, сударыня? Такъ эшо Вы купили домъ пергаменщика?» — «Разумѣется. Но чтожь въ эшомъ спранныго?» — «Вообразите, что мы самые близкіе сосѣди. Изъ моихъ оконъ можно видѣть Ваши. Я въ опчаяніи, что до сихъ поръ не имѣлъ еще пріятнаго случая, быть у Васъ,» — «Лучше поздно, нежели никогда. Я сама

недавно только успроилась въ новомъ своемъ домикѣ. Впрочемъ я знаю, что доброе сосѣдство, а особливо въ деревнѣ, есть драгоценнѣйшее сокровище: а потому и надѣюсь, познакомисься съ Вами покороче.—Сказавъ сіи слова, поклонилась она съ дружественною улыбкою новому своему обожателю и — исчезла изъ глазъ его съ быспрошою молніею.

Г. Т. былъ въ восторгѣ. Новая знакомка воцарилась въ пламенномъ его воображеніи. Прелести ея сдѣлали на него споль глубокое впечатлѣніе, что во весь вечеръ не могъ онъ ничѣмъ заняться. Сонъ бѣжалъ отъ глазъ его и долгоя ночи казалась ему несносною. Поупру занялся онъ шаулетомъ своимъ, съ большею прошивъ обыкновеннаго щашельносшію, и съ неперпѣніемъ ожидалъ щого часа, въ кошорой благоприспойность и приняшые обычаи позволяли уже начинать упреннія посѣщенія. Желанный часъ сей наконецъ наступилъ и влюбленный Нѣмецъ полешѣлъ къ своей сосѣдкѣ.

Аделаида видѣла, какъ онъ выходилъ изъ своего дома и щочасъ сѣла за форшельяно. Она хотѣла обворожить его всѣми способами, какія только были въ ея власши.

«Я всегда нарушаю Ваши удовольствія», сказалъ Г. Т., входя въ комнату; «но все это обращается, какъ я вижу, къ моей выгодѣ. Вчера прервалъ я Вашъ сонъ; но щѣмъ доставилъ себѣ случай, удивляясь Вашимъ прелестямъ. Сегодня нахожу Васъ за Музыкою и успѣлъ уже удостовѣриться, что таланты Ваши соопвѣщивующъ красотѣ.» — «Опять похвалы, любез-

ный сосѣдь. Въ деревнѣ надобно быть простыми и искренними, подобно Природѣ, кошорую видимъ здѣсь безъ всякой прикрасы. Лесъ и прищворство должны мы предоставить городскимъ жителямъ.» — «Постойте, Милостивая Государыня! Вы во мнѣ очень ошибаетесь, если почищаете меня способнымъ къ прищворству или обману. Я говорю, что думаю, изъясняю Вамъ, что чувствую мое сердце. Выслушайте еще два или три слова и судите о моей искренности. Не прошло еще дня, какъ я имѣлъ счастье, съ Вами познакомиться; но если-бы какой-либо непредвидимый случай лишилъ меня удовольствія, Васъ видѣть и съ Вами бесѣдовать, то не знаю, оспался ли бы я въ живыхъ? И при всемъ помъ я отецъ и — могу смѣло сказать — добрый отецъ.» При сихъ послѣднихъ словахъ не могъ онъ удержатъ своихъ слезъ.

Аделаида, споявшая у своего форшельяно, была также глубоко пронута. Душа ея колебалась чувствованіями, коихъ не умѣла она опредѣлить; ибо прежде того никогда не ощущала подобныхъ. Взоры ея невольно обращены были на Г. Т., который казался ей въ эту минуту прекраснѣйшимъ, любезнѣйшимъ человекомъ въ свѣтѣ. «Пойдемте завтракать» сказала она ему наконецъ дружескимъ голосомъ. «Вы меня распрогали, но распрогали пріятнѣйшимъ образомъ. Я сожалею, что мы давно не были знакомы.» — «Прекрасная Аделаида», отвѣчалъ Т., «нѣжность моя къ Вамъ родилась недавно; но она глубоко напечатлѣлась въ моемъ сердцѣ и никогда не изгладится изъ онаго.»

Тихая, дружеская веселость господствовала во время завтрака. «Если Вы не чувствуете ненависти къ шѣмъ, кто Васъ любятъ,» сказалъ Т., прощаясь съ прелестною сосѣдкою; «то сдѣлайте мнѣ честь, пожаловать завтра ко мнѣ, въ эпоху же часъ.» — «Вы умѣете предлагать Ваши прозбы въ такомъ видѣ,» отвѣчала Аделаида, «что Вамъ невозможно отказать.» — Восхищенный сосѣдъ поцѣловалъ у ней руку и въ сладостныхъ мечпаніяхъ возвратился домой.

Аделаида, оставшись одна, предалась размышленію. Чувствованія, возбужденныя въ ней симъ знакомствомъ, были споль же новы, какъ и неизяснимы. «Я хотѣла плѣнить его,» говорила сама себѣ; «но вижу напрошивъ, что онъ меня обворожилъ. Не могу не признаться, что роль, которую взяла я на себя, кажется мнѣ теперь низкою и ненавистною. Я хочу быть счастлива; но не хочу болѣе обманывать честнаго человѣка. Завтра же откроюсь ему, кто я и за чѣмъ я здѣсь.»

На другое утро, въ назначенный часъ, отправилась она къ сосѣду. Сей принялъ ее, какъ Генія-хранишеля, посѣпившаго мирное его жилище. Онъ представилъ ей маленькую дочь свою, прекраснаго и ласковаго ребенка. «Вопы существо,» говорилъ онъ, «которое, за нѣскольکو дней предъ симъ, почиталъ я драгоценнѣйшимъ на земли. Теперь, когда вы вмѣстѣ, не могу не сказать, что вижу предъ собою все, что составляетъ мое счастье.»

Аделаида осыпала ребенка нѣжнѣйшими и искреннѣйшими ласками. Утро прошло весьма

пріятно, въ опкровенномъ дружескомъ разговорѣ; но Аделаида не имѣла духа, опкрышь свою шайну.

Свиданія сіи возобновлялись ежедневно; а вмѣстѣ съ оными возраспала и взаимная нѣжность нашихъ сосѣдей. Прошли цѣлые два мѣсяца; но они, подобно воѣмъ испиннымъ любовникамъ, не нашли еще удобной минушы для окончательнаго объясненія. Наконецъ Г. Т. рѣшился выпши изъ сей мучительной неизвѣспности. Въ одинъ вечеръ, находясь съ нею наединѣ, сказалъ онъ ей дрожащимъ голосомъ: «Если прелестная моя пріятельница свободна, какъ я; если сердце ея не пипаешь какой-либо сокровенной склонности; если характеръ мой ей не пропивень; если имѣніе мое находишь она доспашочнымъ: — то да рѣшишь она судьбу мою, да здѣлаешь моею супругою и машерью моей дочери! Предоспавляю ей 24 часа на размышленіе.»

«Предложенія Ваши весьма лестны, почтенный другъ мой,» опвѣчала Аделаида. «Но прежде всего позвольте опкрышь Вамъ мое сердце. Не боишься ли Вы узнать, кпо я?» — «Спрашиваю шолько: свободны ли Вы?» — «Совершенно.» — «Можешь бышь я Вамъ пропивень? Можешь бышь дочь моя для Васъ въ шягоснь?» — «Напрошивъ, я и шеперь уже люблю ее, какъ бы свою собспвенную. Чшожь касается до Васъ; то признаюсь опкровенно, чшо я Васъ обожаю.» — «Мнѣ эшаго и довольно. Я не шребую никакихъ дальнѣйшихъ признаній. Если обстоятельство, кои хопѣли Вы мнѣ ввѣришь, клонящая къ Вашей выгодѣ; шо я не имѣю въ эпомъ нужды. Я не могу уже любить и почипашь

Васъ болѣе, нежели шеперь. Въ прошивномъ же случаѣ, если Вы намѣрены разсказать мнѣ какія-нибудь прежнія слабосши; то я совсѣмъ не хочу знать ихъ. Превосходныя качества Ваши доспапочно, дабы изгладить всякое о томъ воспоминаніе. Мнѣ нужно было удосповѣриться: любите ли Вы меня? Вы мнѣ въ эшомъ признались и я — счаспливѣйшій человекъ въ свѣтѣ!» При сихъ словахъ хошѣлъ онъ упасшь къ ногамъ ея; но Аделаида до сего не допустила, заключивъ его въ свои объашія и проливая сладоспныя слезы любви и благодарносши.

По прошесшвіи недѣли, Аделаида здѣлалась супругою счаспливаго Т. Ей только оспавалось, исполнить порученіе, возложенное на нее опъ Французскаго Правительсшва. Однажды, какъ бы нечаянно, завела она рѣчь о несчастномъ Голландцѣ и объ его рукописи. — «Какъ!» вскричалъ мужъ ея. «И ты объ эшомъ слышала? Знаешь ли, что эша рукопись подвергала меня величайшей опасносши? Несчастный Сочинитель повѣрилъ ее мнѣ; но едва услышалъ я объ его взяпши подъ спражу, какъ поспѣшилъ предать оную огню.»

Эшаго было довольно для Аделаиды. Въ пошь же день увѣдомила она шайнаго Агенша Наполеонова, что опасная рукопись болѣе не существуетъ и что данное ей порученіе приведено къ концу. Вскорѣ за шѣмъ извѣстшла она сего Чиновника о принятомъ ею намѣреніи, оспашьясь въ Германіи, гдѣ нашла она истинное счаспие. Одна изъ искреннихъ ея пріятельницъ взяла на себя, продать все имущество, которое оспавила она во Франціи. Совершивъ въ поч-

ности сіе порученіе, переселилась и она въ П. и сдѣлалась свидѣтельницаю того благополучія, коимъ Аделаида наслаждаешся и понынѣ.

Такимъ-шо образомъ окончилось дѣло, коего начало сопровождалось не весьма благопріятными предзнаменованіями! Такимъ образомъ возвращена на путь добродѣтели прелестная женщина, копорую слабость, неопытность и обольщеніе соврапили съ онаго, но къ счастью, на корошкое только время!

З а м о к ъ Г е л ь м е т ъ .

(Опрывокъ изъ живописнаго пушешесвія по Лифляндіи.)

Замокъ Гельменъ лежишь въ 65-ти верспахъ къ Юго-Западу отъ Дерпша, у источника рѣки Тарваса, на милю отъ Коркюльскаго озера, гдѣ, по преданію, находишся нѣсколько пощолненныхъ зданій. (*) Оный построень въ 1265-мъ году Юргеномъ фонъ Эйхштедтоль, Полководцемъ Лифляндскихъ Рыцарей. Въ 1472-мъ году, Гросмейстеръ сегожь Ордена, Иоганнъ Вольшгусъ

(*) Рижскій монахъ Зигбершъ повѣшвуешъ въ своей Хроникѣ, что около 1300-го года, женился здѣсь брашь на родной сестрѣ своей, получивъ на шо предварительное позволеніе (?). Дядя ихъ Андрика съ долго пропивилъ сему преступному браку; но наконецъ принужденъ былъ изъявишь на оный свое согласіе. Какое-шо шомное предчувствіе зашпавило его удалишь на канунѣ свадьбы. Въ самый же день оной, новобрачные, вмѣстѣ съ домомъ своимъ и со всѣми госпями, поглощены были озеромъ. Послѣднее обстоятельство, можешъ бышь, и справедливо; но самая повѣшь кажешся намъ сказкою.

фонъ Ферзенъ, взявъ здѣсь въ плѣнь и лишенъ своего достоинства, по причинѣ бывшаго на немъ подозрѣнія въ сношеніи съ Рускими. Въ 1502-мъ году, сіи послѣдніе осаждали сей замокъ и лишились Воеводы своего, Князя Александра *Оболенскаго*. Во время Польскаго Правленія, Гельмешъ съ нѣкошорыми другими замками отданъ (въ 1562-мъ году) въ залогъ Герцогу Финляндскому *Юганну*, у коего занято было 125,000 шалеровъ. Начальство надъ оными поручено было Шведскому Графу *Арце*. Когда же Шведскій Король *Эрихъ* взялъ въ плѣнь брата своего и дѣлалъ уже приготовленія къ завоеванію замковъ его въ Лифляндіи; то *Арце* прибѣгнувъ къ Россійскому Намѣстнику въ Дерпшъ, обѣщая уступить ему Гельмешъ, съ тѣмъ, чтобы онъ защищилъ прочія владѣнія его Государя. Рускіе явились подъ стѣнами Гельмеша; но нѣкошорые изъ подчиненныхъ Графа *Арце*, почтивъ переговоры сей измѣною, схватили его самого и отослали въ Ригу. Тогдашній Польскій Намѣстникъ въ семь городѣ, Герцогъ *Готгардъ Кетлеръ*, не изслѣдовавъ дѣла, предалъ его ужаснѣйшимъ мученіямъ, въ копорыхъ и окончилъ онъ жизнь въ 1573-мъ году. Польскимъ Начальникомъ сего замка былъ тогда *Юргень фонъ Вульфсдорфъ*. Въ 1575-мъ году сдался оный Герцогу *Магнусу*; но сей, по видимому, не долго владѣлъ имъ.

Замокъ сей построень изъ дикаго камня. Остатокъ башни, подобно столпу, поддерживаетъ прочія стѣны. Вверху оной находилось нѣсколько комнашъ.

Достоинъ замѣчанія прелестный Паркъ, расположенный у подошвы замка нынѣшнею,

почтенною Помѣщицею, Г-жею *фонъ Герсдорфъ*. Ея-шо стараніями вся окрестность, сама по себѣ живописная, еще болѣе украшена.

Нѣкоторыя мѣста можно назвать очаровательными. Дальнія горы, соспавдающія предѣль горизонша; лѣсочки, коими оныя одѣшы; выдающійся изъ древесной зелени флюгеръ и рѣка, орошающая спрану сію, доставляющъ взору богатое и пріятнѣйшее разнообразіе. Нельзя также неупомянуть о нѣкоторыхъ зданіяхъ превосходной Архитектуры. Между оными возвышается обелискъ, воздвигнутый изъ граница въ память *Шиллеру*. Холмъ, на кошоромъ оный поставленъ, возвышается изъ за деревьевъ Парка и предсавляетъ прекрасный видъ. Нельзя было избрать лучшаго мѣста для посвященія памяшника сему безсмертному Писателю. Знаюки садоводства находятъ, что нѣкоторыя частни сего Парка слишкомъ уже украшены Искусствомъ. Это конечно было бы погрѣшностью противъ благородной и натуральной простоты, кошорая не терпитъ никакого излишества; но погрѣшность эта есть, кажется, общая многимъ славнѣйшимъ садамъ. Впрочемъ пріятно видѣшь, когда съ шакимъ вкусомъ умѣють пользоваться почтенными остатками опечесшвенной древности. Какъ жалки напротивъ шѣ, кошорые, изъ пусныхъ хозяйственныхъ, расчешовъ, не щадящъ древнихъ развалинъ, употребляя ихъ на строенія — шинковъ и конюшенъ!

Съ Нѣм. В. Соколовъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Э л е г і я

на конгину Князя Д. Д. Циціанова.

Сближенный времени всемошною рукой
Съ границей двухъ міровъ — съ могилой,
Среди спраданаія опъ чаши роковой
Я былъ опшоргнушь Высшей силой!
Но жизни новый даръ едва излился въ грудь,
Какъ новыя въ нее излились скорби, муки,
И, ахъ! того, чей былъ далекъ ко гробу путь,
Мои въ землѣ сокрыли руки! . . .
Младенецъ милый! ты являлся мнѣ на ней
И дѣвской красопы и Ангельскаго права
Прелестнымъ образцомъ! Я думалъ: счастье, слава,
О милый сынъ! побой моихъ на Западъ дней
Разсыплюшь свѣжи розы. —
И чшожь? Всѣхъ радостей, надеждъ замѣна — слѣзы,
Какихъ не проливалъ еще въ мой грустный вѣкъ!
Любимая Судьбы игрушка — человекъ:
Когда на небеса онъ самъ еще взираешь,
То взоры существамъ бездѣннымъ закрываешь;
И вопъ чшо ж и з н і ю зовешь подъ солнцемъ онъ!
Ахъ! Я позналъ тебя, ужаснѣйшій законъ, —
Тебя, условіе главнѣйшей смертныхъ цѣли! . . .
И ты, почтенный мужъ, пріавшій опъ купели
Мл. да моего, предмета слезъ моихъ,
Уже опрадою не служишь для живыхъ
И ушъненіемъ, подпорой для несчастныхъ!
Вся жизнь швоя была — цѣпь чувствъ и дѣлъ прекрасныхъ!
Кшо болѣе тебя былъ суешности чуждъ?
Кшо менѣ шворилъ спрасшей себѣ кумиры?
Ты собственныхъ не зналъ ни прихощей, ни нуждъ;
Но зналъ, гдѣ немощный и сирый

Томяшся въ горестной съ злосчастіемъ борьбѣ
И благоспыней пушь къ нимъ пролагалъ себѣ.
Не вѣдая личиѣ обманчиваго свѣша,
Ты щцашельно скрывалъ не слабосшь, не порокъ,
Но исполненія сердечнаго объша.
Поколебашъ его не могъ ни свѣшь, ни рокъ!
И вѣрный испинамъ высокаго ученья,
Ты гордосшь унижалъ величіемъ смиренья!
Дрешоинспѣзъ предъ шобой не замѣнялъ шишулъ
И презрѣвъ былъ безъ нихъ шобсю Крезъ, Лукуллъ;
Но добрыя сердца въ тебѣ имѣли друга! . . .
И доказалось шо, когда изъ смершнихъ круга
Ты вышель, чтообъ прейши въ небесный вершпоградъ:
Благословляемый спокрашъ,
Тогда, какъ не внималъ ужъ больше намъ — во гробѣ,
Ты предавъ былъ земной ушробѣ
При вопляхъ искреннихъ, при пламенныхъ слезахъ! —
Героевъ благоспи завиденъ самый прахъ!
Ты узришь — о восшоргъ! — шамъ крешника-младенца,
Съ кошорымъ сходенъ шы и въ поздныхъ лѣшахъ былъ
Невинносшью души и чистопшою сердца;
Кошораго тебѣ днесъ вновь ошець вручилъ! . . .

Князь Шаликовѣ.

Кѣ Кн. П. И. Шаликову,

по случаю кончины его сына.

Мой другъ, мой скорбный другъ! — Мы жили:
Не намъ о справникахъ почившихъ въздыхашъ;
Къ цвѣшамъ ли милые свой посохъ прислонили,
Не намъ ихъ въ небеса слезю провожашъ.

Дай руку: побредемъ по первіямъ ко гробу,
Завидуя шому; кшо лёпомъ орлихъ криль
Оспавиль шрудный пупь, не вспрѣшивъ лестъ и злобу
И — неуспавый опочиль.

Но ты ошець Простишь ли друга?
Дозволь хоща одну слезу ему сперешь.
„Нѣшь! нѣшь! Я былъ ошцемъ . . . Вопще швоя услуга!
„Ты сына не ошдашь: оспавь меня скорбѣшь.
„Дни спароспи моей не изочпущся скукой,
„Такъ думаль я; онъ живъ и я не весь умру;
„Онъ вѣжди мнѣ смежипъ, спокоишь машь, сесшру . . .“
Но кшо сказаль шебъ? И кшо, кшо былъ порукой? —
„Онъ самъ! . . Его душа умъла обещашь
„Мнѣ радощь въ первомъ лепешаньи.
„Мнѣ шолькобъ розы пожинашь! . . .
Гдѣ? гдѣ? — По шы забыл: мы въ дебрахъ испышаний

„Онъ былъ бы крошчокъ, добръ, чувспвителенъ душой . . .“
Несчастный! Чшо изрекъ? Смирися предъ судьбой.
Любовь его души еще не исперзала
И дружба для него личинъ не надѣвала;
Онъ необманушь былъ ни лаской, ни хвалой,
Ни ложной мудроспью, кошорая съ гордыней
Нась учишь знашь добро и зло,
И льспишь намъ въ жизни благоспыней,
Когда мы держимся (Форшуну за крыло.

Повергнемся предъ Тѣмъ, одинъ кшо прямо знаешь,
Чшо зло и чшо добро для насъ;
Кшо солнцемъ вещество, надеждой духъ пишашь;
Чей огонь и въ совѣспи злодѣя не угась;
Чья въ насъ Любовь живешь, чья Вѣра движешь
горы,
И бремя тяжкихъ мукъ подъемлешь опъ сердцець
Слезую прояснивъ спрадальца шомпы взоры,
Въщашь: „Сынъ швой живъ: не воздыхай, ошець!“

„Гдѣ гдѣ мой сынъ?“ — О другъ ужели въ сей юдоли,
Гдѣ слезы льются въ шалашахъ,
Текуть рѣками на престолѣ?

Онъ шамъ, гдѣ лучше — въ небесахъ.

О счастье! о воспоргъ! Онъ насъ обоихъ вспрѣишь;

Скорѣй, скорѣй къ нему объяшья вознесемъ!

Намъ ушро радосное свѣишь . . .

И мы малюшку обойдемъ!

Н. И. Писаревъ.

Загадка, помѣщенная въ предъидущемъ No.
Прибавленій, значишь — сонъ.

Печаташь позволяешся: 27-го Юля, 1822-го года.

Цензоръ А. Бируковъ.

Н О В О С Т И Л И Т Т Е Р А Т У Р Ы.

№. VII.

П Р О З А.

Женщина - Писательница.

Вольный переводъ съ Нѣмецкаго. (*)

Видите ли, милыя подруги, какъ величественныя Музы проходящъ мимо нашихъ хижинъ? Легка ихъ одежда; скоры шаги ихъ; безмятежная радость сокращаетъ путь ихъ. Но не намъ за ними слѣдовать! Не намъ мѣшаться въ веселые ихъ хороводы! Весна призываетъ ихъ на цвѣшущія поля Аркадіи, въ очаровательную долину Темпейскую, отдаленную отъ нашего жилища. Можемъ ли мы сопровождать ихъ, съ груднымъ младенцомъ на рукахъ и съ полною малюшокъ, коихъ юная неопытность пребудетъ ежеминутно материнскихъ попеченій?

(*) Сочинительница сего отрывка, Г-жа Мниохъ, принадлежала бы конечно къ числу первоклассныхъ Писательницъ Германіи, если бы ранняя смерть не исклонила ее изъ круга родныхъ и друзей. Пріятныя произведенія сей достойной женщины, въ стихахъ и прозѣ, напечатаны уже послѣ ея смерти, подъ скромнымъ заглавіемъ: *Zerstreute Blätter von Maria Mnioch*. Слѣдующая страница показываетъ, изъ какой точки взирала она на собственныя свои Лишпера, шурныя заваянія.

Но вопль оный возвращающся, величественныя Музы! Радоспный ликъ ихъ снова проходишь мимо нашихъ хижинъ. Корзинки ихъ наполнены благоухающими цвѣтами, собранными на поляхъ Аркадіи, въ пльнипельной долинь Темпейской. Съ улыбкою дарашь онымъ нѣсколько фіялокъ и окрыленными шагами продолжають путь свой. Милыя подруги! Примите съ благодарностію скромный сей даръ! Поднимемъ также и полу-поблекшія розы, выпавшія нечаянно изъ переполненной ихъ корзинки. Поспавимъ цвѣты сіи въ кристальный сосудъ и освѣжимъ ихъ водою изъ ближняго источника!

Но если одинъ изъ малюпокъ моихъ попросишь пишь изъ сего сосуда; если въ убогой хижинѣ моей не найдешся другаго: — то пусть лучше завянешъ цвѣшокъ, принесенный Музами съ полей Аркадіи! Я не гордилась симъ даромъ, какъ особеннымъ знакомъ ихъ благосклонности. Я видѣла въ немъ одинъ только памятникъ крапковременнаго ихъ появленія предъ врапами моего жилища. Цвѣты Темпейскіе также не вѣчны и скромная моя фіялка и безъ того бы завшра поблекла!

К.

Братья Шлегели.

Между Корифеями такъ называемой *новой школы* въ Германіи, братья *Шлегели* безъ сомнѣнія занимають первое мѣсто. Опличныя ихъ дарованія, глубокая ученость, обширныя и разнообразнѣйшія свѣденія и множестводостойно уважаемыхъ сочиненій — здѣлали ихъ извѣстными во всей просвѣщенной Европѣ. Брап-

ская любовь ихъ, совершенное согласіе во мнѣніяхъ касательно Липпературы и Философіи, и важные пруды, кои предпринимали они общими силами — приносящъ не менѣ чести нравственному ихъ характеру. Это — *Касторъ* и *Поллуксъ* въ Исторіи новѣйшей Словесности. Мы надѣемся, что слѣдующая крапкая Біографія знаменитыхъ сихъ братьевъ не будетъ неприяпною для нашихъ Читателей. Мы начнемъ старшимъ, который заслуживаетъ, кажется, сіе шило и въ Липпературномъ отношеніи.

Августъ Вильгельмъ Шлегель родился въ Ганноверѣ, 8-го Сентября 1767-го года. Отецъ его былъ Ренераль-Суперинтендентомъ Люнебургскаго Княжества. Молодой *Шлегель* обучался съ блистательнымъ успѣхомъ въ Гёшпингенѣ, гдѣ и познакомился съ знаменитымъ Поэтомъ *Бюргеромъ*. Сей послѣдній вскорѣ проникнулъ отличныя его дарованія и въ одномъ прекрасномъ Сонетѣ предсказалъ ему безсмертіе. *Шлегель* здѣлался Членомъ тамошней Филологической Семинаріи, бывшей подъ начальствомъ славнаго *Гейне*. Изданное имъ Латинское разсужденіе о *Географіи Гомера* прославило молодого Ученаго во всей Германіи. Въ сіе же самое время *Гейне* приводилъ къ концу превосходное свое изданіе *Виргилія* и поручилъ *Шлегелю* составленіе принадлежащихъ къ оному таблицъ. Богатый Амстердамскій Банкиръ, именемъ *Мульманъ*, ввѣрилъ ему попомъ воспитаніе дѣтей своихъ, коимъ и занимался онъ 3 года. Возвращаясь въ Германію, здѣлался онъ со-трудникомъ *Шиллера*, который издавалъ въ сіе время свою *Талію*. Переведенные имъ опрыски

изъ Данта приняты были Нѣмецкою Публикою съ особеннымъ вниманіемъ. Но вскорѣ Шлегель превзошелъ самъ себя, издавъ въ свѣтъ первая части своего Шекспира. Можно смѣло сказать, что никогда еще стихотворный переводъ не былъ столь близокъ къ подлиннику. Предпріятіе сіе казалось тѣмъ ошважнѣе, что Шлегель имѣлъ уже двухъ знаменитыхъ предшественниковъ, коихъ труды пользовались доспойнымъ уваженіемъ. Это были — *Виландъ* и *Эшенбургъ*. Но сіи послѣдніе перелагали Шекспира въ прозѣ, между тѣмъ, какъ Шлегель переводилъ его въ стихахъ и — по большей части изъ стиха въ стихъ! — Окончивъ творенія Англійскаго Трагика, занялся онъ другимъ Писателемъ, коего переводъ представлялъ еще большія трудности. Это былъ — Испанскій Писатель *Кальдеронъ*. Но Шлегель имѣлъ и въ семъ предпріятіи столь же блистательный успѣхъ, какъ и въ предъидущемъ. Важныя сіи занятія не отвлекали его и отъ другихъ. Въспомни съ братомъ своимъ *Фридрихомъ*, издавалъ онъ *Атены*, Литтературный Журналъ, надѣлавшій въ свое время много шума. Здѣсь оба они изложили свою Теорію Эпически и Поэзіи, совершенно новую и истинно Философическую; Теорію, которая подала поводъ ко множеству сильныхъ преній, но тѣмъ не менѣе осталась господствующею въ Германіи. Г. Шлегель провелъ нѣсколько лѣтъ въ Енѣ, гдѣ былъ Профессоромъ Университета и дѣятельнымъ сотрудникомъ тамошнихъ *Ученыхъ Вѣдомостей*. Засимъ переселился онъ въ Берлинъ, гдѣ покойный Г. Коцебу издавалъ тогда свой Журналъ:

Der Freymüthige. Сей послѣдній, жестокій прошивникъ *новой школы*, находился съ нимъ въ безпрестанной Липпературной враждѣ. (*) Въ семь-по городѣ здѣлалъ *Шлегель* знакомство, которое въ послѣдствіи немало содѣйствовало къ распространенію его славы. Это была—Г-жа *Сталь*, коей уваженіе приобрѣлъ онъ вскорѣ до такой степени, что она убѣдила его ѣхать съ нею въ Швейцарское ея помѣстье, а потомъ сопровождать ее во всѣхъ путешествіяхъ. Взаимное ихъ уваженіе и дружество безпрестанно возрастали, и находясь въ Италіи, посвятилъ онъ ей прекрасную Элегію, подъ названіемъ: *Рилъ*. Будучи въ Парижѣ, посѣщалъ онъ ежедневно Театръ и здѣсь-по родилась у него первая мысль, написать извѣстное свое *Сравненіе Федры Еврипидовой и Расиновой*. Нѣмецкій Ученый издалъ сію книжку на Французскомъ языкѣ, который онъ — замѣшимъ мимоходомъ — знаетъ почти столь же совершенно, какъ и свой природный. Парижскіе Журналисты и Кристики ополчились на него всѣми силами, между тѣмъ, какъ все пресупленіе Г. *Шлегеля* соспояло въ томъ, что онъ сочинилъ ученый Комментарій на извѣстные стихи *Вольтера* въ его *Храмѣ вкуса*. Сей послѣдній, упоминая о *Расиновыхъ* Герояхъ, говоритъ:

(*) Справедливость требуетъ замѣтить, что оба соперника выходили нерѣдко изъ предѣловъ благоприспособности, въ ученыхъ своихъ преніяхъ. Въ особенності непрощительно для *Шлегеля*, что онъ издалъ цѣлое собраніе Саширическихъ стиховъ противъ *Коцебу*, въ несчастнѣйшую эпоху жизни для сего послѣдняго!

Ils ont tous le même mérite :
 Tendres, galans, doux et discrets ;
 Et l'Amour, qui marche à leur suite,
 Les croit des courtisans François.

Съ сего времени, Французскіе Императоры вооружались противъ Г. Шлегеля при всѣхъ возможныхъ случаяхъ и никогда уже не отдавали справедливости его дарованіямъ и свѣденіямъ. Находясь въ Вѣнѣ, въ 1802-мъ году, чиналъ онъ извѣстный *Курсъ Драматической Литтературы*, который и издалъ попомъ въ свѣтъ. Мнѣнія его возбудили снова множество споровъ, какъ во Франціи, такъ и въ самой Германіи; но, не входя въ разсмотрѣніе оныхъ, должно признаваться, что никогда еще Драматическое Искусство не было изслѣдовано съ такою основательностію, ни изложено съ большею ученостию. — Въ 1810-мъ году раздѣлялъ онъ добровольно заоченіе Г-жи Сталь и, какъ сказываютъ, принималъ дѣятельное участіе въ Императорскихъ ея произведеніяхъ. Великія происшествія 1812-го года обратили его къ современной Исторіи и заставили издашь нѣсколько сильныхъ сочиненій противъ Буонапарте, какъ на Нѣмецкомъ, такъ и на Французскомъ языкахъ. Онъ сопровождалъ Наслѣднаго Принца Шведскаго въ Армію, въ качествѣ приватнаго Секретаря его, а по паденіи Наполеона, возвратился въ замокъ знаменитой своей пріятельницы, Г-жи Сталь. Засимъ издалъ онъ еще нѣсколько любопытныхъ сочиненій, между коими *Замѣтанія* его о *Провансальскомъ языкѣ и Литтературѣ* занимають первое мѣсто.

Заклучимъ сіе Біографическое извѣстіе словами Г-жи *Сталь*, копорая конечно болѣе и лучше, нежели кто-нибудь, могла судить объ ученомъ своемъ другѣ: »Авг. В. *Шлегель*« (говоритъ она во 2-мъ помѣ своей *Германіи*), »имѣеть обширнѣйшія свѣденія въ Словесности, рѣдкія даже между учеными его соотечественниками. Никто лучше его не умѣеть сравнивать разные языки и опредѣлять опличительныя свойства Поэзіи у разныхъ народовъ. Въ своей *Драматургіи* имѣль онъ даръ, описывать споль же краснорѣчиво произведенія Спихошворства, какъ-бы величественныя чудеса Природы; изображать оныя живыми красками, не вредя однакожъ вѣрности своихъ сужденій. Восхищаясь великими Геніями, нечувствительно сообщаетъ онъ сей воспоргъ своимъ Читайтелямъ. *Шлегель* говоритъ о Поэзіи почти такъ же, какъ *Винкельманъ* о произведеніяхъ древняго Искусства. Сіе-то, кажется, и составляетъ испиннаго Кришика. Всякой человекъ съ нѣкоторыми свѣденіями замѣтитъ ошибки, коихъ надлежитъ избѣгать; но послѣ самаго Генія нѣтъ, конечно, ничего споль доспославнаго и почтеннаго, какъ умѣть посшигать его и удивляться его швореніямъ!«

Фридрихъ *Шлегель*, младшій братъ предъидущаго, родился также въ Ганноверѣ, въ 1772-мъ году. Окончивъ первоначальное свое ученіе, посланъ онъ былъ въ Лейпцигъ, гдѣ по желанію опца своего, долженспововаль посвящитъ себя коммерціи. Но онъ вскорѣ показалъ непреодолимое отвращеніе къ сему званію и — вмѣсто того — началъ заниматься Науками и Словесно-

спію. Спашыи разнаго содержанія, помѣщенныи имъ въ Журналахъ, и въ особенноти образцовые разборы новыхъ книгъ, обрапили на него вниманіе всей ученой Германіи. Засимъ издалъ онъ первое обширнѣйшее сочиненіе, подъ заглавіемъ: *Греки и Римляне*. Славный Гейне осыпаль оное весьма лестными похвалами. Между шѣмъ Фридрихъ Шлегель занялся издавіемъ *Атенея*, вмѣстѣ съ своимъ брапомъ. Мы уже выше сказали, что въ сіе-по время положили они основаніе *новой школы*, называемой также *Шлегелиянскою*, а внѣ Германіи болѣе извѣстной подъ именемъ *Романтической*. Должно впрочемъ замѣшитъ, что какъ въ отечествѣ ихъ, такъ и внѣ онаго, приписывали имъ нерѣдко мнѣнія, кои были имъ совершенно чужды. Противники ихъ употребляли противъ *новой школы* всѣ возможныя оружія и вводили въ заблужденіе Публику, копорая Эпиграммы и Сапиры ихъ принимала иногда въ буквальномъ смыслѣ.

Почти въ то же время, издалъ Шлегель свою *Люцинду*, Философическій Романъ, надѣлавшій много шуму въ Германіи. Авпоръ жилъ погда въ Берлинѣ; но вскорѣ переселился въ Ену, гдѣ здѣлался сотрудникомъ *Ученой Газеты* и началъ преподавать Испорію. Важныя его занятія не препятствовали ему однакожь упражняться въ Поэзіи. Трагедія *Аларкосъ* и Поэма *Геркулесъ Музагеетъ* суть важнѣйшія изъ стихотворныхъ его сочиненій. (*) Въ 1802-мъ или 803-мъ году предпри-

(*) Намъ кажется, что и въ качествѣ Стихотворца, Фридрихъ Шлегель долженъ усупитъ своему брашу. Вогапство мыслей, строгое сохраненіе

нялъ онъ путешествованіе въ Парижъ, гдѣ и открылъ публичный курсъ Философіи. Онъ сопровождаетъ былъ своею супругою, дочерью славнаго Мендельсона, вмѣстѣ съ кою принялъ онъ въ послѣдствіи Каполическое Вѣроисповѣданіе, въ городѣ Кёльнѣ. Во время пребыванія своего въ Парижѣ, Фридрихъ Шлегель въ особенноти занимался Французскою Лишперашурою среднихъ вѣковъ, Кристическимъ изслѣдованіемъ Рыцарскихъ Романовъ и разныхъ народныхъ преданій. Вскорѣ за симъ издалъ онъ *Историческіе отрывки и замѣтанія, относительно къ Жаннѣ д'Аркѣ*. — Слѣдующее его сочиненіе: *Опытъ о языкѣ и Философіи Индейцовъ*, послужило новымъ доказательствомъ обширныхъ и многоразличныхъ его свѣденій. Возвращаясь въ Германію, въ 1808-мъ году, вступилъ онъ, по приглашенію Эрцъ-Герцога Карла, въ званіе Секретаря его при главной Австрійской Арміи. Въ сіе же время Императоръ пожаловалъ ему Дворянство. По окончаніи сей войны, возвратился онъ къ Лишперашурнымъ своимъ занятіямъ и открылъ въ Вѣнѣ два публичные курса: *Новѣйшей Исторіи и Ученой Исторіи всѣхъ народовъ*. (Оба сіи

Эстетическаго и нравственнаго достоинства, и живое, искреннее уваженіе къ Религіи и священнымъ ея преданіямъ — суть общія качества ихъ Поэзіи. Но воображеніе Августа Вильгельма имѣетъ, если мы не ошибаемся, еще болѣе живости, картинности его — еще болѣе свѣжести, свежести его — еще болѣе плавности. Онъ не только умѣлъ сохранятьъ живую, яркую колористику Южной Поэзіи, при переводѣ Италіанскихъ, Испанскихъ и Португальскихъ Писателей, но и придавалъ онымъ нѣкошорымъ изъ оригинальныхъ своихъ сочиненій.

Курса напечатаны въ 1812-мъ году). Засимъ издавалъ онъ весьма любопытный Журналь, подъ названіемъ: *Нѣмецкій музей*, при содѣйствіи почтеннаго своего брата, обоихъ Графовъ *Штолльберговъ* и другихъ знаменитыхъ сотрудниковъ. Дипломатическія его сочиненія, писанныя по поводу послѣднихъ великихъ происшествій, пріобрѣли ему уваженіе Князя *Меттерниха* и доставили мѣсто Совѣтника Австрійскаго Посольства при Германскомъ Сеймѣ, во Франкфуртѣ. Мѣсто сіе, сколько намъ извѣстно, занимаетъ онъ и донинѣ. — Въ числѣ *Литтературныхъ* трудовъ его должно также упомянуть и о Нѣмецкомъ переводѣ *Коринны*, который изданъ былъ въ свѣтъ прежде самаго подлинника. — Г-жа *Сталь* не менѣе опдаешъ справедливости сему Писателю, какъ и спаршему его брату. «Фридрихъ *Шлегель*,» говоритъ она, «принадлежитъ къ числу знаменитѣйшихъ людей своего опечества. Оригинальный умъ его обѣщаль уже ему блистательнѣйшіе успѣхи въ *Литтературѣ*; но онъ симъ не удовольствовоался и хотѣлъ еще просвѣтитъ оный разнообразнѣйшими свѣденіями . . . Хотите ли знать: въ чемъ состоитъ приспращіе, въ коемъ такъ часто обвиняли обоихъ *Шлегелей*? Въ предпочтительной ихъ приверженности къ среднимъ вѣкамъ и ко всѣмъ преданіямъ сей эпохи. Безпорочный духъ Рыцарства, безпредѣльное уваженіе къ Вѣрѣ и вдохновенная Поэзія — составляють, по ихъ мнѣнію, одно нераздѣлимое цѣлое.»

К.

О нравахъ и обычаяхъ нынѣшнихъ Грековъ.

(Продолженіе.)

Мы обыкновенно воображаемъ себѣ Грековъ красоны идеальной; мы думаемъ найши между ими подлинники шѣхъ превосходныхъ, древнихъ спашуй, кои восхищаютъ наши взоры. Въ Греціи дѣйствительно встрѣчаюшя рѣдкія красоны въ *гастяхъ*; но такого совершенства въ *цѣломъ* конечно нигдѣ не существуетъ. Обишая подъясымъ небомъ, въ здоровомъ и пріятномъ климатѣ, Греки имѣюшъ вообще черпы лица благодарныя и привлекательныя, хопя и не всегда прелесныя. Голову держатъ они высоко, а шѣло прямо, наклоненное болѣе назадъ, нежели впередъ. Въ поступкахъ ихъ видна свобода, ловкость и непринужденность. Въ Греціи какъ великаны, такъ и карлы, сушъ весьма рѣдкое явленіе. Глаза почти у всѣхъ Грековъ прекрасны, исполнены огня и живоспи. — Жители острова Микона славятся, сверхъ того, своими длинными рѣсницами. Вообще Греки любяшъ густыя брови, сходящіяся вмѣстѣ. Ошличительная красота Аѣинянь состоитъ въ прекрасномъ успроеніи шеи. По сему-шо Аѣинскія женщины кажушя какъ бы Царицами, коихъ наружный видъ имѣешъ въ себѣ нѣчто величественное.

Высокая и спройная грудь довершаетъ красоту Гречанки. Жаль только, что прелеспи сіи скоро исчезаюшъ: семнадцати-лѣшнія дѣвицы начинаюшъ уже шерять оныя. Думаюшъ, что излишнее употребленіе теплыхъ банъ въ особеноспи къ шому содѣйствуетъ. Во многихъ

областяхъ Греціи, женщины рано начинаютъ толстѣть. Къ сему способствуетъ флегматическое ихъ сложеніе и совершенное бездѣйствіе, особливо въ высшихъ Сословіяхъ. Красотою славятся женщины въ Беодіи и Ашшикѣ. Въ Сціо и Папмосѣ почти всѣ онѣ имѣютъ также прекрасную наружность; за то на островѣ Самосѣ, не подалеку лежащемъ отъ первыхъ, съ трудомъ можно найти сносное лице. — Тино и Косъ, гдѣ въ Древности возвышались храмы Киприды, славятся и понынѣ своими красавицами. — Въ Моревѣ женщины вообще прелестны; высоки ростомъ; черны лица имѣютъ благородныя, глаза пламенные, ротъ прекрасно успроенный и зубы очаровательной бѣлизны. — Дѣвицы Спаршанскія бѣлокуры, спройны и вообще имѣютъ благородный видъ. Женщины Тайгепскія по большой части высоки и мужественны. Мессинянки малы и довольно толсты, но почти всѣ оплечающся пріятностию фізіогноміи. Голубые глаза украшаютъ прелестный овалъ лица, по коему распущены черныя локоны. — Аркадскія женщины имѣютъ вообще прелестную голову и спройный станъ, хотя нерѣдко покрываются самою грубою одеждою.

Альбанцы высоки, спройны и ловки; лице имѣютъ продолговатое и свѣжее, глаза свѣдлыя и пламенные. Лобъ у нихъ узкой, а грудь широкая. Альбанскія женщины по большой части крѣпкаго сложенія. Образъ ихъ жизни предохраняетъ ихъ отъ многихъ болѣзней, коими подвержены прочія Гречанки. Онѣ гораздо позже доспигаютъ зрѣлаго возраста, нежели

многія изъ ихъ соотечественницъ; но за то и свѣжестъ свою сохраняють гораздо долѣе. Альбанки занимающа хозайствомъ, обрабатываютъ поля и весьма рано приучаются къ трудамъ и дѣятельности. Дѣвицы содержатся подъ строгимъ надзоромъ родителей или родственниковъ. Узы супружества счисляются священными. Мужъ надзираетъ за своею женою весьма строго и всякое оказанное ему оскорбленіе не иначе можешь быть омыто, какъ только кровію. Подобный обычай существуетъ и у Майношовъ. — Впрочемъ женщины у Альбанцевъ находящіяся въ большемъ уваженіи, ибо умѣють снискивать оное своею покорностію и строгимъ исполненіемъ воли мужей своихъ. Поведеніе манеры служатъ всегда прекраснѣйшимъ примѣромъ для дочери. Онѣ почти безпрепятственно сидятъ дома и рѣдко встрѣчаются въ онаго. — Вообще дѣвицы въ Моревѣ цѣломудренны и безпорочной нравственности; женщины вѣрны и постоянны; въ обхожденіи ихъ съ мужчинами господствуетъ благоразуміе и кладнокровіе. Здѣсь вдова рѣдко выходитъ за-мужъ вторично.

Въ Сѣверной Греціи женщины, по причинѣ торговыхъ связей съ чужестранцами, менѣе скрытны. Вообще Гречанки бываютъ господами въ своемъ домѣ, которымъ онѣ болѣе завѣдываютъ, нежели ихъ мужья. Съ другой стороны, Греки съ своими женами обращаются гораздо съ меньшимъ уваженіемъ, нежели Турки. Сии послѣдніе всегда уступаютъ дорогу беременной женщинѣ на улицѣ, предлагаютъ ей свои услуги и гошovy выполнитъ все, чего бы она отъ нихъ ни попросила. Греки, какъ и

всѣ воспочные народы, обращающіеся съ своими женами какъ съ невольницами: жены подающъ имъ прубки, шубли и кофе. На нѣкопорохъ островахъ женщины почиашу за безчестіе, обѣдашъ вмѣстѣ съ госпями или чужеспранцами. — Гречанки живущъ и по нынѣ, какъ во времена *Гомеровы*, въ многочисленномъ обществѣ своихъ служанокъ; прядущъ съ ними хлопчатую бумагу, вышивающъ, вяжущъ чулки и колпаки. Онѣ обходящяся съ ними ласково и имѣющъ къ нимъ большую довѣренность. Вообще нѣтъ почти никакого различія между воспитаніемъ и наружнымъ видомъ Госпожи и ея служанки. Въ нѣкопорохъ обласпяхъ, сіи послѣднія содержатся въ совершенномъ уединеніи и работающъ только дома; а находясь внѣ онаго, пошчасъ убѣгающъ, какъ скоро увидяшъ посторонняго челоука. Напрошивъ того на другихъ островахъ, женщины сидяшъ съ своею работою у дверей, шупяшъ между собою и смѣющяся; входяшъ въ разговоры съ проходящими, оспанавливающъ ихъ и приглашающъ въ свой домъ; для покупки разныхъ издѣлій. Но сколь кажущя онѣ свободны и довѣрчивы въ обращеніи; споль напрошивъ спрги въ соблюденіи правилъ чести и благоприспойности. Тотъ ужасно обманешя, кто судя по ласковому ихъ приему, позволишъ себѣ какія-либо излишнія вольности.

(Продолженіе впредь.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Плѣнный воинъ въ темницѣ. (*)

Родина святая!
 Край прелестный мой!
 Все шобой мечшая,
 Рвусь къ тебѣ душой,
 Но увы! въ пезоль
 Держашъ здѣсь меня
 И на рашнокъ полъ
 Не сражаюсь я.

*

День и ночь терзался
 Я судьбой швоей;
 Въ сердцѣ отдавался
 Звукъ швоихъ цѣней.
 Можноть однороднымъ
 Брашъевъ позабышь?
 Ахъ! Иль бышь свободнымъ,
 Иль совсѣмъ не бышь!

*

(*) Тишуль и содержаніе сей пьесы напоминають при прекрасныя Стихотворенія знаменитѣйшихъ нашихъ Поэтовъ: Вапюшкова, Кн. Вяземскаго и Жуковскаго. Должно однакожь замѣшить, что каждый изъ нихъ придалъ своему произведенію особливый характеръ. Первый представилъ Рускаго плѣнника при берегахъ Роны, поскующаго по опчизнѣ посреди живописныхъ окрестностей Ліона, сиротѣющаго душею посреди шумнаго многлюдства. Другой изобразилъ Рускаго же плѣннаго воина, въ стѣнахъ Парижа, въ ту минушу, когда побѣдоносные соотечественники вступаютъ въ сію столицу и споль доспославно распоргають его неволлю. Третій, въ своемъ Шильонскомъ узникѣ, представилъ намъ спрадальца за Вѣру, который раздѣлялъ сперва съ брашьями горешпную свою участь и мало по малу осиротѣлъ совершенно. Сочинитель слѣдующей пьесы выводитъ на сцену плѣнника, заключеннаго въ стѣнныхъ предѣлахъ мрачной темницы, въ опдаленіи опъ всего чедовѣчскаго: плѣнника, неимѣющаго никакой еѣспи о любезной родинѣ, ни объ успѣхахъ оружія храбрыхъ своихъ единоземцовъ.

И съ друзьями сѣло,
Гибельной грозой,
За святое дѣло —
Мы помчались въ бой.
Но увы! въ неводѣ
Держашъ здѣсь меня
И на рашномъ полѣ
Не сражаюсь я!

*

И въ плѣну не знаю,
Какъ шамъ брань горюшъ;
Вѣспи ожидаю —
Мимо вѣспъ лешипъ.
Слухъ убійствъ несется,
Страшной меспи слѣдъ;
Кровь родная льется,
А меня шамъ нѣшъ!

*

Ажъ! средъ бури зрѣшъ
Плодъ, свобода, швой;
День швой ясный рдѣшъ
Пламенной зарѣй!
Узникъ неизвѣстный,
Пусшъ спрадаю я; —
Лишь бы, край прелестный,
Вольнымъ знать шебя!

И. К^е — 66.

НОВОСТИ ЛИТТЕРАТУРЫ.

№. VIII.

ПРОЗА.

Таинство Елеосвященія.

(Изъ Шапобриана.)

Въ виду гроба, молчаливаго преддверія другаго міра, Христіянство обнаруживаетъ все свое величіе. Хотя большая часть древнихъ вѣроисповѣданій освящали также прахъ умершихъ; но ни одно не помышляло о томъ, чтобы приуготовить душу къ опшествію на сіи незнаемые брега, съ коихъ никто уже не возвращается.

Взгляните на прекраснѣйшее зрѣлище, какое можете предсавить вамъ земля, — на умирающаго Христіанина! Человѣкъ сей не существуетъ уже для свѣта, не принадлежитъ болѣе своему опшеству; всѣ общественыя сношенія для него разрушены; счисленіе временъ окончено; онъ начинаетъ счисленіе новое — опъ великой эпохи своего безсмертія. Священникъ, сѣдящій у возглавія, упѣшаетъ его. Онъ бесѣдуетъ съ преславляющимся о безсмертіи его души, и зрѣлище величественное, видѣнное однажды только во всей Древности, въ первомъ изъ ея

умирающихъ Философовъ, возобновляется ежедневно на смиренномъ, смертномъ одрѣ бѣднѣйшаго Христіянина.

Минуша великая наспушила. Священный обрядъ отверзъ сему праведнику враша свѣша; священный обрядъ и заключишъ ихъ для него. Религія дѣлѣла его въ колыбели жизни; ея материнская рука, ея прекрасныя пѣсни усыпляющъ его и на смертномъ его ложѣ. Она приготавливаетъ Крещеніе для впораго рожденія сего, но избираетъ уже не воду, а елеи — прообразование неплѣнія небеснаго. Обрядъ-освободитель разрѣшаетъ мало по малу узы правовѣрнаго; душа его, полуизшедшая изъ плѣла, является почти удобозримою на его лицѣ. Уже слышишся ему сладостное пѣніе Серафимовъ; уже готовъ онъ оплестѣшъ къ плѣмъ селеніямъ, куда приглашаетъ его божественная Надежда, дочь Добродѣтели и Смерти. Наконецъ Ангель мира, ниспускаясь къ сему праведнику, касается злпнымъ скипетромъ до опягченныхъ его вѣждей и пиho заключаетъ ихъ для свѣша. Онъ умеръ; но никшо не слыхалъ послѣдняго его вздоха. Онъ умеръ; но долго еще друзья почидаютъ его уснувшимъ и безмолвствующимъ окрестъ бездыханнаго его плѣла.

Б.

З а м о к ъ Т р е й д е н ъ.

(Отрывокъ изъ живописнаго путешествія
по Лифляндіи.)

Здѣсь, посреди *Гутлиановой* пещеры, сижу я за письменнымъ столомъ и спѣшу сообщить тебѣ первыя, крашкія замѣчанія о моемъ путеше-

шеснвіи. Долгое спранствование по очаровашельнымъ симъ долинамъ упомило тѣлесныя наши силы; разнообразныя и прелесныя картины, быспро мелькнувшія въ нашихъ взорахъ, обогащили воображеніе пріяшнѣйшими воспоминаніями. Товарищи мои опдыхающъ за флейшами, коими хошящъ пробудитъ дремлющее эхо; а я сижу за перомъ, сближаю насшощее съ прошедшимъ и мысленно бесѣдую съ опдаженными друзьями.

Пріяшно опдохнувшъ здѣсь опъ скучнаго единообразія, кошорое представляли намъ небозримые пески, опъ Риги до Вангаша. Изрѣдка вспрѣчали мы сосновыя рошцы, раздѣляемыя обширными, безплодными сшешами, кои просширались предъ нашими взорами уединенно и печально, подобно жизни несчастливца. — Не смотря на жаръ и глубокой песокъ, мы совершили сей пущъ довольно скоро и достигли наконецъ живописныхъ окрешносшей Гинценберга. Дорога была пркрасная; мѣспа опъ Гинценберга мало по малу возвышались: наконецъ, начали мы опашъ спускашъся и неожиданно опкрылась предъ нами прелесная Кроненбергская долина. Оную замыкающъ горы, одѣшныя цвѣшущимъ кустарникомъ. Изъ средины ихъ съ шумомъ прошекашъ рѣка, мимо сельской госшинницы, представляющей въ нѣдрахъ сей долины спокойное и пріянное убѣжище. Впрочемъ мы не долго насшаждались сими красошами Природы. Цѣль нашего пущешествія просширалась даалѣе: мы сшѣшили увидѣшъ Зегевольдъ, кошорой былъ опъ насъ уже недалеко.

Бывають минуты въ жизни, кои дѣйствуютъ на человека съ необыкновенною силою: минуты, когда самыя горестныя чувства спановаясь для насъ наслажденіемъ, когда языкъ нѣмѣеть, но полное сердце говоритъ краснорѣчивѣ всякаго Орапора. Сіи минуты долго оспаются неизгладимыми въ памяти нашей. Я опишу тебѣ впечатлѣніе, произведенное во мнѣ при видѣ моей родины. — Съ неперпнїемъ спѣшилъ я, по знакомому пути, къ вышамъ Зегевольда. Сіи горы, покрышыя зелеными кустарниками; сіи темно-красныя обломки спѣнь, грозно возвышающїеся напрошивуположной горѣ; сія рѣка, сія каменистая пещера — все еще тѣ же самыя. Только мнѣ одному говоритъ какой-то унылый голосъ: »Ты уже не то, что былъ прежде!« — Откудажь происходитъ сіе горестное, убійственное чувство? Что такъ непреодолимо влечетъ сердце наше къ минувшему? — Такъ, я вижу васъ, злаяыя игры моего дѣтства, шихія забавы семейственнаго круга; цвѣтущая весна, съ своими пѣвцами и цвѣтами; желанія юности, столь легко удовлетворяемыя; мечты и надежды, кои предспавляли намъ за ближними горами новый свѣтъ, прекрасный, подобно упренней зарѣ, позлащавшей верхи знакомыхъ холмовъ! Вошь что украшало первые дни наши! Жизнь наша походила тогда на бѣлую книгу, кошпорой будущее содержаніе предначерпывалъ добрый Геній нашъ. Но послѣ, судьба и опытность заспунили его мѣсто и съ важнымъ видомъ продолжали наполнять спраницы, кои началъ онъ съ живою улыбкою радости. Мудрено ли, что прелестная картина

жизни навсегда исчезла; чпо сіе счастье, которое лелѣяло младенчество наше и увлекало юношей къ прелестямъ Поэзіи, оставило намъ въ мужескомъ возрастѣ — одну только надежду, найти его въ другомъ, лучшемъ мірѣ?

Въ такомъ расположеніи духа бродилъ я по симъ долинамъ, за нѣсколько уже лѣтъ мною оставленнымъ. Нѣкоторое очаровательное уныніе покрывало для меня всѣ окрестности, коихъ величественныя и живописныя виды восхищали мой взоръ и возбуждали сладоспнѣйшія воспоминанія въ сердцѣ.

Вообрази себѣ обширную, цвѣтущую долину, по которой рѣка Аа извивается во всѣхъ направленіяхъ. Съ Воспока на Западъ простирается живописная цѣпь горъ. Древніе дубы, липы, березы и сосны, въ разнообразіи смѣшеніи, гордо возвышаютъ чело свое надъ утесистыми ихъ вершинами. Далѣе показывающія развалины прехъ горныхъ замковъ: Трейдена, Зегевольда и Кремона. Величественный видъ сихъ посѣдѣлыхъ свидѣтелей Древности — представляетъ прекрасную прошивуположность съ смѣющимися долинами: здѣсь минувшее и настоящее привѣтствуютъ другъ друга, одно уныло печалась о прежнемъ своемъ величїи, а другое съ веселою улыбкою, подобно мирной странѣ, его окружающей. Съ лѣвой стороны отъ Трейдена видны красноватые каменные стѣны Гушмановой пещеры, сповсюду почти заросшей деревьями и какъ-бы выглядывающей изъ темной зелени. Изъ нея-то выходитъ источникъ, которой, образуя небольшой водоемъ, съ шумомъ впадаетъ въ рѣку Аа. Ключъ сей

подлинно заслуживалъ, бытъ посвященнымъ Богу радости, какъ ню и было, если вѣришь преда-
нiю, въ языческія времена Ливонiи. Намъ извѣ-
стно, что даже и просвѣщенные Греки бого-
пворили свои испочники, воздвигали имъ храмы
и олшари и приносили въ жертву цвѣшы и
вино. Кто будешь осуждать грубыхъ Лапышей,
кошорые, изъ суевѣрiя, бросающъ и понынѣ
еще мѣлкiя монешы въ свои кдючи и испоч-
ники?

Опъ Зегевольда переправляюсъ я съ шобою
чрезъ рѣку, по кошорой безпрестанно ходитъ
паромъ. Мы взойдемъ теперъ на Трейденскую
гору, выдавшуюся болѣе другихъ въ долину.
Дубовыя, липовыя и вязовыя рощицы, встрѣ-
чающiяся на дорогѣ, недалеко опъ господскаго
дома, чрезвычайно живописны. Опъ развалинъ,
кромѣ нѣкошорыхъ полуразрушенныхъ спѣнъ,
уцѣлѣла еще круглая башня, построенная изъ
красновашаго кирпича. Дворъ замка очень малъ.
Къ разрушеннымъ спѣнамъ прислонено новое
спроенiе, изъ коего открываешся прекрасный
видъ въ долину. Нельзя найши лучшаго сель-
скаго мѣстоположенiя! Никакая киспъ не из-
образишь эшой рѣки, эшихъ холмовъ, эшихъ раз-
сѣенныхъ хижинъ! Какъ бы я хотѣлъ, чтобы
сие шихое, сладосшное упоенiе, кошорое напол-
няло мою душу на высотахъ Зегевольда, могло
сообщитъся моему описанiю!

Для чего, думалъ я, съ шакою жадносшiю же-
лаемъ мы видѣшь чужiя земли, когда въ своемъ
ошечеспвѣ находимъ безчисленное множеспво
прелеспныхъ видовъ, кошорые смѣло могутъ
доспоритъ съ прославляемыми видами спранъ

опдаленныхъ? Зачѣмъ, по крайней мѣрѣ, Искусство не познакомитъ съ ними любителей всего ошечественнаго, кои конечно не были бы равнодушны къ подобнымъ предпріятіямъ? Можешь бышь опасаясь, что виды сіи не будутъ довольно занимательны, потому что высокою горь не могутъ равняться съ величественными хребтами Швейцаріи и Германіи. Пожалѣемъ о семъ малодушіи, которое судитъ о прекрасномъ по мѣрѣ фушовъ и сажень; которому неизвѣстно, что спещени изящнаго безконечны и что Идиллія шакже можешь бышь превосходною, хопя нельзя не посшавить ее гораздо ниже Иліады!

Можешь бышь мнѣ скажутъ, что Природа наша не довольно оживлена, не довольно богата, въ сравненіи съ обработанными землями Южныхъ спранъ. Наирасно будутъ искашь у насъ прелестныхъ виноградныхъ садовъ и обширныхъ алей, кои украшаютъ живописные берега Рейна и Эльбы. Здѣсь увидишь путешественникъ одни только густые кустарники, обширныя поля и разсѣянныя хижины. Но и въ сихъ немногихъ жилищахъ воображенію его не шрудно предсшавишь счастливыхъ обитателей. Другъ изящной Природы не безъ удовольствія осмотришь сіи спраны, которыя находятъ споль мало обработанными. Самый видъ дикоспи имѣеть для него нѣчто привлекательное: онъ будетъ мечшанъ о прелестяхъ уединенія, о первобытномъ состояніи младенческаго міра. Въ самыхъ пустынныхъ окрестностяхъ найдешь онъ жизнь и согласіе; нѣмой ихъ голосъ для него понятень, и каждое

явленіе Природы имѣешь для него свое красно-рѣчіе.

Замокъ Трейденъ, вскорѣ по нашествіи Нѣмцевъ, былъ свидѣтелемъ достопамятныхъ произшествій. Здѣсь имѣлъ тогда пребываніе свое Ливонскій Спарѣишина *Дабрель*, къ которому Епископъ *Мейнгардъ* отправилъ, въ 1187-мъ году, монаха *Дитриха*, для окрещенія Ливовъ, въ сей спранѣ обищавшихъ. Многіе изъ нихъ приняли уже благошворное сіе ученіе; но къ несчастію, наступилъ голодъ. Суевѣріе, а можешь бышь и корысполюбіе жрецовъ, приписали сіе бѣдствіе древнимъ божествамъ, копорыя, по мнѣнію народа, хошѣли наказать опступниковъ. Надлежало умилоспивишь ихъ кровавыми жертвами, и *Дитрихъ*, какъ первоначальный виновникъ, долженспивоваль пасшь первый. Но и здѣсь видно, что сей народъ не убиваль изъ одной жестокоспи: онъ предоспавилъ рѣшеніе мнимымъ богамъ своимъ. Монахъ посаженъ былъ на бѣлаго коня, предъ коимъ держали копье, и рѣшеніе его учаспи зависѣло ошъ ного, копорую ногу поднимешь прежде сей конь. Правая нога означала жизнь, а лѣвая смерть. Лошадь подняла напередъ ногу жизни и безсмысленный Оракуль изрекъ на сей разъ спранный приговоръ: «Обоприше спину у лошади. Христіянскій Богъ невидимо ею управляетъ.» Обрядъ начался снова, но и на сей разъ окончился въ пользу благочеспиваго монаха. — Онъ отправился попомъ къ Эспамъ, гдѣ имѣлъ не болѣе успѣха. Въ самый Ивановъ день случилось шамъ солнечное зашмѣніе. Суевѣрные жипели ушверждали, что новопроповѣдуемый Богъ му-

чипъ солнце и хочеть испребить его. (*) Но удачное излѣченіе одного большаго Эспа спасло *Дитриха* ошъ неминуемой смерти.

Помянутый *Дабрель* былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ проповниковъ всѣхъ иноспранныхъ пришельцовъ. Прозорливоспъ его конечно предвидѣла будущую судьбу народа и онъ поспавлялъ сильныя преграды Нѣмцамъ. Но кшо можеть оспановить неизмѣняемый ходъ челоувѣческаго? Кшо проникнеть въ неисповѣдимые пути Провидѣнія, вращающаго жребій народовъ въ таинспвенной урнѣ, низвергающаго въ ничтожеспиво цѣлыя поколѣнія, усмиряющаго надменныхъ владыкъ земныхъ и однимъ движеніемъ поспановляющаго новый порядокъ вещей? *Дабрелевы* усилія оспались бесполезны. При нападѣнии Рускихъ въ Гальмъ (нынѣшнемъ Кирхгальмѣ), заключилъ онъ сначала союзъ съ *Владиміроуи*, Княземъ Полоцкимъ. Но *Каупо* и *Вестгардъ* (**) обрапили на него свои силы.

(*) Достошно замѣчанія, какъ тѣсно древнее народное баснословіе соединено быгаемъ съ языкомъ. Лашпши и шеперь еще называютъ зашмвнѣе — мученіемъ солнца — (saules maitaschana).

(**) Каупо или Куббе былъ главнымъ Начальникомъ Ливовъ, по рѣкѣ Аа жившихъ. Онъ первый приналъ Христіанспво и преданъ былъ Нѣмцамъ. Въ 1202-мъ году, вмѣспъ съ Аббашомъ Дитрихомъ и другими богомольцами, пупешествовалъ онъ въ Римъ къ Папѣ Иннокеншію, которій богато одарилъ его и, по свидѣтельспву современныхъ Писателей, возвелъ въ Дврянское достоинспво. Онъ оказалъ свое мужеспи во многихъ битвахъ и палъ въ 1219-мъ году, въ сраженіи противъ Эсповъ, въ нынѣшнемъ мѣспечкѣ Оберпаленѣ. Ошъ него происходятъ многія древнѣйшія Лифляндскія фамиліи, и въ шомъ числѣ Графы и Бароны фонъ-Ливенъ.

Первый осадил замокъ Куббезеле (*), въ которомъ находились его родственники, союзные *Дабрелю*. Второй окружилъ его въ *Торейдѣ* и принудилъ къ миру съ Епископомъ *Альбертомъ*. Но миръ сей не былъ продолжителенъ; ибо при новомъ походѣ Рускихъ, какъ союзникъ ихъ, принужденъ онъ былъ уступить свои владѣнія побѣдителямъ — Нѣмцамъ, коихъ Военачальникъ построилъ, въ 1208-мъ году, сей нынѣ разрушенный замокъ и присоединилъ всю землю къ своимъ владѣніямъ.

Жителли увидѣли себя обманутыми отъ пришлецовъ, обѣщавшихъ имъ покровительство и благоденствіе. Послѣ многихъ неудачъ, осмѣлились они наконецъ здѣлать послѣднія усилія для своего освобожденія. Многія Эстляндскія округи заключили тайный союзъ съ Ливами и жителями острова Эзеля. Послѣдніе, извѣстные въ древности морскими разбоями, должны были запереть устье Двины своими судами, и новопостроенному тогда городу Ригѣ пресѣчь сообщеніе съ Нѣмцами. Другой отрядъ судовъ ихъ оплылъ между нѣмъ вверхъ по рѣкѣ Аа. Нѣсколько тысячъ союзниковъ собрались при берегахъ сей рѣки для осажденія замка Куббезеле. Но едва пронесся слухъ о семъ предпріятіи, какъ изъ Риги и Зегевольда по-

Веспгардъ, главный Начальникъ Семигалліи, имѣлъ пребываніе свое въ Мезошенѣ. Онъ также преданъ былъ Нѣмцамъ; однакожь часто отпадалъ отъ нихъ. Наконецъ Меченосцы, спуская нѣсколько лѣтъ по смерти Каупо, завоевали собственныи его замокъ. Веспгардъ убитъ при взятіи онаго.

(*) Нынѣшній Кипсаль. Въ Кремонскомъ приходѣ и теперь еще показываютъ мѣсто сего замка.

спѣшно высланы были войска, кои также расположились на берегахъ Аа. Моспъ, поспрденный на сей рѣкѣ Бернгардомъ фонъ-деръ-Липпе, пресѣкъ обратный путь судамъ Эзельскимъ. Здѣсь-то началось упорное сраженіе. Напрасно любовь къ независимости испошала послѣднія свои усилія. Нѣмцы, опытные въ битвахъ и покрытые крѣпкою броней, презирали отчаянное мужество грубыхъ варваровъ. Рѣка покрыта была трупами защитниковъ отчизны и — побѣда увѣнчала чужеземцевъ. Побѣжденнымъ оспавалось искать спасенія въ бѣгствѣ и они укрылись въ ближніе лѣса. Тамъ ожидали ихъ еще гореснѣйшій конецъ: всѣ они должны были умереть съ голоду. Множество плѣнныхъ, 2000 лошадей и 300 судовъ dospались въ руки побѣдителей.

Сіи Историческія воспоминанія занимали меня до захожденія солнца. Между тѣмъ надъ Зегевольдскими развалинами собирающіяся тучи; небо на Воспокѣ помрачилось; молніи разсѣкающія уже воздухъ и опдаленные грома безпреспанно спановаятся слышнѣе. Картина ночной грозы прелестна въ сей долинь!

(Окончаніе въ слѣдующемъ №.)

Странная антипатія.

Симпатія и антипатія, а особливо послѣдняя, принадлежатъ къ числу самыхъ странныхъ, самыхъ неизъяснимыхъ явленій въ Природѣ. Кпо не знаетъ, что Генрихъ III, побѣдитель при Жарна-

кѣ, не могъ оспаваться въ комнатѣ, гдѣ была кошка; что храбрый Герцогъ *Эпернонъ* шрепепалъ при видѣ кролика; что славный Канцлеръ *Баконъ* падалъ въ обморокъ при лунномъ зашмѣніи; что ученый *Іосифъ Скалигеръ* приходилъ въ ужась, когда подавали кресь-салашъ; что Королева *Марія Медицисъ*, во цвѣтѣ лѣшъ своихъ и вопреки склонностямъ своего пола, не могла першѣшь запаха розъ и проч. и проч.? — Вошъ еще новый примѣръ, рассказанный очевидцомъ и взяшый нами изъ одного иносшраннаго Журнала:

»Въ одномъ обществѣ (говорилъ Авшоръ) встрѣшилъ я молодую Даму, коей пріятная наружность и скромные поступки предупреждали въ ея пользу. Я вступилъ съ нею въ разговоръ и нашель, что умъ ея и любезность не шолько соопвѣшпвовали моему ожиданію, но даже превышали онос. — Предъ нами лежали на столѣ сочиненія *Флоріана*; молодая моя собесѣдница взяла одинъ томъ, развернула оный и вдругъ — какая перемѣна! Смершная блѣдность покрыла ея лицо; грудь сильно воздымалась; въ глазахъ изображалось смущеніе; волосы поднялись дыбомъ. Легко можно себѣ предсшавишь, что все общество поражено было изумленіемъ и ужасомъ. Знаете ли, что было причиною столь неожиданной и спрашной перемѣны? Каршинка, найденная ею въ сей книгѣ! Сія Дама, копорая съ удовольствіемъ разсмаприваетъ каршины, Карпы и эшампы, повѣшенные на шпѣнахъ, приходилъ въ невольный ужась, когда видишь ихъ въ кригахъ!»

»Общія наши попеченія привели ее наконецъ въ чувство. Тогда она рассказала намъ, что въ дѣтствѣ своемъ весьма любила книги, а особливо шѣ, кои украшены были эстампами. Опець ея имѣлъ большую и избранную Библиотеку, въ которую могла она входить въ извѣстное только время. Спросивъ ея къ эстампамъ простиралась до такой степени, что, для удобнѣйшаго разсматриванія, рѣшилась она выдрать или вырѣзать шѣ изъ оныхъ, которые ей наиболѣе нравились. Опець ея вскорѣ замѣпилъ сію дѣтскую шалость, и заславъ ее однажды въ ту минушу, когда она вырѣзывала поршрешъ *Людовика XIV*, закричалъ грознымъ голосомъ. »Не пронъ моихъ книгъ! Если шы когда-нибудь коснешся каршинокъ, по клянусь тебѣ, что изъ нихъ вылетяшъ бѣсы и съѣдятъ тебя живую!« Угроза сія произвела сильное и ужасное дѣйствіе, бѣдная дѣвочка запрепешала и впечатлѣніе сіе оспалось ей навсю жизнь. Ни зрѣлый возрастъ, ни разсудокъ, ни врачевныя пособія, не могли изцѣлить ее ошъ сей странной аншипашіи!«

Какой урокъ для родителей и воспиташелей юношества!

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Доридъ.

За чѣмъ нескромностью двусмысленныхъ рѣчей,
Руки всечаснымъ пожиманьемъ,
Пришворнымъ пламенемъ коварныхъ сихъ очей,
Для всѣхъ увлажненныхъ желаньемъ,
Знакомишь юношей съ волненіемъ любви,
Ихъ обольщаешь надеждой счастья
И разжигаешь шушу въ смященной ихъ крови
Безплодный пламень сладоспирасья?
Онъ незнакомъ тебѣ, мятежный пламень сей;
Тебѣ невѣдомое чувство
Вливаешь въ душу ихъ, невольницу спрашей,
Твое коварное искусство.
Я видѣлъ вокругъ тебя поклонниковъ своихъ,
Полуиссохшихъ въ спраши жадной;
Достигнувъ ихъ любви, любознымъ кляпвамъ ихъ
Внимаешь ты съ улыбкой хладной!
Не вѣрь судьбѣ слѣпой, не вѣрь самой себѣ:
Теперь душа швоя въ покоѣ;
Придешься нѣкогда извѣдать и тебѣ
Любви безумье роковое!
Но избранный побой, спрашаешь знакомыхъ бѣдъ,
Твоей нѣжный взоръ безъ чувства вспрѣпшишь
И недоевѣрчивый, на пылкой швой привѣшь
Улыбкой горькою спѣвпшишь.
Когда же въ зиму дней всѣ розы красомы
Похопшишь жребій ненавистной,
Скажи, увядшая, кого посмѣешь ты
Молишь о дружбѣ безкорыстной?
Обидной жалости предметомъ жалкимъ спашь,
Въ унынье все тебя одѣнешь;
Почезнешь легкой рой веселій и забавъ,
Телпа ласкашелей измѣнишь;

Измѣнишь и покой, услада позднихъ лѣтъ!
Какъ дщери ада — Евмениды,
Повсюду жадныя шебѣ помчались въ слѣдъ,
Самолюбивыя обиды.
Немирнаго душой, на мирномъ ложѣ сна,
Такъ убѣгаешь усыпленье,
И гдѣ для смертныхъ всѣхъ доступна пишина,
Спрадальца ждешь одно волненье!

Баратынскій.

Р а м а н с ъ.

Сходилъ шуманъ вечернею порой
На шопкія Финляндскія равнины;
Умолкнулъ шумъ гиреюги боевой —
И Рускій спянь дремалъ среди долины.
Бѣжишь покой Героевъ молодыхъ,
Пѣцовъ любви, безспрашныхъ въ полѣ чести;
Пустынный край внимаешь пѣснямъ ихъ
И языку за падшихъ брашій мести.

Они поютъ: „Пускай холодный сонъ
Въ шапрахъ даритъ сподвижниковъ покоемъ:
Мы славы ждемъ — къ намъ недоспуненъ онъ;
Мы ушра ждемъ — мы дышемъ новымъ боемъ!“

„Любовь намъ щипъ: подвластна бишва ей!
Съ зарею мы воскликнемъ пѣснь побѣды;
Мы смерпъ описшимъ погибнувшихъ друзей —
И съ гордостью начнемъ о нихъ бесѣды.“

„Услышишь ихъ и дѣва красоты
Подъ шеремомъ своимъ уедининнымъ.
Побѣды сынъ! Ей дорогъ будешь ты
Любовію и мужествомъ священнымъ!“

„И на швое чело ея рука,
Средь радостныхъ и пламенныхъ обляпій,
Съ веселіемъ положишь два вѣйка,
Герой любви и мстишель падшихъ брашій!“

Они поюшь — и биввы часъ насталь;
Свѣдѣешь брегъ Бальшійскаго залива.
Они въ ряды — и врагъ ихъ грозный палъ,
Какъ подь серпомъ жнецовъ спадаешь нива!

Плетневъ.

Къ друзья мѣ.

Напрасно вамъ, мои друзья,
Веселымъ я всегда кажусь,
Не опъ веселья весель я
И чаще васъ еще крушусь.
Кагда жь пою или шучу
Съ моей припворною улыбкой,
Я радость замаяшь хочю;
Авось-либо она ошибкой,
Себѣ знакомый слыша гласъ,
И залешипъ ко мнѣ на часъ!

П. Теряевъ.

Н О В О С Т И Л И Т Т Е Р А Т У Р Ы.

№. IX.

П Р О З А.

*Пороки и добродѣтели, согласно съ ученіемъ
Религіи.*

(Изъ Шатобріана.)

Большая часть древнихъ Philosophовъ различали, опредѣляли пороки и добродѣтели; но мудрость Религіи беретъ и здѣсь преимущество надъ мудростию человѣческою.

Разсмотримъ сперва гордосць, которую называетъ Церковь первымъ порокомъ. — Она есть грѣхъ сатаны; она первородный грѣхъ міра.

Гордосць, какъ начало зла, смѣшивается съ различными душевными недугами: она блески въ улыбкѣ зависти, обнаруживается въ разпускахъ сладострасія; она считаетъ золото скупаго, сіяетъ въ воспламененныхъ очахъ гнѣва и слѣдуетъ за прелестями нѣги.

Гордосць была причиною паденія *Адамова*; гордосць вооружила *Каина* брашноубійственной палицею; она воздвигла сполць и разрушила Вавилонь. Черезъ гордосць погибли Аѳины и Греція; гордосць сокрушила престолъ *Кира*,

раздѣлила владѣнія *Александровы* и наконецъ подавила Римъ шажесію вселенныя.

Въ частныхъ обшпоятельспвахъ жизни, слѣдспвія гордостп еще пагубнѣе. Она посягаешъ даже на самого Бога.

Изъискывая причины безбожія, видно, что большая часть шѣхъ, кои возстають прошивъ Неба, имѣють причины въ чемъ-либо жаловаться, или на общеспво, или на Природу. (Мы исключаемъ молодыхъ людей, увлеченныхъ свѣтомъ, и Писателей, кои ищущъ только надѣлать шуму.) Но какимъ образомъ люди, лишенные щцелныхъ преимущеспвъ, кои своею нравно деспъ и похищаешъ случай, не умѣють уврачевать сіе мнимое несчастіе свое, приближаясь къ Божеспву? Оно-то есть истинный источникъ благодеспвія. Богъ есть до такой степени красопа совершенная, что одно имя Его, произнесенное съ любовію, придаешъ уже нѣчто божеспвенное человѣку, наименѣе обласканному Природою. Истина, доказанная примѣромъ *Сократа!* Оспавимъ безбожіе шѣмъ, кои не имѣя довольно благородспва, дабы возвыситься надъ несправедливостію судьбы, обнаруживаютъ только въ своихъ богохуленіяхъ первый порокъ человѣка, оскорбленнаго съ чувспвительнѣйшей его сппороны.

Церковь, давъ гордостп первое мѣспо на лѣспвицѣ уничженія человѣческаго, искусно раздѣлила на оной и прочіе шеспъ главныхъ пороковъ. Не должно полагать, что порядокъ сей есть произвольный; довольно будешъ внимательно разспомрѣть оный, дабы замѣшпшь, что Церковь переходшъ основательно ошъ

пресупленій, коимъ подвержено всякое общество человеческое, къ пресупленіямъ, въ кои впадаетъ уже порочный. Такъ, на примѣръ, зависть, любострасіе, алчность къ богатству и гнѣвъ, слѣдуютъ непосредственно за гордостію; ибо дѣйствуютъ на предметы посторонніе и живутъ только среди людей погда, какъ пресыщеніе и лѣность, идущіе послѣ всѣхъ, суть наклонности частныя и постыдныя, принужденныя искать своего упоенія въ себѣ самихъ.

Въ преимущественныхъ добродѣтеляхъ Христіанства и въ степеняхъ, назначенныхъ для каждой изъ оныхъ, видно по же познаніе Природы. До пришествія Иисуса Христа, душа человеческая была хаосъ; глаголь Божественный былъ услышанъ — и все прояснилось въ мірѣ духовномъ, подобно какъ нѣкогда міръ физическій успроился шѣмъ же *Словомъ*. Сіе было нравственное сошвореніе вселенныя. Добродѣтели, какъ чистые пламенники, явились на Небѣ: однѣ, подобно блистающимъ солнцамъ, привлекали къ себѣ взоры; другія, какъ скромныя звѣзды, искали уединенной шѣни, гдѣ однако жъ не могли сокрыться. Съ сего-то времени учредилось удивительное прошивувъсіе между силами и слабостями. Религія обратила спрѣлы свои прошивъ гордостии, — порока, пишущагося добродѣтелями. Она нашла ее въ сокровеннѣйшихъ изгибахъ сердца и преслѣдовала во всѣхъ ея превращеніяхъ. Таинства Религіи ополчались прошивъ нея, подобно нѣкому священному воинству, и Смиреніе, облеченное въ рубище, съ босыми ногами, съ чреслами, препоясанными вервиемъ, съ главою, посыпанною

тепломъ, съ заплаканными и пошупленными въ землю взорами, — соотлалось первѣйшею добродѣшелію правовѣрнаго.

Б.

Замокъ Трейденъ.

(Опрывокъ изъ живописнаго путешествія по Лифляндіи. — Окончаніе.)

Продолжительный дождь заставилъ насъ провести раннее утро въ комнашѣ и мы не прежде 9 часовъ могли продолжашь свои спранспвованія. Туманъ покрывалъ берега рѣки Аа; воздухъ былъ еще сыръ и тяжель. Пшицы порхали вокругъ насъ въ нѣкоторомъ безпокойствѣ, издавая по временамъ глухіе крики; казалось, что Природа гошговилась повшорить вчерашнее, величественное явленіе. Вершины ближнихъ горъ, подобно пловучимъ островамъ, опкрывались намъ въ шонкомъ шуманѣ долины, между шѣмъ какъ опдаленные предметы перялись въ синеватыхъ парахъ. Небо все еще покрышо было тучами; но вдругъ облака раздѣлились и солнце радостно проглянуло сквозь сію ээирную завѣсу. Нѣкоторыя деревья были уже освѣщены его лучами; другія скрывались еще въ полусвѣшломъ сумракѣ. Еще минуша — и все проспанспво озарилось полнымъ блескомъ! Наспустила другая, — и исполинская шѣнь снова накинула шемный свой покровъ на всю спрану. Явленіе сіе было споль же крашковременно и просіавшее солнце опять озирало долину. Какой превосходный урокъ для Живописца сельскихъ видовъ! Мы долго на даждались сею при-

ашною игрою Природы. Прелестная сія спра-
на казалась намъ образомъ чувствительной ду-
ши, на челѣ коей минувшая печаль оставила
легкіе слѣды меланхоліи.

Долины сіи не менѣе привлекательны и для
ученаго Испышателя Природы. Онъ замѣтитъ
въ нихъ слѣды великихъ перемѣнъ, можешь бышь
за нѣсколько тысячъ лѣтъ случившихся. Мно-
гія пещеры, разсѣлины и ущелія, равно какъ
и самое направленіе горъ, параллельно просши-
рающихся, ясно показываютъ, что сія долина
была нѣкогда дномъ рѣки, копорая начавъ съ
опдаленнѣйшихъ временъ всегда болѣе уходить
въ глубину, опспустила наконецъ такъ далеко
опъ береговъ своихъ, что подошвы горъ оп-
стоятъ опъ оной на нѣсколько сотъ шаговъ.
Изъ сего-то можно судить о прежней величинѣ
сей рѣки. Сверхъ того существуетъ преданіе,
что она, въ древнія времена, до самаго Воль-
мара была судоходною. Она и теперь еще при-
надлежитъ къ значительнѣйшимъ рѣкамъ въ
Лифляндіи; а въ послѣдствіи можешь здѣлать-
ся еще важнѣе для жителей, если когда-либо
приведенся въ дѣйствіе планъ, соединишь сію
рѣку съ Двиною, посредствомъ Спинскаго
озера.

Мы не могли оставить сихъ мѣстъ, непо-
сѣдивъ еще разъ Гупмановой пещеры.

Спѣны оной состоятъ изъ красновашаго пе-
счанаго камня. Пещера имѣетъ около 6 сажень вы-
шины, 8 сажень ширины и на сполько жъ углуб-
лена въ гору. Внутри вышкаетъ ключъ, имѣю-
щій свойство производить окаменѣлости; въ
ономъ находятъ иногда мохъ, покрытый камени-

сшою корою. Въ пещерѣ сей сдѣлано шеперь нѣскольکو дерновыхъ скамей. Спѣны исписаны всѣ именами посѣпипелей, оспавившихъ оныя въ знакъ памяти. Нѣкопорыя, мхомъ заросшія надписи, находящася здѣсь съ 1564-го года и свидѣшеляспвуютъ о глубокой древности сей пещеры.

Дорога вела на гору мимо Кремона, гдѣ мы и осмапривали малые оспашки сего древняго Рыцарскаго замка, построенаго въ 1255 году Архіепископомъ *Альбертоиъ II* и принадлежавшаго попомъ Рижскому Соборному Капишулу. Съ сей высоты видѣ долины не менѣе привлекашелянъ. Оный вообще и со многихъ почекъ зрѣнія достоинъ искусной кисти Художника. Въ опдаленіи предспавляешся взорамъ рѣка, копорая, извиваясь до безконечности, какъ будшо бы спараешся промедлить шеченіе свое между сими прелесшными холмами.— Въ спорону опъ рѣки Аа просшираешся равнина, усѣянная небольшими пригорками. Въ нѣкопоромъ опдаленіи опъ оной вспрѣшли мы множество насыпей, соединенныхъ между собою какъ-бы нѣкопорыми плопинами. Видѣ оныхъ показывалъ уже, что эшо были древніе курганы. Можешъ бышъ сіе мѣшо ешъ шо самое, гдѣ 1-го Іюня 1298-го года происходило сраженіе между Начальникомъ Меченосцевъ *Бруно* и Рижскимъ Архіепископомъ *Іоанноиъ*. По крайней мѣрѣ намъ извѣшно изъ Лѣтописей, что оно было не подалеку опъ Трейдена; да и мѣшоположеніе, кажешся, подшверждаеш сію догадку.

Извѣшно, что по покореніи Ливоніи Нѣмцами, нашла она другихъ непріашелей въ новыхъ своихъ владѣшеляхъ. Духовеншво и Рыцари

спорили между собою о правѣ преимуществва. Первое гордилось прежнею своею властію и Папскими Буллами; а послѣдніе утверждали свои права на заслугахъ, оказанныхъ ими Церкви, на мужество своемъ, ознаменованномъ въ кровавыхъ битвахъ. Началась война, пристрастившая продолжавшаяся. Спальные панцыри храбрыхъ Рыцарей оказывали долгое и упорное сопротивление войскамъ Епископовъ. Папа хотѣлъ усмирить первыхъ оплученіемъ опять Церкви; но средство сіе не имѣло въ опдаленныхъ странахъ Сѣвера такого сильнаго дѣйствія, какъ въ Южныхъ Государствахъ тогдашней Европы. При всемъ томъ хитрость и Полишика и здѣсь умѣли склонить перевѣсъ на сторону Духовной власти. Орденъ Меченосцевъ давно уже хотѣлъ освободиться отъ зависимости Архіепископовъ и получилъ во владѣніе вольный городъ Ригу. Сіе-то было главною причиною несогласій, кои дошли наконецъ до того, что въ правленіе *Бруно* открылась явная война. Архіепископъ *Іоаннъ*, послѣ кратковременной осады *Трейдена*, взявъ былъ въ плѣнъ, и пробывъ въ ономъ 8-мь мѣсяцовъ, получилъ свободу на весьма тяжкихъ условіяхъ. Но Соборный Капитулъ и городъ Рига отвергнули сей договоръ, и тайно призвавъ на помощь Липовскаго Князя *Витена*, рѣшились опротивить силу силою. Въ продолженіи полутора года произошло 9 кровопролитныхъ сраженій. Въ осьмомъ изъ оныхъ (при *Трейденѣ*), Союзники одержали побѣду. Самъ *Бруно*, бо (по другимъ извѣстіямъ, 20) Рыцарей и 1500 воиновъ оснались на мѣстѣ сраженія.

Печальныя сіи происшествія пѣмъ еще не кончились; искра несогласія все еще плѣлась подъ пепломъ и по временамъ возгаралась. Лифляндскіе Лѣтописцы повѣспвуютъ, что въ 1486-мъ году было при Трейденѣ второе сраженіе, между Гроссмейстеромъ Ордена, *Фрейтаголь фонъ Лоринггофоль* и жителями города Риги. Послѣдніе одержали побѣду, 6 Командоровъ и Чиновниковъ пало на мѣстѣ и такое же число опведено побѣдителями въ Ригу.

Сіи воспоминанія прежнихъ бѣдсвѣй Лифляндіи сосзавляютъ разительную прошивуположеносць съ миромъ и спокойствіемъ, кои нащли мы въ сей странѣ и между ея обитателями. Природа и тогда была споль же прекрасна, споль же разнообразна и благошворна; но дѣванія человѣческія рѣдко соопвѣспвуютъ машеринскимъ ея попеченіямъ.

Человѣкъ шворитъ и разрушаетъ для того шолько, чтобы самому жить и наслаждаться; а Природа дохнѣетъ своею весною, и цѣлые милліоны наслаждаются счасшіемъ. Слѣды мощной его десницы нерѣдко ознаменуются на поляхъ бшвы, въ холмахъ могильныхъ, въ развалинахъ городовъ и сель; между шѣмъ какъ Природа изъ самага разрушенія извлекаетъ жизнь и надъ могилами падшихъ разшиляетъ испещренныя цвѣтами ковры, для удовольствія и наслажденія живущихъ!

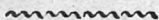
Сѡ Нѣл.

С — ѡб.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Страхъ и Надежда.

(Отрывокъ изъ II-й пѣсни Делиллевой Поэмы:
Воображеніе.)

Какъ Янусъ двойшвенный, двухъ разныхъ лицъ владѣшь,
Вдругъ и минувшихъ дней и будущихъ свидѣшь,
Однимъ лицомъ на вѣкъ прошедшій ужь смодрѣль,
Другимъ грядущій вѣкъ, какъ настоющій зрѣль (1);
Или какъ сей колосъ, на двухъ брегахъ споязшій
И на далекую равнину водъ взиравшій, —
Воображеніе умѣшь предсавляшь,

Что было — съ пѣмъ, что впредь должно сущесшвовашь; —
И равновѣсія сердечныхъ чувствъ хранишь
Намъ приспавъ Спрахъ, другой — Надежда-ушѣшишь.

Съ безмрачнымъ, радоснымъ челомъ Надежда насъ
Оспалась ушѣшашь и въ пошъ ужасный часъ,
Когда оспавили нашъ жалкій мѣръ всѣ боги
И удалился въ небесные чершюги.

Орашашь, пловцамъ ея прѣсперша длань;
Она съ купцами въ шоргъ и съ воинами въ брань;
Она Писашеля бодритъ улыбкой милой
И держитъ плугъ, перо, мечъ свѣшпый и кормило.
Но больше всѣхъ она великихъ другъ мужей:

Тогда какъ Цесарь Римъ дивиль, плѣнялъ своей
Щедрошю, дошоль и въ Римъ безпримѣрной,
Друзья его, спрашашь сей роскоши безмѣрной,
Спросили: что себѣ впередъ онъ оспавляль?

„Надежду!“ — Цесарь имъ спокойно ошвѣчалъ.

Надежда Цесаря не спѣсна границей;
Форпуна управлшшь даешъ ей колесницей,
Надежда плѣнника въ шемницѣ веселишь,
Невольнику она въ окозахъ пѣшь велишь;
Въ сердца, кошорья ошчаяніе гложешъ,
Лучъ ушѣшишельный ея проникнушь можешъ

И замѣняешь имъ существенность мечной.
Тогда, какъ Франція, влекомая Судьбой
Къ погибели, уже довѣріе перяла,
Цѣна бумагъ равна съ ихъ легкимъ иссомъ спала;
Тогда — разсыпавъ насъ и ушыпавъ въ бѣдахъ —
Разскащикъ небылицъ богачій на словахъ,
Всходилъ на кафедру Камбонъ краснорѣчивый
И громко исчислялъ, что мы, народъ счастливый,
Святыя ушвари въ червонцы обрашимъ
Продажею церквей себя обогатимъ;
Что замки изгнанныхъ народное наслѣдство,
Что не плащешь долговъ, что наложишь ешь средство
Налогъ на бѣдствія, налогъ на общій спрахъ.
Народъ рукоплескалъ — и въ сладостныхъ мечнахъ
Являлъ довѣріе и бодрую опвагу,
Хвашалъ, какъ золото, коварную бумагу,
Копорой пысячи и миллионы шамъ
Посыпались дождемъ по спогнамъ и градамъ,
И съ новымъ шшемпелемъ, не съ якоремъ въ десницѣ,
Надежда мчалася въ бумажной колесницѣ. (2)

Надежду смерть сама — и смерть не побѣдишь!
Неумолима съ мольбою къ ней лещишь
Что говорю, чего свершишь она не смѣешь?
Надежда отдалишь послѣдній часъ умѣешь,
И въ угасающемъ оспашокъ силъ собравъ,
Какъ въ сердце, жизнь лещъ въ тѣлесный нашъ сославъ.
Вы испытали шо во дни чудотвореній,
Тогда какъ Месмеровъ неразгаданный Геній
Сосуды, конобы, (въ копорыхъ часно ядъ
Больнымъ своимъ Врачи въ цѣлебницахъ варяпшь!)
Разбилъ — и далъ въ замѣнъ волшебной чаши сладость
Воспорговъ, силъ, душъ невѣдомыхъ — и радость
Блеснула на лицѣ поблекшемъ у больныхъ.
Схвасясь рука съ рукой, толпа спрадалцевъ сихъ
Съ цѣпами на груди, въ черпъ изъ лещъ спюла
И съ вѣрой водоемъ чудесной окружала.
Изобразу ль сердце уквившихся здѣсь рай?
Скажу ль, какъ цѣль одна ихъ созвала въ сей край,

Какъ брашество и любовь межъ ними укрѣпила,
Какъ рукъ ласкающихъ невидимая сила
И элекпричество посредствомъ сихъ связей,
Сердечныхъ и живыхъ, становяпся сильнѣй?
Нѣшь! Сколь волшебники и чары ихъ ни славны,
Съ очарованіемъ споль счастливымъ неравны.
Хоть много заключалъ Пандоринъ ящикъ силъ,
Но чашъ новой бы волшебной упустилъ:
Надежда въ ней спрегла на днѣ бѣды угрюмой,
Лешали вокругъ мечпы и сладостныя думы
И каждый видѣвъ мнилъ свершеніе чудесъ.
Спарикъ поободрясь чухъ къ жизни не воскресъ
И спрашно испугалъ наслѣдниковъ веселыхъ.
А гла а чудилось и въ льпахъ пресшарѣлыхъ,
Что на щекахъ ея разцвѣлъ румяный цвѣшь.
Ошь нѣги юноша одряхшій въ двадцашъ лѣшь,
Которому еще несноснѣй силъ ушраша,
Съ увѣренносцю ждалъ прелесшныхъ дней возврата,
Я самъ повязку снявъ, надѣялся очей
Другихъ — достойнѣйшихъ каршины рѣдкой сей.
Но что во Франціи прошивилося модамъ?
И Месмеръ перенесъ свой даръ къ другимъ народамъ;
И каждый спраждушій, кляня свою судьбу,
Зарылся въ кошпашъ, какъ будшо бы въ гробу,
И безъ Надежды шамъ спрадая ошь недуга,
Узналъ, что пошерялъ въ ней и Врача и друга. (3)
Ближайшій, спрогій взявъ надъ будущимъ надзоръ,
Спрахъ — проицашельный въ глубъ жизни мечешъ взоръ
Зидишель не хошьль намъ каждое мгновенье
Десницу проспирашь, являшь чудотворенье;
Но спрахъ съ спасишельнымъ мученьемъ въ спражи даль
И объ руку ходишь съ Надеждой приказалъ.
Забошливый межъ скаль и безднѣ душеводишель,
Спрахъ и ошь бѣдъ, уму невидимыхъ, спасишель.
По знаку первому вблизи грозящихъ бѣдъ,
Ошь сна вспревоженный Разсудокъ, возспаешъ,
Предупредишь, спасши, поправишь ищешъ средства;
Благоразумный сей инстинкшъ — нашъ вождь изъ дѣшешва.

Замѣлъ, какъ съ робостью, съ вниманіемъ въ очахъ,
Младенецъ первый свой переступаешь шагъ;
Еще неопытный, безъ всякія науки,
Но падая уже, просягиваешь руки.
Уравновѣшены сей жизни на вѣсахъ
Надежда сладкая и мрачный — горькій Спрахъ.
Но я не рассказалъ вамъ всѣхъ ихъ разныхъ дѣйствій!
Та и другой вина и счастья и бѣдствій.
Какъ часпо не въ пору Надежды дерзкій взглядъ
И къ наслажденіямъ вливаешь въ душу холодъ,
Цвѣшь радости и плодъ незрѣлый обрываешь
И насоящее въ грядущемъ пожираешь!
И въ очередь свою шерзая насъ — Боязнь
Мрачишь веселіе, предупреждаешь казнь,
Длишь горести. Она раждаешь духъ пылливый,
Въ мракъ неизвѣстности мяшежные порывы:
То молишь челоуѣкъ и звѣзды и боговъ,
Непроницаемый сорвашъ время покровъ;
Повѣдашь ждущія его — шоску, ушѣхи,
Несчасье, счастье, препоны и успѣхи.
То на раскрашенныхъ постигнушь мнишь листкахъ
Значенье шайныхъ числъ, сокрытый смыслъ въ цвѣшахъ,
И Случая — слѣнца въ слѣпомъ распоряженѣ,
Чишаешь мудрое Небесъ опредѣленье.
Просыпалась ли соль, — прольются рѣки слезъ!
На кровль каркнулъ врань; онъ смерти вѣсть принесъ!
То мнишь на перстнѣ зрѣшь хранишельныя спрокмъ;
То жребій на рукъ чишають лжепророки.
Кто суевѣрій всѣхъ ошець? Безумный Спрахъ!
У Благодарности хранившееся въ рукахъ
Кадило вырвалъ онъ и посреди прокляшій,
Засавилъ брашій лишь на олшаряхъ кровь брашій. (4)

Царское Село.

13-го Іюля, 1822-го года.

Воейковъ.

Приливанія.

(1) Янусъ, одинъ изъ древнихъ Царей Италіи, своимъ добродѣтелями и мудростію сдѣлалъ подданные ему народы сполько счастливыми, что Спихосворцы выдумали баснь, будто бы согнанный съ неба Сашуръ убѣжалъ въ Лаціумъ и принесъ плуда золотый вѣкъ. — Воздавъ Янусу боже-скую честь первый опредѣлилъ Нума Помпилій. — Его предспавляли съ двумя лицами. Это еспь эмблема благоразумія, кошорое, въ описаніи прошекшихъ временъ и дѣяній почерпая уроки для будущихъ, объемлеть, такъ сказать, два вѣка. По имени Януса назвали и первый мѣсяць въ Римскомъ Календарѣ, для означенія, что онъ какъ бы вдругъ смотритъ на оканчивающійся и начинающійся годъ.

(2) Французы въ теченіи одного спольшя два раза испытали печальныя слѣдствія сей безразсудной довѣренности и того мечпашельнаго богатства, кошорое всегда было предспечено истинной бѣдностію; но невѣрность векселей, подъ закладъ сокровищъ изъ Миссисипи, выдуманныхъ Лавомъ, доказываешь, что въ семъ случаѣ воображеніе дѣйствовало болѣе, чѣмъ въ принятіи Камбоновыхъ ассигнацій, не смотря на то, что кредитъ сихъ послѣднихъ поддерживался шолько эшафодами. Сверхъ того Камбонъ не былъ изобрѣшателемъ сей опасной системы, но шолько послѣдователемъ и распроспранителемъ. Предспавленія его о поправленіи финансовъ конечно были мечпашельныя; но его вычисленія одобрены не воображеніемъ и пустою надеждою. Всѣ еще помнятъ и долго будутъ помнить, сколь сильныя въ подспверженіе оныхъ приводилъ онъ доказательства.

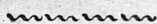
(3) Не шолько Французская революція, но и тѣ, кошорыя произошли оупъ нее на большемъ пространствѣ земнаго шара, не могли привести въ забвеніе Месмеризма. Заслуги Месмера по Врачебной наукѣ оспались загадкою. — Во Франціи болѣе всего занимались ученіемъ его о Магнетизмѣ. Здѣсь изслѣдовали оное со всею спрогоснію. Согласіе почти всѣхъ ученыхъ мужей Европы прошивъ сего ученія, кошорое прибрѣло шолько жаркихъ послѣдователей между

самыми свѣпскими людьми, есть явленіе, доспойное вниманіа. Опчешъ Баллы, образецъ Логической спрососпи и безприспраспіа — и оспрыа насмѣшки новыхъ Врачей были во Франціи рѣшительнымъ приговоромъ на изгнаніе Магнепизма. Но спустя нѣсколько лѣтъ, онъ снова появился, и шѣмъ съ большею для него выгодною, чпо къ нему приспали даже многіе ученые люди. Во Франціи, и особливо въ Германіи, многіе въ подшверженіе своей сиспемы предспавляющъ самыя глубокомысленныя умспвованія и приводятъ множеспво оболспительныхъ опышовъ, копорымъ проспосердечіе и личная важность нѣкопорыхъ почешныхъ особъ придающъ новую силу. Нынѣ дѣла сіа находяпся въ такомъ положеніи, чпо новое изслѣдованіе, кажешся, необходимо. Ученые не должны молчашъ о споль важномъ предметѣ, въ основашельномъ познаніи копораго Публика имѣешъ въ наше время болѣе, нежели когда-либо, нужды.

Какъ бы по ни было, Поэпъ, воспѣвающій дѣйспвіа воображенія, имѣлъ право описывашъ чудеса славной ванны; таинственное ея вліаніе; производимыя ею, симпатическія сношенія и всѣ леспные обманы, служившіе нѣкогда, по сказкамъ, испочникомъ самыхъ пріапныхъ явленій.

(4) Во всѣхъ почши язъческихъ Религіяхъ, не сполько древнихъ народовъ, но и обіащателей новаго свѣша, Франпизмъ и суевѣріе приносили въ жерпву людей. Предоспавлены будучи природному своему уму и руководася слабымъ симъ свѣспильникомъ, люди изъ сущеспвованія въ Природѣ добра и зла заключали о быпшіи двухъ прошивныхъ началъ, имѣющихъ равное могущеспво, и шакимъ образомъ, по выраженію Делілля, Спрахъ похищаль кадило у Благодарности. Уничтожившъ навсегда сіа кровавія жерпвы предоспавлено было одной Хриспіанской Вѣрѣ, указавшей духа злобы, скованнаго десницейю правосуднаго и милосердаго Бога. Сія свѣше опкровенная испина соспавляешъ основаніе самой чиспвой Правспвенности и самаго мудраго закона, какой сполько былъ когда-либо данъ смерпнымъ.

Къ уединенной красавицѣ.

Какъ роза съзжая одна благоухаетъ
Въ угрюмой пишинѣ полуночныхъ степей;
Какъ пѣсню сладостной въ часъ утра оглашаетъ
Дубравы мершвыя пусынный соловей;
Какъ драгоцѣнный перль, волнами поглощенной,
Скрывается опъ глазъ на жадномъ днѣ морей:
Такъ сиропѣетъ здѣсь, въ спранѣ уединенной,
Богиня красоты, безъ жерствъ и олшарей.

К. Вяземскій.

Логогрифъ.

При людяхъ я куирь всѣхъ смертныхъ и всѣхъ спранъ,
Безъ нихъ я, можешъ бышь, нешѣсанный болванъ;
При людяхъ женщина, а безъ людей мущина,
При людяхъ — божештво, безъ нихъ, подь часъ, — скощина.
При людяхъ я обманъ, я сонъ, я звукъ пусшой,
Но вѣренъ опъ Судьбы безсмершя зацшишь;
Не будь людей — и не зыщипешъ

Я человекъ просшой!

Безъ слова гибелью по нивамъ разливаюсь

И пожираю въ мигъ несчастныхъ сель запасъ ;

При словѣ я равно спремглавъ распростираюсь —

И часто пагубный сто разъ.

К. В. Миллеръ

Н О В О С Т И

Л И Т Т Е Р А Т У Р Ы.

№. X.

П Р О З А.

О В ѣ р ѣ.

(Изъ Шашобріана).

Добродѣтели, преимущественно проповѣдуемая мудрецами Греціи, были — мужество, мудрость и воздержаніе. Одинъ Іисусъ Христосъ поучалъ міръ, что Вѣра, Надежда и Любовь, суть добродѣтели, наиболѣе приличествующія невѣжественному и бѣдственному состоянію человѣка.

Внутреннее убѣжденіе души нашей можетъ содѣлаться источникомъ всѣхъ добродѣтелей, побудительною причиною великихъ подвиговъ. Оно есть необходимое условіе благороднѣйшихъ наслажденій ума и сердца. Всякое умствование тогда только основательно, Поэма тогда только изящна, картина тогда только прекрасна, когда умъ или глазъ нашъ убѣждены въ нѣкоторой истинѣ, въ нихъ заключающейся. Малый отрядъ воиновъ, увѣренный въ искусствѣ своего Полководца, можетъ совершить чудеса. Тридцать

пять тысяч Грековъ слѣдуютъ за *Александромъ* для завоеванія вселенной; *Лекедемонъ* чрезъ довѣренность къ *Ликургу* дѣлается мудрейшею областію; *Вавилонъ* почитаетъ себя созданнымъ для величія и почестей — и почести раболѣпствуютъ его вѣрованію; *Оракуль* обѣщаетъ Римлянамъ новое владѣніе — и Римляне пріобрѣтаютъ оное; *Колумбъ*, одинъ въ цѣломъ мірѣ, упрямо вѣруетъ существованію новой вселенной — и, на голосъ его, новая вселенная изходитъ изъ безднъ Океана. Любовь къ опечесству, дружба, пріязнь, всѣ благородныя чувствованія происпекаютъ опъ сего внутренняго убѣжденія. Его-то силою *Кодры*, *Пиллады*, *Реаулы* совершали безсмертныя свои подвиги. И шакъ вошь причина, почему люди, неспособныя къ сему убѣжденію, почитающіе мечшою — привязанности душевныя и буйствомъ — прекраснѣйшіе подвиги, взирающіе съ соболѣзнованіемъ на воображеніе и нѣжность чувствованій: — вошь причина, почему никогда не произведутъ они ничего великаго, ничего благороднаго. Они вѣруютъ только въ существованіе маперіи и смерти и — уже нечувствительны, какъ первая, и холодны, какъ послѣдняя.

На языкѣ древняго Рыцарства *дать вѣрное свое слово* (*bailler la foi*) было синонимомъ всѣхъ чудесъ, производимыхъ честию. *Роландъ*, *Дюгескленъ*, *Баярдъ* — были Рыцари вѣрнаго слова (*les fœux Chevaliers*) и — долины *Ронцевальскія*, *Орейскія*, *Бресскія*, *попомки Мавровъ*, *Англичанъ* и *Ломбардовъ*, помнятъ еще и понынѣ, каковы были люди, поклявшіеся вѣрностію и гестію — своему Богу, своей любезной и своему Государю.

Но и превосходнѣйшія добродѣтели, когда онѣ опчуждены ошъ Бога и разсмашривающся пошько въ нравсшвенномъ ошношеніи, болѣе или менѣе сближающся съ величайшими пороками. Ежели бы Философы здѣлали сіе замѣчаніе, шо они не зашруднялись бы сполько въ опредѣленіи границъ добру и злу. Въ Христіянствѣ не нужно, подобно *Аристотелю*, вымышляшь лѣспвицу, для замысловашаго помѣщенія каждой добродѣтели между двумя пороками. Оно рѣшило уже сіе зашрудненіе образомъ несомнишельнымъ, — доказавъ намъ, что добродѣтель преспаешъ бышь добродѣтелію, если не возшекаешъ къ своему испочнику — къ Богу.

И шакъ внушреннее убѣжденіе, о коемъ упоминали мы выше, пріобрѣшаешъ еще большую, чудеснѣйшую силу, пріемлешъ испиинное, благое свое направленіе, когда дѣйспвуешъ чрезъ посредничество Религіи. Въ семъ случаѣ могущесшво его спановишся, можно сказашь, безпредѣльнымъ. Тогда пошько убѣжденіе сіе, подъ именемъ Вѣры, возноспся на спепень первой Христіянской добродѣтели и дѣлаешся испочникомъ всѣхъ прочихъ.

Нужно ли намъ приводишь въ примѣръ мучениковъ: сихъ Героевъ, кои, по словамъ *Св. Амвросія*, »безъ воинсшва, безъ Легіоновъ, побѣждали шيرانсшво, усмиряли львовъ, укрощали свирѣпосшь пламени и пришупляли убійсшвенные мечи?» (*) — Вѣра рождаешъ всѣ добродѣтели общесшвенныя; ибо справедливо и единодушно признано всѣми Мудрецами, что

(*) *Ambros. de off. cap. 35.*

паній и умспвованій. Швейцаровъ нельзя вообще назвать народомъ Пипическимъ, хотя прелестная Природа и живописные виды, ихъ окружающіе, долженствовали бы гораздо болѣе воспламеняшь ихъ воображеніе. (*) Не должно однакожь полагать, чтобы сей народъ, свободный и благочестивый, не былъ способенъ къ нѣкоторому роду Энпузіазма, и чтобы вещественныя занятія жизни совершенно изгладили въ немъ сіе чувство. Слѣдующее описаніе пашушескаго праздника, бывшаго въ прошедшемъ году въ окрестностяхъ Берна и установленнаго въ честь его основателю, послужитъ конечно доказательствомъ прошивнаго.

Городъ Бернъ имѣетъ нынѣ еще большія права на любопытство и уваженіе путешественниковъ, нежели когда-либо. Кажется, что жили онаго, со времени послѣднихъ несчастій, воспріяли прежнія свои добродѣтели еще съ большимъ жаромъ и усердіемъ; что городъ, лишась своихъ сокровищъ, усугубилъ благопворныя свои попеченія о бѣдныхъ и беспомощныхъ. Человѣколюбивыя его заведенія принадлежатъ къ числу превосходнѣйшихъ въ Европѣ. Публичная больница есть прекраснѣйшее зданіе въ городѣ и конечно одно, которое на-

(*) Сіе впрочемъ не доказываетъ, чтобы между Швейцарами не было отличныхъ Поэтовъ и Липшерапоровъ. Имена Галлера, Бодмера, Врейшингера, Геснера, Лафашера, Салиса, Машисона и проч. — оспанушся незабвенными въ Исторіи Нѣмецкой Словесности. Извѣстно также, что Писатели Швейцарской школы, въ одно время съ Саксонскою, ревностно содѣйствовали успѣхамъ языка, изящнаго вкуса и благонамѣренной Криптики въ Германіи. К.

звать можно великолѣпнымъ. Надъ главнымъ входомъ находилась слѣдующая надпись: *Christo in pauperibus* (ш. е. *Христу въ лицѣ бѣдныхъ*). Мудрено было выбрать надпись, болѣе приличную для сего убѣжища злополучныхъ, болѣе сходную съ ученіемъ Христіанской Религіи и съ собственными словами Спасителя.

Все, что видите вы въ Бернѣ и въ его окрестностяхъ, носитъ на себѣ отпечатокъ снотворнаго порядка и спокойствія, мудраго и опеческаго Правленія. Честность и добродушіе видны повсюду. Кажется, что вы находитесь въ нѣдрахъ своего семейства, хотя окружены двумястами тысячъ жителей всякаго Сословія. Здѣшнее Дворянство, граждане и поселяне, — всѣ раздѣляютъ одинъ образъ мыслей, всѣ равно привязаны къ своему отечеству.

На праздникъ надлежало намъ ѣхать водою, по одному изъ сихъ озеръ, въ коихъ красоты здѣшней Природы отражаются, какъ въ зеркалѣ; кои какъ бы для того омываютъ подошвы горъ Альпійскихъ, чтобы усугублять до безконечности плѣнительные ихъ виды. Бурная погода препящивовала намъ созерцать сіи горы во всей ихъ красотѣ и величіи; но вершины оныхъ, смѣшиваясь съ облаками, казались намъ шѣмъ неприсущиѣ и ужаснѣе. — Между шѣмъ буря увеличивалась, и хотя нѣкошорое чувство страха возродилось въ душѣ моей, но я съ удовольствіемъ видѣла сіи свѣтлыя небесныя, заславляющія прелесть гордость человѣческую. — Мы отдохнули въ нѣкошоромъ родѣ пещеры, прежде нежели осмѣлились переплыть часть Тунскаго озера, окруженную неприсущными

скалами. Сіе напомнило намъ переправу Вильгельма Телля, копорый не спрашился ни волнъ, ни ущесовъ, помышляя объ освобожденіи опчизны. Въ дали увидѣли мы гору, извѣспную подъ именемъ *Дѣвицы* (Jungfrau) и доселѣ неприспуную для любопышныхъ пушешеспвенниковъ. Она не шакъ высока, какъ Монъ-Бланъ, но нѣкопорымъ образомъ вселяешъ еще бѣльшее уваженіе; ибо почишаешся невозможнымъ, доспигнуть ея вершины.

Мы прибыли въ Уншерзеенъ. Шумъ рѣки Ара, ниспадающей съ ущесовъ въ окреспноспяхъ сего городка, располагалъ уже душу къ мечпаніямъ. Мы нашли здѣсь множеспво чужеспранцовъ, кои всѣ помѣспились въ креспьянскихъ домикахъ. Сіи послѣдніе опличающся своею чистопшою, хошя наружное ихъ успроеніе и внуспренное уборы доволно проспны. Любопышно было видѣшь молодыхъ Парижанъ, кои прогуливались шолпами по улицамъ Уншерзеена. Они какъ-бы нѣкопорымъ волшебспвомъ перенесены были въ долины Швейцарскія; они ничего бѣль не слышали, кромѣ шума водопадовъ; ничего не видали, кромѣ неприспунныхъ горъ, и казалось, искали средспва скучанъ въ семъ прелеспномъ уединеніи, дабы послѣ, шѣмъ съ бѣльшимъ удовольспвіемъ возврашпсь въ сполицу и къ свѣшскимъ разсѣаніямъ.

Кшо не слышалъ о національной пѣсни, копорую играющъ на Альпійскихъ рогахъ и копорая споль сильно дѣйспвуешъ на Швейцаровъ, что, при первомъ ея звукѣ, нерѣдко оспавляли они полки свои и чужую спорону, дабы опспѣшно возврашпсь въ опчеспво? Легко

можно себѣ представить, что чудесное дѣйствіе сей пѣсни усугубляется, когда горное эхо повторяетъ ее до безконечности. Но кажется, что Музыка сія здѣлана для того, чтобы цѣлнать слухъ изъдали. По крайней мѣрѣ на насъ, которые слышали ее вблизи, не произвела она никакого пріятнаго впечатлѣнія. Прелестные Испаліянскіе голоса здѣлали бы конечно и сію Музыку очаровательною; но легко можешь спастись, что въ такомъ случаѣ возродила бы она мысли и чувствованія, совершенно чуждыя проснопѣ здѣшнихъ спранъ. Мы искали бы въ ней искусства, Поэзіи и — любви, между тѣмъ какъ единственный предметъ сихъ пѣсней есть — семейное спокойствіе и прелести сельской жизни.

Вечеру, наканунѣ праздника, разложены были огни на окрестныхъ горахъ: обычай древній и напоминающій дослославную эпоху освобожденія Швейцаріи! Огни сіи, блиставшіе на вершинахъ, уподоблялись лунѣ, когда она выходитъ изъ за горъ и озаряетъ предметы своимъ свѣтомъ, вмѣстѣ яркимъ и тихимъ. Одинъ изъ сихъ коспровъ возвышался надъ прочими и, казалось, горѣлъ въ облакахъ. Онъ освѣщаль развалины замка Уншпуннена, принадлежавшаго некогда *Бертольду*, основателю города Берна. Глубокій мракъ окружалъ сію свѣшлую точку, и горы, кои во время ночи имѣютъ видъ исплинскихъ привидѣній, казались тѣнями усопшихъ Героевъ, кои спеклись на сіе Папріотическое торжествіе.

Въ самый день праздника погода была тихая, но шуманная; сама Природа какъ бы соотвѣш-

спивовала сердечному умиленію присуспивовавшихъ. — Кругъ, предначертанный для сельскихъ забавъ, ограничивался зелеными холмами, коихъ вершины увѣнчаны были деревьями. Позади сихъ холмовъ простирались высокія горы, коихъ необозримая цѣпь терялась въ опдаленности. Зришели, числомъ до 6000 чело-вѣкъ, помѣспились на зеленомъ скапѣ пригорковъ и разнообразіе ихъ одежды уподоблялось издали песпрымъ цвѣщамъ, украшающимъ лугъ. Можешъ бытъ никакой еще праздникъ не начинался при споль радостныхъ предзнаменованіяхъ. Но каждый разъ, когда взоры наши поднимались выше веселаго круга, видѣли мы огромныя скалы, нависшія почти надъ нашими головами и какъ бы грозившія смерпнымъ посреди ихъ удовольспвія. Впрочемъ, если суще-спивуетъ радость душъ чистыхъ, невлекущая за собою раскаянія и безопасная опъ ударовъ жребія; то мы конечно видѣли оную посреди нашихъ добрыхъ Швейцаровъ.

Когда всѣ жипели заняли уже мѣста свои, то показала издали процессія, долженспвовавшая ошкрытъ праздникъ: процессія, въ самомъ дѣлѣ шоржештвенная, ибо она посвящена воспоминанію прошедшаго. Пріятная Музыка сопровождала сіе шеспвіе; Судьи и мѣспные Чинovníки предводили жипелей; молодые поселяне одѣщы были по древнему обычаю каждой области. Герольды, ѣхавшіе на бѣлыхъ лошадяхъ, везли предъ ними знамена каждой долины или селенія. Одежда сихъ послѣднихъ была шочно такая же, какую, за 5 вѣковъ предъ симъ, носили освободители Швейцаріи, соединившіе-

ся въ Рупли. Живѣйшее умиленіе наполнило всѣ сердца, при видѣ сихъ знаменъ мира, охраняемыхъ спарцами. Сіи посѣдѣлые мужи, коимъ почтительные сограждане ввѣрили драгоценные залого своей свободы и спокойствія, казались намъ предшавишелями древняго времени. Нельзя было видѣшь сего прогашельнаго зрѣлища, непроливая сладосныхъ слезъ воспоминанія и душевнаго удовольствія.

Засимъ начались игры. Жилили горь и долинь показывали въ оныхъ свое искусство, силу и ловкость. Нѣкоторые изъ нихъ безъ пруда поднимали величайшія тяжести; другіе спорили о преимуществѣ въ борбѣ.— Крѣпость силъ шѣлесныхъ почишалась нѣкогда признакомъ воинственнаго націи; но въ наши времена, когда Тактика и Аршиалерія рѣшають судьбу войскъ, упражненія сего рода превратились въ однѣ шолько увеселительныя игры. Сильныя сіи руки упопреляются нынѣ для лучшаго воздѣлыванія земли; между шѣмъ какъ успѣхи войны зависяшъ опъ благоустроенной дисциплины и опъ огромныхъ массъ, движимыхъ какъ бы Механическими законами.

По окончаніи игръ, добрый Спароста (bailli) селенія вручилъ извѣстные награды побѣдителямъ. Засимъ накрышъ былъ обѣдъ въ палаткахъ и раздались веселыя пѣсни, въ коихъ прославлялось тихое благоденствіе Швейцаріи. Вино разносили кругомъ въ спаринныхъ деревянныхъ чашахъ, съ рѣзными изображеніями Вильгельма *Телля* и прехъ освободителей Гельвеціи. Предложенныя шоспы посвящены были спокойствію, порядку и независимости. Нѣко-

шорый Папріописческій воспоргъ оживлялъ все собраніе, и искренняя веселость онаго проникала въ сердце каждаго.

»Луга шакъ же испещрены цвѣтами, какъ и прежде; горы шакъ же увѣчаны зеленью; кажепся, что вся Природа намъ улыбаепся. Ужели одно сердце человѣческое оспанепся пусто и холодно?« (*)

Конечно нѣшъ! Посреди сей прелеспной спраны и достойныхъ ея обипашелей, сердца наши преисполнены были чиспѣйшихъ, благороднѣйшихъ чувспвованій. Земля сія не опличаепся ни богапшвомъ, ни обширностію предѣловъ своихъ; но жипели любяшъ ее, какъ друга, смиренно скрывающаго свои добродѣтели, имъ же однимъ посвященныя. Благоденспвіе Швейцаріи продолжаепся уже болѣе 5-ши вѣковъ; но во все сіе время видѣли мы болѣе счаспливыхъ поколѣній, нежели славныхъ людей. Нѣшъ уже мѣста и случая, совершапъ великіе подвиги, когда масса народа наслаждаепся споль всеобщимъ благоденспвіемъ. Кажепся, что знаменитые предки сей націи до сихъ поръ еще въ оной владычеспвуютъ; уваженіе къ нимъ сохранило всю свою свяпость, а благіе ихъ примѣры производяпъ доннѣ спасишельнѣйшее дѣйспвіе. Проспопа нравовъ, привязанность къ древнимъ обычаямъ, благоразуміе и сходспво

(*) Слова сіи взяшы Г-жею Сталь изъ прекраснаго Гимна, сочиненнаго на случай сего праздника и пѣнаго во время онаго. Авшоръ сего Спихошворенія, Г-жа Гермеспъ, давно уже извѣспна въ Германіи своею Каледоніею и другими сочиненіями, изданными подъ прежнимъ ея именемъ — Г-жи Берлепшъ, К.

въ образъ жизни, — все сближаетъ насъ съ ми-
нувшимъ и въ насъ происходящемъ предспзываетъ намъ
образъ будущаго. Исторія сего народа всегда
одинакова и какъ бы соединена въ одну почку,
которая проспирается на нѣсколько сполѣтій!

Тихая жизнь протекаетъ въ сихъ долинахъ
подобно рѣкамъ, ихъ орошающимъ; это новыя
спруи, всегда текущія въ одномъ направленіи.
Дай Богъ, чтобы оное и оспалось неизмѣннымъ!
Дай Богъ, чтобы сей прекрасный праздникъ
часто еще повспорялся при подошвѣ сихъ же
самыхъ горъ! Чужеземець взираетъ на оныя,
какъ на чудо Природы; но добрый Гельветъ по-
читаетъ ихъ вмѣстѣ священными убѣжищами,
откуда Судьи и опцы семействъ проспираютъ
отеческія попеченія на дѣшей своихъ и со-
гражданъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Взглядъ старца на заходящее солнце.

Красно солнышко садится;

Слышу колоколь Донской;

Изъ очей слеза спруишся,

Духъ объемлешся шоской.

Скоро, скоро, солнце красно,

Я послѣдую тебѣ:

Окончавши вѣкъ ненастно,

Заплачу свой долгъ Судьбѣ!

*

Скоро духъ угомонится!

Злые вѣшники пришли;

Подзываютъ спать ложиться

На сыру поспель земли.

Жизнь какъ молнія сверкнула!

Гдѣ ты, призракъ дорогой?

Буря смершная подула:

Грѣмъ гремишь — онъ роковой.

*

Новый мѣсяцъ народился,

Робко смопришь изъ за пучь:

Чиспымъ дождичкомъ обмылся

Вижу шось же шомный лучь,

Коишь прежде вдохновенный

Счаспье юныхъ дней пѣвалъ

И воспоргомъ увлеченный

Ишь конца не ожидалъ.

*

Топь же мѣсяць озаряешь
Садъ и хижину мою;
Тщешно чувства возбуждаешь —
Геній скрылся — не пою!
Слабымъ першомъ движу лиру;
Звукъ исчезъ! — Кому внимаешь?
Тщешно кличу я Глафиру;
Ошголоска не слыхашъ.

*

Жизнь есть рай, когда любовью
Сердце сердцу въспъ даешь;
Пылкой умъ съ горячей кровью,
Радость Неба въ душу льешь.
Жизнь есть адъ, когда взаимной
Связи нѣтъ у двухъ сердець;
Туть Природы всей прошивной
Милъ спановишься конецъ.

*

Что въ картинѣ мнѣ прелестной
Мірозданія всего,
Коль любви свѣшь чудесной
Озаряшь пресналь его?
Если должно, не боюся
Нишку дней моихъ продлить;
Но Природѣ лишь молюся,
Живость чувства обновить.

*

Нѣтъ! Сей даръ не возвращаешь
Царь Природы никому;
Въ юну грудь огонь кидаешь,
Въ сердце спарца вносишь шму.

Такъ и я, въ послѣдни годы
Всѣмъ спрашиваю сказавъ: проспи,
Жду опъ узъ земныхъ слободы,
Спою смерти на пуши.

*

Не минешъ меня лихалъ;
Гнешся вья, серпъ гошовъ,
Люшымъ недугомъ спрадая,
Вижу близко гроба кровь.
Какъ щепя въ рѣкѣ съ волною
Пришекаетъ къ берегамъ,
Такъ и я, влекому судьбою,
Процплымъ жизнь и скоро — шамъ!

*

Тамъ, гдѣ всѣ сливаюсь вѣки,
Временамъ кладушь предѣль;
Гдѣ приемошь чедовѣки
Казнь иль славу здѣшнихъ дѣль.
Все по мнѣ пребудешъ по ле,
Паки солнышко взойдешъ;
Другъ придетъ — заглянешъ въ ложе,
Но души ужъ не найдешъ.

*

Онъ почиши меня слезами,
Тяжкой вздохъ мнѣ подаритъ
И, нельспивыми уснами,
Тризну мирну сошворишь.
Скажешъ: „Быль и онъ на свѣшъ,
Мыслиль, чувспивоваль, вѣцаль;
Вѣренъ былъ друзьямъ въ обѣшъ
И любилъ, пока дыщаль.“

К. Ив. Долгорукий.

Къ портрету Н. М. Карамзина.

И въ прозѣ и въ стихахъ онъ далъ намъ образцы
Таланпа рѣдкаго и рѣдкаго искусства,
А зависти — познашь мучительныя чувства!
И видимъ, что талантъ и зависть — близнецы!

Князь Шаликовъ.

Логогрифъ, помѣщенный въ предъидущемъ
Но., значить — *слава, Сава и лава.*

Н О В О С Т И Л И Т Т Е Р А Т У Р Ы.

№. XI.

П Р О З А.

Воспоминанія Г-жи Сталь о Россіи.

(Продолженіе.)

С. Петербургъ.

Дорога отъ Новагорода до С. Пешербурга вообще единообразна и болошиспа. Тѣмъ живѣйшее удовольствіе чувствовали мы при вѣздѣ въ сію столицу, кошорая справедливо почиается однимъ изъ прекраснѣйшихъ городовъ въ свѣтѣ. Намъ казалось, что мощный волшебникъ, однимъ ударомъ жезла своего, перенесъ сюда всѣ чудеса Европы и Азии. — Основаніе С. Пешербурга служило новымъ и разительнымъ доказательствомъ, что Руская нація не знаетъ себѣ преградъ, когда что-либо предприметъ съ усердіемъ и готовностію; что народъ сей равно швердъ и перцѣливъ въ борьбѣ съ Природою, какъ и въ сраженіи съ войсками непріятелей; что въ помъ и въ другомъ случаѣ не щадитъ онъ ничего, дабы приобрѣсти себѣ честь побѣды. Весь здѣшній городъ построень посреди болоша; огромнѣйшія зданія ушвер-

ждены на сваяхъ; но видя ихъ пространство, красоту и великолѣпіе, забываете вы сіи зыбкія основанія и съ удивленіемъ взираете на чудесную столицу Сѣвера, шоль скоро возникшую посреди пустыни.

Первымъ моимъ чувствомъ по прибытіи въ С. Петербургъ было — благодареніе Богу за то, что я находилась на берегу моря. Съ живѣйшимъ удовольствіемъ увидѣла я Англійскій флагъ, развѣвавшійся на Невѣ. Меня ушѣшала мысль, что находясь въприморскомъ городѣ, во всякое время могла я ввѣришь себя Океану и опдаться, шакъ сказать, подъ непосредственное покровительство Провидѣнія. Я очень знаю, что всевидящее Его око и мощная десница равно простершы надъ нами, во всякомъ мѣстѣ и во всѣхъ случаяхъ жизни; но мысль, что ввѣривъ себя спихіямъ, находишься въ зависимости отъ одного шолько Провидѣнія, а не отъ воли человѣческой, — заключаешь въ себѣ нѣчто высокое и ободрительное.

Напрошивъ дома, копорый занимала я въ С. Петербургѣ, возвышается конная статуя Петра Великаго. Крушой ушесь служилъ ей подножіемъ. Простая, но величественная надпись: *Петру Первому — Екатерина Вторая*, имѣетъ все достоинство истины. Сіи два великіе Государя возвысили народную гордость своихъ подданныхъ; они умѣли возбудить и укоренить въ сердцахъ ихъ сіи основанія Патриотизма и мужества, кои здѣлали войска ихъ непобѣдимыми и ужасными для самыхъ сильныхъ и искусныхъ непріятелей.

Почти всѣ зданія въ С. Пешербургѣ построены въ новѣйшемъ вкусѣ. Чистота господствуетъ на улицахъ; большая часть домовъ ослѣпительной бѣлизны. Во время ночи, когда сіи массы зданій освѣщаются луною, можно уподобить оныя большимъ бѣлымъ фанпомамъ, кои, стоя неподвижно, смотрятся въ Невѣ. Я сама не знаю, что привлекало меня къ сей рѣкѣ; но никакія спруи въ мірѣ не казались мнѣ столь чистыми и прозрачными, какъ спруи Невскія. Граничныя набережныя ограждаютъ со всѣхъ сторонъ сію рѣку и впадающіе въ нее каналы. Превосходная опдѣлка оныхъ соотвѣтствуетъ краснѣ водѣ, кои заключаются въ ихъ предѣлахъ.

Обишатели Сѣверной Россіи, находясь въ безпрестанной борьбѣ съ Природою, весьма впрочемъ равнодушны ко вліянію климата. Посреди жесточайшей зимы видите вы извожиковъ, кои спокойно и безъ всякаго ропота, ожидаютъ господъ своихъ у подъѣзда, нерѣдко по 3 часа и болѣе. Если имъ вздумается спать, то они ложатся на снѣгъ, подъ свою карету, какъ будто бы на мягкую перину. Другіе располагаются на ступенькахъ лѣстницы и предаются сну сидя, прислонясь головою къ стѣнѣ. Словомъ, люди сіи, живущіе подъ бо-мъ градусомъ Сѣверной широты, напоминаютъ Неаполитанскихъ *Лаззарони*, сихъ безпечныхъ обишателей Юга, кои также не имѣютъ другой спальни, кромѣ площадей и улицъ.

Обычаи и вкусы Южныхъ странъ равно господствуютъ и между высшими Сословіями. Стоишь только взглянуть на прекрасные за-

городные дома, построенные Рускими Вельможами на островахъ, образуемыхъ Невою. Рѣдкія растѣнія Юга, благовонія Воспока, утонченная роскошь Азіи — украшаютъ прелестныя сіи жилища. Обширныя ранжереи, въ коихъ найдешь вы плоды всѣхъ странъ, образуютъ нѣкопорого рода искусственный климатъ. Владѣльцы и обитатели сихъ сельскихъ черпоговъ умѣютъ цѣнить каждый лучъ солнца, появляющійся на ихъ горизонтѣ; каждый прекрасный лѣтній день принимаютъ они, какъ добраго гостя, на короткое время ихъ посѣпившаго.

На другой день моего пріѣзда, была я приглашена обѣдать къ одному изъ почтеннѣйшихъ купцовъ здѣшной столицы. Руское госпепріимство владычествовало въ загородномъ его жилищѣ. Флагъ, развѣвающийся надъ его домомъ, служилъ знакомъ, что онъ у себя, и что сполнъ его открытъ для всѣхъ друзей и знакомыхъ. День былъ прекрасный. Мы обѣдали на вольномъ воздухѣ, среди обширнаго сада, украшеннаго величественными деревьями и разнообразнѣйшими цвѣтами. Но въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома начиналось уже болото. Природа казалась здѣсь непримиримымъ врагомъ, копорый спспѣшно воспріемлетъ права свои, какъ скоро человекъ, хопя на одну минушу, переспаетъ съ нимъ боротся.

На слѣдующее утро посѣтила я Казанскій Соборъ, построенный по образцу церкви Св. Петра въ Римѣ. Великолѣпный сей храмъ дѣйствительно напоминаетъ древнѣйшую Базилику Христіанства, хопя мѣстное положеніе и не позволило слѣдовать въ точности сему плану.

Внутренность Собора, украшенная множеством граничных колонн, имѣетъ въ себѣ нѣчто величественное. Не лзя, не подивись, когда вспомнишь, что сіе огромное зданіе, на которое въ другомъ мѣстѣ употребили бы цѣлыя столѣтія, приведено здѣсь къ окончанію въ немногіе годы.

Засимъ ѣздила я въ Александро-Невскій монастырь, посвященный памяти одного изъ Россійскихъ Князей-Героевъ, разпроспранившаго славу своего оружія до береговъ Невы. Тѣло его покоится въ великолѣпной серебряной гробницѣ, успроенной Императрицею *Елисаветою*, дочерію *Петра Великаго*. — Монастырь сей служитъ мѣстомъ погребенія для знатнѣйшихъ Россійскихъ фамилій. Мы замѣтили здѣсь памятникъ *Суворова*, неимѣющей другаго украшенія, кромѣ славнаго его имени.

(Продолженіе въ слѣдующемъ No.)

О нравахъ и обычаяхъ нынѣшнихъ Грековъ.

(Продолженіе.)

Когда знатная Греческая госпожа выходитъ изъ дома, шо всегда сопровождается бываеетъ своими невольницами, между коими почти всегда находится нѣсколько Арабовъ. Ксшати замѣшишь, что въ Греціи много черныхъ невольниковъ, кои, получивъ свободу, весьма охотно оседаютъ жиють въ Коринѣ и въ Аѣинахъ. — Мы уже выше сказали, что молодыя дѣвицы по большой части содержатся уединенно и не иначе могутъ

выходить изъ дома, какъ только съ своими родилелями, Молодыя красавицы въ Левантѣ находящяся также подъ строгимъ надзоромъ; ибо самомаѣйшее подозрѣніе, на счетъ ихъ поведенія, лишаетъ ихъ надежды, когда-либо вступишь въ бракъ. Замужнія женщины вообще пользуются большою свободою, въ особенности на нѣкоторыхъ островахъ, гдѣ самыя мужья менѣе извѣспны своею ревностію.

Гречанки вообще имѣють много дѣтей. Роды ихъ бывають легче, нежели у другихъ женщинъ въ Европѣ. Предъ оными наблюдающяся всѣ возможныя предосторожности, нерѣдко смѣшныя и излишнія. Всѣмъ грѣзамъ и случайнымъ происшествіямъ дають здѣсь особенныя полки.

При первыхъ боляхъ, кои обыкновенно предшешествують разрѣшенію, приходитъ повивальная бабка со спарухою, копорая служить ей помощницею; ибо Аккушеровъ здѣсь не знаютъ и не шеплятъ. Во всемъ домѣ опирають двери, дабы — какъ говорятъ Греки — ничто не могло остановить разрѣшенія. Всѣ дѣвицы удаляющяся изъ дома и однѣ только замужнія женщины могутъ осмаваться въ ономъ. Кшо однажды взошелъ въ комнату родильницы, шому нельзя изъ оной вытши до того времени, пока не воспослѣдуетъ разрѣшеніе. Прочее все предоставляется Природѣ. Въ шрудныхъ только случаяхъ прибѣгають къ суевѣрнымъ средствамъ. Мужу приписываютъ магическую силу въ ускореніи разрѣшенія. Три удара, копорые дѣлаешъ онъ по спиѣ жены своимъ шуфлемъ, произнося нѣкоторыя смѣшныя слова, почиаются за дѣйствительнѣйшее средство. Рождаемое дитя по-

крывають флеромъ; на него кладуть амулеты, посыпають его солью и омывають теплою водою. Наконецъ спеленавъ ребенка, кладуть подъ него хлѣбъ и деревянную палку: первый для того, чшобы онъ никогда не былъ помимъ голодомъ, а послѣднюю, чшобы былъ спокоенъ. На нѣкоторыхъ оспровахъ моють дитя въ винѣ.— Если родился сынъ, то отецъ изъявляетъ свою радость ружейнымъ выстрѣломъ, и всѣ родственники и друзья, въ изъясненіе участия своего, опвѣчаютъ тѣмъ же.

Люлька у Майношновъ состоить изъ четверугольнаго, раскрашеннаго различными цвѣтами ящика, коіпорый называется *ніака*. Сей ящикъ болѣе продолговатъ, нежели широкъ; а по обоимъ концамъ снабженъ кольцами, сквозь кои продѣвають веревку. Подъ голову дитяни кладуть кожаную подушку. Мать вѣшаетъ сію люльку на гвоздь, прибитый къ пошолку или къ спѣнѣ; когда же она выходитъ со двора, то носить ее за плечами. Нѣтъ ничего обыкновеннѣе, какъ видѣть Майношку, идущую по полю съ вязанкою дровъ, на верху коей находилса ребенокъ.

Когда дитя целенають и кладуть спать, то никто не смѣетъ ни выйти изъ горницы, ни взойти въ оную. Въ сіе время не смѣють даже шевелиться въ комнашѣ и еще менѣе неоспорожно говорить; ибо здѣсь ничего не оставляють безъ вниманія, чшо, по ихъ примѣшамъ, предзнаменуетъ счастье или несчастіе. Соннины, увидѣвъ хорошо одѣшаго ребенка, сказалъ: «Какое милое дитя!» Нянька, оборотившись къ нему спиною, вскричала: «Чеснокъ тебѣ въ глаза!»

Она плюнула при разѣ на ребенка и такимъ образомъ думала отвратить пагубное вліяніе чистосердечной его похвалы. Дабы дѣти спали крѣпче и были спокойнѣе, дають имъ Венеціанской перьякъ: всеобщее лѣкарство, употребляемое Греками для грудныхъ младенцевъ. Бѣдные берутъ вмѣсто сего шимонъ, изъ кошараго дѣлають маленькія лепешки.

Родильница выходитъ изъ дома спустя четыре или пять дней послѣ своего разрѣшенія; но должна всегда возвращаться прежде, нежели появясь на небѣ здѣзды. Дабы не видѣть оныхъ, заповорюють плотно всѣ двери и окна. Въ первый разъ, когда вспанеть она съ постели, приказываютъ ей спустись на желѣзо, для того, дабы она была крѣпка и сильна, какъ сей металлъ. Дабы не потерпѣшь какого-либо вреда въ томъ домѣ, куда приходишь она послѣ родовъ, предписываютъ ей положить при порогѣ ключъ, и спастъ на него ногою. Исполненіе сего обряда избавляетъ ее отъ всякаго вреднаго вліянія.

Мать печется сама о своемъ ребенкѣ и обыкновенно кормитъ его грудью. Наемная кормилица есть весьма рѣдкое явленіе въ Греціи. Если же непременно надобно взять ее: то женщина сія бываетъ всегда дома и содержится опличнымъ образомъ. Богатые берутъ также нянекъ, кои преимущественно должны смотрѣть за ребенкомъ ночью. Впрочемъ мать никогда не отказывается отъ пріятной обязанности, держащъ малюшку въ своихъ объятіяхъ, пшатъ его своимъ молокомъ и лелѣящъ. Всякая Гречанка поставляетъ себѣ въ честь и считаетъ за особенное счастье, бытъ матерью

многихъ дѣшей. Здѣсь, какъ у нѣкопорохъ народовъ Древности, безплодіе почищается безчестнымъ и предосудительнымъ.

Мы не описываемъ обрядовъ, упопребляемыхъ Греками при Крещеніи и Миропомазаніи; ибо оныя, по крайней мѣрѣ въ сущности своей, не отличаются отъ обрядовъ прочихъ Христіанъ Восточной Церкви. Крещеніе совершается обыкновенно чрезъ погруженіе въ купѣль, а не чрезъ обливаніе головы, какъ шо дѣлается у Римскихъ Каполиковъ.

Ребенокъ, освобождаясь отъ пеленокъ, кои нерѣдко служатъ ко вреду его здоровья, растетъ свободно и безъ всякаго принужденія, можно даже сказать, въ совершенной необузданности. Мать заботится только о томъ, чтобы дитя не причинило себѣ боли. Впрочемъ всѣ худыя привычки ему прощаются, а глупости и непристойныя шушки служатъ только забавою для родителей, кои болшанье и рѣзвость почищаютъ обыкновенно признакомъ ума и силы. Никогда почти не случилось, чтобы отецъ или мать жестоко наказали дѣшей своихъ. Какъ скоро сіи послѣднія достигаютъ шѣхъ лѣтъ, въ копорыя надобно уже учиться; шо ихъ посылаютъ въ нижнюю школу, гдѣ Священникъ или другой Церковнослужитель обучаетъ дѣшей чпенію. Самые лучшіе изъ сихъ наставниковъ столь грубы, невѣжественны и неспарательны, что должно дивиться, какъ еще дѣши выучиваютъ у нихъ азбуку. Впрочемъ съ нѣкопорого времени заведены во многихъ городахъ училища, коихъ воспитанники находятся подъ надзоромъ ученыхъ и опытныхъ Наставниковъ. (Продолж. впредь.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Черкеская пѣсня. (*)

1.

Въ рѣкѣ бѣжишь гремячій валъ;
Въ горахъ безмолвіе ночное;
Козакъ успалый задремалъ,
Склонясь на коніе спальное.
Не спи, Козакъ! Во шмѣ ночной
Чеченець ходишь за рѣкой.

2.

Козакъ плывеши на челнокѣ,
Влача по дну рѣчному сѣпи.
Козакъ! упонешъ шы въ рѣкѣ,
Какъ понуши маленькія дѣши,
Купаясь жаркою парой:
Чеченець ходишь за рѣкой.

3.

На берегу завѣпныхъ водъ.
Цѣвшупъ боганья спаницы;
Веселый пляшешъ хороводъ,
Бѣгнше, Рускія пѣвицы;
Спѣшите, красныя, домоѣ:
Чеченець ходишь за рѣкой.

А. Пушкинъ.

(*) Изъ нововышедшей Поэмы или стихотворной Повѣсти: Кавказскій плѣнникъ, о коей объявлено уже въ No. 207-мъ Р. И. Повторяемъ для Чинашелей Прибавленія, что она продается на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ, принадлежащемъ Императорской Библиотекѣ, въ кварширѣ Н. И. Гнѣдича. Цѣна экземпляру, съ поршпрешомъ Сочинителя, на веленовой бум. 7, а на Любской 6 руб.

Олегъ Вѣщій.

1.

Наскучивъ мирной пишиною,
Собралъ полки Олегъ
И съ ними полетѣлъ грозою
На Цареградскій брегъ.

2.

Покрылся быстрый Дѣвпръ ладьями.
Въ берегахъ крупныхъ взревѣлъ
И подь ошвалжными рулями,
Напѣвись закипѣлъ.

3.

Дружина храбрая Геровъ,
На славныя дѣла,
Старая пылкой жаждой боевъ,
Съ веселіемъ шекла.

4.

Въ пущи ей не были преграды
Кремнистыхъ горъ скалы,
Дѣвпра подводныя громады,
Ни ярыхъ водъ валы.

5.

Сдѣй Олегъ, шумящей пшцей,
Въ Евксинь черезъ Лимань —
И предъ Леоновой столицей
Разкинулъ грозный спань!

6.

Мгновенно войсками покрылась
Окрестная спрана
И кровь повсюду заструилась,
Вездѣ кипишь война!

7.

Горящъ деревни, селы пышущъ,
Прахъ вьсепся средь долинъ;
Въ сердцахъ убійсвомъ хладнымъ дышущъ
Варягъ и Славянинъ.

8.

Пошомки Бруша и Камилла
Сокрылися въ стѣнахъ;
Уже ихъ нѣга развращила;
Нѣшь мужества въ сердцахъ.

9.

Ихъ Императоръ самовластный
Въ чершгахъ шренеталь
И въ Аспрологіи, несчастный!
Спасенія искаль!

10.

Межъ шѣмъ замысливъ приступъ смѣлый,
Ладби свои Олегъ,
Развизъ на каждый парусъ бѣлый,
Вдругъ выдвинулъ на брегъ.

11.

„Идемъ, друзья!“ — рекъ Князь Россіи
Геройскимъ племенамъ —
И шель по сушѣ къ Визаншій,
Какъ въ морѣ по волнамъ.

12.

Боязни, шрепешу покорный,
Спасши желая шронъ,
Пословъ и дань — за миръ позорный,
Къ Олегу шлешь Леонъ.

13.

Объяшый праведнымъ презрънемъ
Вереть Князь Рускій дань;
Дарить Леона примиреньемъ —
И прекращаешь брань.

14.

Но въ шрепепь гордой Визаншии
И въ память всѣмъ вѣкамъ,
Прибилъ свой щипъ съ гербомъ Россіи
Къ Царь-Градскимъ воропамъ.

15.

Успѣхомъ подвиговъ довольный
И славой въ шѣхъ краяхъ,
Олеги помчался въ градъ прешольный
На быстрыхъ парусахъ.

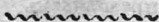
16.

Народъ узрѣвъ съ крупаго берега
Возвращъ своихъ полковъ,
Прославилъ подвиги Олега
И восхвалилъ боговъ.

17.

Весь Кіевъ въ пышномъ пированъи
Воспоргъ свой изъявляя
И Князю Вѣщаго прозванъи
Единогласно дадь.

К. Рыльцевъ.

„Сегодня я съ вами пирую, друзья,

Веселье намъ пѣсни заводипь;

А завтра, бышь можешь, шамь буду и я,

Ошкуда никшо не приходипь.“

*

Я пакъ беззабошнымъ друзьямъ говорилъ:

Давно; — но опъ самага дѣшсша

Печаль въ безпокойномъ я сердць шайлъ,

Предвѣшьемъ грядущаго бѣдсша.

*

Друзья мнѣ смѣялись — и свѣжій вѣнецъ

На кудри мои надѣвая,

Спыдись, воклицали, мечшашель-Пѣвецъ!

Измѣнишь ли жизнь молодая?

*

Война запылала, всѣ други мои

Къ знаменамъ войны полешѣли —

Я съ ними — но узы сыновней любви

Мнѣ съ ними разшашься велѣли.

*

Въ бездѣйствіи шяжкомъ я думой слѣдилъ

Ихъ бишвы, предшечи побѣды;

Ихъ славою часшо я первый живиль

Родителей грушшыхъ бесѣды.

*

Года пролешали — я часшо въ слезахъ

Былъ черной повязкой украшенъ. —

Брань спихла. — Гдѣ жь други? Лежашь на поляхъ,

Близъ падшихъ, подъ силой ихъ, бащень.

*

Съ пѣхъ поръ я печально сижу на пирахъ,
Гдѣ все мнѣ швердитъ про былое;
Дрожишь моя чаша въ ослабшихъ рукахъ,
Мнѣ пляжко веселье чужое!

Баронъ Дельвицъ.

Желанія.

Всевышній! Правящій судьбами!
Храни любви моей предметъ;
Усыпь ей жизни путь цвѣтами,
Да я одинъ пью чашу бѣдъ.
Мнѣ — спрѣды въ жизни роковыя,
Мнѣ одному несчастья въ ней;
Всѣ, другу сердца, дни злащые! . . .

Забудь меня — все ей!

Во всѣхъ спранахъ, во всѣ дни года,
Ей неба свѣплаго лазурь;
Вокругъ меня пусшь непогода,
И хладъ снѣговъ, и ужасъ бурь!
Во блескъ однь Природу новыи,
Владычицъ души моеи:
Мнѣ — дни осеніе, суровы

Забудь меня — все ей!

Дай дружбы поспоянной, пѣжной,
Союзъ ей сладоспный познашь!
Мнѣ рокъ, въ семь міръ неизбѣжной,
По чувспвамъ сиропой спрадашь,
Вокругъ нея пусшь игры, смѣхи,
Съ вечерней, упренней зарѣи.
Ей — сердца первыя ушѣхи

Забудь меня — все ей!

Но ахъ! наступишь ли шо время,
Что ей понравится другой
Тогда, сложивъ печалей бремя,
Прерви покъ жизни бурный мой!
Могу ль упрекомъ наслажденье
Нарушишь сердцу милыхъ дней? . . .
Дай силы скрышь души смятенье!
Забудь меня — все ей.

Тогда пылавшая для милой,
Лампада жизни догоритъ,
И прочипающъ надъ могилой,
Любви гдѣ чувство замолчитъ:
„Онъ умеръ, кляшвѣ неизвѣнный!
„И распаваясь съ жизнью сей,
„Молилъ, да будущъ обреченны
„Всѣ блага міра ей!“

К. Дл. Долгорукій.

Печаташь позволяется: 1-го Сентября, 1822-го года.

Цензоръ А. Б и р у к о в ъ.

НОВОСТИ ЛИТТЕРАТУРЫ.

№. XII.

ПРОЗА.

Воспоминанія Г-жи Сталь о Россіи.

(Продолженіе.)

На другой день были мы приглашены къ Графу Орлову, на оспровъ, носящій его имя. (*) Я нашла оный прелестнѣйшимъ изъ всѣхъ, кои образуешь Нева. Древніе дубы осѣняютъ обширные сады его. Графъ и Графиня Орловы дѣлають благороднѣйшее употребленіе изъ своего богатства: они принимаютъ чужестранцовъ и прочихъ гостей своихъ, со всемъ блескомъ великолѣпія и вмѣстѣ съ искреннѣйшимъ дружествомъ. Въ ихъ домѣ всякой свободенъ, какъ въ сельскомъ уединеніи, между шѣмъ, какъ всѣ

(*) Оспровъ сей, купленный попомъ въ Казну, воспріялъ нынѣ прежнее названіе Елагина. Кажется, что всѣ Искусствы соединились, дабы придать новыя красныя живописному его мѣстоположенію. Поспроенный павъ дворець можетъ назваться образцемъ изящнаго вкуса и Архитектуры; а обширный Паркъ приобрѣлъ множесию разнообразнѣйшихъ украшеній.

(Прим. Переводника.)

пользуются упонченнѣйшею роскошью столицы. — Графъ *Орловъ* опличается обширными и глубокими своими свѣденіями; а любовь къ отечеству придаетъ ему нѣкопорый возвышенный характеръ, возбуждающій искреннѣйшее уваженіе. Въ пошь день, который провела я въ загородномъ его домѣ, объявлено было о заключеніи мира съ Англіею. Это было воскресенье и толпы народа всякаго званія наполняли его садъ, опкрытый для Публики во всѣ праздничные дни. Я увидѣла здѣсь множество Рускихъ купцовъ, съ длинными бородами и сохранившихъ національную свою одежду. Нѣкопорые изъ нихъ слушали прекрасную Музыку, копорая играла между прочимъ Англійскую Патриотическую пѣсню: *God save the King!* Съ живѣйшимъ умиленіемъ внимали мы сей Музыкѣ, здѣлавшейся какъ бы національною для всей Европы. — Почтенный хозяинъ подходилъ между пѣмъ къ нѣкопорымъ изъ купцовъ и говорилъ съ ними о мирѣ, заключенномъ съ Англіею. Благочеспивые Россіяне перекрестились и изъявили благодареніе Небу за споль счастливое предзнаменованіе для шорговли и мореплаванія.

Ошровъ Графа *Орлова* окруженъ другими, въ коихъ Рускіе Вельможи проводятъ большую часть лѣша. Неподалеку опсюда находящся домъ и садъ Графа *Строгонова*, одно изъ прекраснѣйшихъ сельскихъ обипалищъ въ окрестностяхъ С. Пешербурга. Покойный владѣлецъ онаго выписалъ драгоцѣнныя произведенія древняго Искусства, для украшенія садовъ своихъ. Домъ сего почтеннаго мужа, во все время его

жизни, былъ ежедневно опкрытъ для многочисленныхъ его знакомыхъ. Онъ рѣдко приглашалъ къ себѣ обѣдать или ужинавъ въ назначенные дни; но пошъ, кпо однажды былъ ему предсавленъ, могъ прїѣзжать, когда угодно и всегда бывалъ принявъ съ одинаковымъ дружелюбіемъ и ласковостію. Сія гостепрїимная роскошь имѣла особенную прелестъ въ глазахъ Графа, который предпочиталъ оную другому роду великолѣпія. Впрочемъ множество знашныхъ домовъ въ С. Петербургѣ послѣдуюшъ, болѣе или менѣе, сему образу жизни.

Всѣ особы, встрѣченныя мною въ обществѣхъ, получили, какъ кажется, превосходное воспитаніе; учшвостъ и обходительностъ ихъ просшираюшся до высочайшей степени; разговоръ ихъ свободенъ, живъ и прїятенъ. Россїяне вообще умѣюшъ украшать природный умъ свой прїобрѣшенными свѣденіями; хопя сіи послѣднія, какъ я имѣла случай замѣшшъ, не всегда бываюшъ глубоки и основательны. (*)

Многіе благородные Россїяне упражнялись въ Липшерапурѣ и показали отличные таланты на семъ поприщѣ. (**) Но благотворные лучи просвѣщенія не успѣли еще распросшраниться на всѣ Сословія; поспоянное занятіе и здравый

(*) Г-жа Сшаль могла ошибаться. Впрочемъ здѣсь, какъ и вездѣ, нѣшъ прапила безъ исключенія.

(Прим. Перев.)

(**) Сочинишельница имѣла, какъ кажется, весьма поверхностныя свѣденія о Руской Липшерапурѣ. Какъ жаль, что у насъ не было сшого Шлегеля, который бы познакомилъ ее съ сокровищами оной, споль же многочисленными, какъ и разнообразными!

(Прим. Перев.)

вкусъ не успѣли еще соединить полезныхъ идей въ одно цѣлое. Общественство сіе имѣетъ очевидное вліяніе и на здѣшнія общества, въ коихъ господствующіе разговоры болѣе пріятны, нежели насмѣшливы. Здѣсь нѣтъ еще сего пѣснаго соединенія знаменитыхъ и ученыхъ людей, какое видѣли мы въ Парижѣ и которое придавало нѣкогда особенную прелесть шампанскому лучшему кругу.

(Продолженіе въпредѣ.)

Бѣдность и тщеславіе.

(Изъ *Hérmite de Londres.*)

Лади М*, съ которою я недавно познакомился, пригласила меня на сихъ дняхъ обѣдать, въ 6 часовъ по полудни. Я не хотѣлъ заставить себя ждать, будучи въ первый разъ въ домѣ и пошому явился—прежде 7-ми часовъ. Нѣсколько модныхъ молодыхъ людей, кои всегда спѣшатъ и вѣчно пріѣзжаютъ поздно, влѣзли въ гостиную въ половинѣ 8-го. Лади никого болѣе не ожидала; но не было еще ни малѣйшихъ приготовленій къ обѣду.

Хозяйка бѣгала взадъ и впередъ по комнатамъ, съ нѣскою суетливою поспѣшностію. По всему казалось, что какое-то важное дѣло занимало ее не весьма пріятнымъ образомъ. Сіе разсѣяніе не попрепятствовало ей однакожь приблизиться къ Лади Г*— и напомнить сей дамѣ, что она не заплатила еще 8-ми гиней, проигранныхъ ею въ Вистъ на прошедшей недѣлѣ.

Лади Г.* покраснѣла, вынула изъ кошелька своего 8 золотыхъ монетъ и вручила онѣ хозяйкѣ съ весьма недовольнымъ видомъ. »Извинише«, сказала сія послѣдняя, »что я напоминаю Вамъ эту бездѣлку. У меня такая дурная память, что еслибы я не вздумала объ ней шеперь, то мы бы объ совсѣмъ о томъ позабыли. А Вы знаете, что подобныя бездѣлки; взяшья вмѣстѣ, составляютъ уже порядочную сумму. Что касается до меня, то я всегда очень довольна, если мнѣ напоминають долги сего рода.«

Лади Г.* отвѣчала принужденною улыбкою и невольнымъ движеніемъ головы, какъ будто-бы хотѣла сказать: »Я это знаю!« Дѣйствительно, хозяйка наша никогда не забываетъ каршочныхъ долговъ, разумѣется, если ей приходится получать, а не плашить оныя.

Спустя нѣсколько минутъ, Лади М.* начала звонить съ такою силою, что чуть не оборвала снурокъ. Старый ея дворецкой, находившійся еще въ услугахъ у перваго ея мужа, поспѣшно вошелъ въ гостиную. »Что это значить?« сказала она ему, грознымъ голосомъ, но съ довольно крошкымъ видомъ. »О чемъ думаетъ поварь? Вѣрно онъ хочетъ, чтобы мы обѣдали завтра поуспру?« Сей вопросъ разсмѣшилъ гостей и это было все, чего желала хозяйка. — »Я сей часъ посмотрю, Милади«, отвѣчалъ дворецкой съ испинно Философическимъ хладнокровіемъ.

Прошло четверть часа; но еще не докладывали объ обѣдѣ. Лади М.*, съ видомъ неперпѣнія, вспала съ своего мѣста и вышла изъ гостиной, говоря: »Придется мнѣ посмотреть

самою, что шамъ дѣлаешся. Я боюсь, не случилось ли какого-нибудь несчастія съ поваромъ. Въ такомъ случаѣ я надѣюсь, что друзья мои извиняють дурной обѣдъ и удовольствуются добрымъ приемомъ.»

«Разумѣется», воскликнули всѣ единогласно. Полковникъ Б., посмотрѣвъ на свои часы, прибавилъ: «Дайте намъ все, что угодно; но только посадите насъ за столъ прежде 9-ти часовъ.» Въ это время было уже 8 съ половиною.

Лади М.* возвратилась чрезъ двѣ минушы. «Предчувствіе мое сбылось», сказала она: «поваръ до того разварилъ рыбу, что въ шу минушу, когда надобно было накладывать, разкрошилась она на мѣлкія часпи. Я объявила этому негодяю, что завтра же сошлю его со двора. Онъ купилъ уже другую, но въ пригошвленіи пройдетъ еще нѣсколько времени. Впрочемъ (прибавила она, окинувъ глазами все общество, какъ будто бы подвергая себя его приговору) — если вамъ уже наскучило ждашь; то надобно будете отказатьсь отъ рыбнаго блюда, хотя я сама чувствую, что это большое варварство.»

Всѣ единогласно отвѣчали, что охотно соглашающся на сію жертву и — по прошествіи двухъ минушь, мы были уже за столомъ.

Обѣдъ былъ вообще порядочной и прошелъ довольно весело. Шампанскаго совѣмъ не подавали. вмѣсто онаго попчивали насъ виномъ прехъ разныхъ родовъ, изъ коихъ одно было хуже другаго. Бургонское нашли мы довольно кислымъ; Шапо-Лафитъ имѣло запахъ пробки, а Мадера была такъ тепла, что казалась вы-

нушою изъ печки. Дурное качество вина приписывали мы старому дворецкому; ибо хозяйка нѣсколько разъ приказывала ему, подавать другаго. Пресшарѣлый служитель бросалъ на Госпожу свою значительный взоръ; уносилъ бутылки, споявшія на сполѣ и вмѣсто оныхъ приносилъ другія. Но вино было, къ несчастію, то же самое. Лади М.* нѣсколько разъ повсюряла, что съ эшаго же дня прикажетъ брать оное въ другомъ погребѣ, и Лордъ Костикъ, о коемъ буду я имѣть случай говорить въ послѣдствіи, совѣщавалъ ей, исполнишь сіе немедленно.

Наконецъ Дамы вышли изъ за сполы и возвратились въ гостиную. Хозяйка не послѣдовала однакожь за ними, но подозвавъ къ себѣ молодого *Скелереса*, одного изъ записныхъ поклонниковъ Моды, поговорила съ нимъ нѣсколько минушь, съ видомъ искреннѣйшей довѣренности. Я слышалъ отвѣтъ молодого человѣка: "Разумѣется! Съ величайшимъ удовольствіемъ. Я сію минушу пошлю." — Засимъ хозяйка вышла въ гостиную; а *Скелересъ* сказалъ нѣсколько словъ одному изъ служителей и — чрезъ четверть часа подали намъ превосходнаго Бургонскаго.

Въ началѣ 10-го часа возвратились мы къ Дамамъ. Карточные сполы были уже въ готовности. Предложили паршію *Экарте*. Хозяйка играла въ большую игру и — задолжала всѣмъ госнямъ своимъ. Объ ужинѣ не смѣли мы и думать. — Паршіи кончились около 2-хъ часовъ по полуночи и все общество въ минушу разсѣялось. На лѣшницѣ замѣтили мы едино-

гласно, что вечеръ былъ довольно скученъ и холоденъ, не смотря на принужденную живость и любезность хозяйки.

На другой день по утру прогуливался я верхомъ въ Паркъ. Тамъ встрѣтился мнѣ Лордъ *Костикъ*, копорый, послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, сказалъ мнѣ: «Знаете ли, что бѣдная наша Лади *М.** въ самомъ дурномъ положеніи? Мой Адвокатъ сказывалъ мнѣ сегодня, что на нее подано уже пять прозвъ. Знаете ли, что во вчерашнемъ обществѣ не было чловѣка, кому бы она не была должна? «—» Мнѣ она ничего не должна», опвѣчалъ я. — «Тѣмъ лучше для Васъ; ибо она никогда не плашишь. Замѣтили ли Вы, какъ напала она вчера на Лади *Г.*,* за свои 8 гиней? Деньги сіи употреблены были на то, чтобы заплашишь часпъ нашего обѣда. Когда я къ ней ѣхалъ; то встрѣтилъ у дома одного изъ мальчиковъ *Брюне*, (*) копорый несъ покрышную корзину съ кушаньемъ. Онъ разговаривалъ довольно живо съ однимъ изъ служителей Лади и, какъ казалось, не хотѣлъ отдашь ему корзины, не получивъ напередъ денегъ.

Купецъ, торгующій рыбою, вѣроятно обѣщавъ приславъ ее и — не разсудилъ за благо, сдержавъ своего слова. Вино было самое дурное; ибо содержатели извѣстныхъ погребовъ давно уже перестали, оппускашь ей на кредитъ. Подъ конецъ подали намъ прекраснаго Бургонскаго; но *Скепересъ* посылавъ за нимъ къ себѣ. — Бѣдная эпа Дама совершенно раззорилась. Она не проживешь теперь и мѣсяца въ Лондонѣ.»

(*) Содержатель (Французской респорации въ Лондонѣ.

«Мнѣ эшаго очень жаль», ошвѣчалъ я. — «А меня эшо нимало не прогаешъ», возразилъ Лордъ. «Я не сожалѣю о людяхъ, кои хошашъ блиешашъ, не имѣя къ тому способовъ. Кшо заспавляешъ ее давать обѣды, играшъ въ большую игру и съ пысячью фунт. стерл. доходу подражашъ пѣмъ, кои получаютъ вчепверо и впяшero? — Вы конечно замѣшили, что серебро означено было разными гербами. Эшо происходило ошъ того, что болѣе половины взяшо было на прокатъ. — Два лакея наняшы были хозяйкою на одинъ день, и неловкость ихъ заспавляла легко ошгадашъ, что они совершенно чужды въ эшомъ домѣ.»

«Признаюсь», ошвѣчалъ я съ важнымъ видомъ, «что я не дѣлаю подобныхъ замѣчаній. Когда хозяйка принимаетъ меня ласково и гостеприимно; шо я нимало незабочусь объ ея услугѣ.» — «Конечно», ошвѣчалъ Лордъ, поглаживая свою лошадь. «Вы правы, я и самъ охотно довольствуюсь дурнымъ обѣдомъ, если эшо не можешъ бытъ иначе. Но для меня несносно щеславіе людей, кои хошашъ блиешашъ на чужой счетъ и обманываютъ довѣрчивыхъ людей непроспительнѣйшимъ образомъ. Но поржесство ихъ бываешъ не продолжишельно: эшо всегда можно предсказашъ.»

Я здѣлалъ все возможное, чтобы перемѣнить разговоръ. Мнѣ грустно было слышашъ, что спущникъ мой злословилъ женщину, копорая наканунѣ принимала и угощала насъ, какъ только могла. Но въ душѣ своей не могъ я не согласишъся, что Лади М.* и многіе, ей подобныя, добровольно ошдаюшъ себя на жертву,

открывая домъ и споль свой мнимымъ друзьямъ, кои, послѣ сыпнаго обѣда, дѣлають ихъ предметомъ колкихъ насмѣшекъ и злословія.

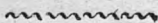
Таковъ на прим. Лордъ Костикъ. Это истинная язва для общества, это ядовитый Сирокко (*), заражающій каждое мѣсто, куда онъ только появившся! — Какъ-бы ни было, но предсказаніе его, на счетъ Лади М.*, вскорѣ оправдалось совершеннымъ событіемъ. Она лишилась послѣдняго кредита и ужасная пуча разразилась надъ ея головою. Недѣли чрезъ двѣ проходила я мимо ея дома; всѣ спавни были закрыты и прибитое письмо показывало, что оный отдавался въ наемъ. Я попомъ узналъ, что Лади, распусшивъ слухъ, будто бы опѣвѣзжаешь въ Брейпонъ, тайно удалилась во Францію. Немолимые кредитеры просперли и шуда свои преслѣдованія, между тѣмъ какъ никто, выключая развѣ меня, не пожалѣлъ о несчастной нашей знакомкѣ!

(*) Юго-Западный вѣтеръ, коего вліянію наиболье подвержены жипели Италіи и Сициліи.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Ольга при могилѣ Игоря.

Д у и а.

Осенній въперъ бушевалъ,
Крушя деревъ листьями,
И сосны древнія качалъ
Надъ мрачными холмами.
Съ поляны вспалъ съдой шуманъ
И все сокрылъ ошъ взгляда;
Лишь Игоревъ синѣлъ курганъ,
Какъ грозная громада. *

Слепала быспро ночь съ небесъ;
Луна межъ шучь всплывала,
И изрѣдка въ дремучій лѣсъ,
Иль въ долъ лучемъ сверкала.
Наспала полночь Вдругъ вдали,
Какъ шелеснь по полянѣ . . .
То Свяшославъ и Ольга шли
И спали при курганѣ. *

И долго мудрая въ шиши
Споляла предъ могилой,
Съ волненьемъ гореспной души
И съ думою унылой.
О прошломъ, плавая въ мечпахъ,
Она, помясь, вздыхала;
Но огонь блеснулъ въ ея очахъ
И мудрая въщала: *

„Мой сынъ! здѣсь палъ родителемъ твоимъ.

Вопиь храбраго могила!

Но слезъ не лей: я месшью злой

Древлянамъ заплашила.

Ты видишь: дикою правой

Окресниоспъ вся заглохла

И кровь, пролишая рѣкой,

Тупь, мнишся, не обсохла! . . .“

*

„Такъ, сынъ мой! Игорь опомщёнъ;

Моя спокойна совѣспъ;

Но самъ виновенъ въ смерти онъ —

Внемли объ оной повѣспъ:

Уже надменный Грекъ, смиренъ

Кровопролишней бранью

Покой опъ Свѣрныхъ племенъ

Кунилъ позорной данью.“

*

„И Игорь, бросивъ мечъ и щипъ,

Къ подножію кумира,

Молилъ Перуна, да хранишь

Ненарушимоспъ мира.

Изъ града въ градъ вездѣ шекла

Его дѣяній слава

И счастьемъ мирнымъ процѣла

Обширная Держава.“

*

„Вдругъ Князя гордая душа

Покой пренебрегаетъ

И къ золоту алчбой дыша,

Тревоги замышляешъ.

Дружини собралися въ шань,
Въ доспѣхахъ ярой брани,
И полетѣли въ край Древянъ,
Сбирашь покорства дани.“

*

„Древянне дань сполна внесли;
Но Игорь недовольной
Спаль вновь налоги брашь съ земли,
Съ дружиной своевольной.

„О Князь!“ народъ ему въщаль,
„Чего еще желашь? . . .“
Опъ насъ послѣднее пы взялъ —
И насъ же угнепашь!“

*

„Но Князь не внялъ молениямъ симъ —
И угнешенныхъ племя
Ръшилося сразиться съ нимъ
И сбросишь ига бремя. —

Погибель хищнику, друзья!
Пускай падешъ онъ мерзвой!
Его сразишь спрѣла моя,
Иль всѣ мы будемъ жершвой! —“

*

„Древянскій Князь швердилъ въ льсахъ . . .
Опважные возспали
И съ дикой яростью въ сердцахъ,
На Игоря напали.

Дружина хищниковъ легла
Безъ славы и безъ чести,
А шной ошець, виновникъ зла,
Иль жершвой люшой месни!“

*

„Опець будь подданнымъ своимъ
И болю Князь, чьмъ воинъ;
Будь другъ своихъ, гроза чужимъ
И живи въ вѣкахъ достоинъ!“ —
Такъ Князю-ошпроку рекла
И поклонясь кургану,
Мать съ сыномъ шихо пошекла
Ко дремлющему спану.

Рылѣевъ.

Отвѣтъ на Посланіе С. П. В. П й.

~~~~~

Всемъ сердцемъ вѣришь я гошовъ,
Чшо я любимецъ Музъ, боговъ,
Когда мнѣ говоришь о шомъ одна изъ Грацій —
И какъ же говоришь? Какъ говорилъ Гораций! . . .
Соединеніе чудесное даровъ! . . .
Безмолвіе мое да будешь выраженьемъ,
Какимъ исполненъ я въ душѣ благодареньемъ
За прелеснь ошпроумныхъ шпрофъ,
Начерпанныхъ ко мнѣ прелесшною рукою! . . .
Ахъ! я счастливиѣ судьбою
Всѣхъ Аполлоновыхъ сыновъ!

Князь Шаликовъ.

КЪ N . . . . .

(Подражаніе Ламаршину)

Едва пусынный міръ узрѣлъ швое явленье,
Госланница небесъ и госпья въ сихъ мѣскахъ! —
И озарилаъ ночь глубокая въ мгновенье
    Лучемъ любви въ моихъ очахъ!
За чѣмъ скрываешься опъ взоровъ восхищенныхъ?
Повѣдай имя мнѣ и родину свою!
Или ты смерсныхъ дщерь, иль Ангель воплощенный?
    Гдѣ обрѣшу спезю швою!
Должналь ты оплещѣшь еъ надзвѣздное седеье;
Или, подобно мнѣ, здѣсь дни шеои влачишь?
Но кто бъ ты ни была, Природы украшенье,
    Позволь, мой другъ, шебя любишь!
И здѣсь доколѣ ты, будь Ангель мой хранишель;
Когдажъ на родину обратно воспаришь
Твоей прійдешъ часть, молю, прелеспный неба жишель,
    И шамъ меня не позабышь!

Гамалей.

Фжль,
13-го Юля, 1822 года.

КЪ С — — ъ.

Когда надъ сонною рѣкой
Въ шуманъ мѣсяць красной всходишь
И пушникъ робкою споной
Кладбище сельское проходишь,
    И межъ могильныхъ камней онъ
Знакомца камень коль вспрѣчаешь;
То въ думу шихо погружёнъ.
Бываеое воспоминаешь.

Такъ, шакъ и ны, другъ милой мой,
Когда подь часъ шебь сгруснешся,
И взору полному тоской
Мое вдругъ имя попадѣся, —

Считай ты мершвымъ ужь меня!
Чьмъ жизнь цвѣшешъ, — мяь миновалось;
Лишь ебрь прому, что у шебя —
Мое здьсь сердце все оспалось!

И. Козловъ.

Печашашъ. позволяешся: 8-го Сентября, 1822-го года.

Цензоръ А. Бируковъ.

Н О В О С Т И Л И Т Т Е Р А Т У Р Ы.

№. XIII.

П Р О З А.

Письмо Князя Г. Г. Орлова къ Жанъ-Жакъ Руссо.

(Писано въ 1766-мъ году. Знаменитый нашъ соотечественникъ не былъ еще тогда Княземъ Римской Империи.)

Г. м.! Письмо мое конечно не удивитъ Васъ: ибо Вамъ извѣстно, что всѣ люди подвержены спраннымъ. Вы имѣете свои, я свои и шакъ далѣе. Все это въ порядкѣ вещей. Слѣдовательно и причина, побудившая меня писать къ Вамъ, не имѣетъ въ себѣ ничего удивительнаго. Я давно вижу, что Вы спранствуете изъ одного мѣста въ другое; знаю тому и причины, посредствомъ публичныхъ листовъ; но можете быть и ошибаюсь на счетъ оныхъ, ибо сообщенныя мнѣ извѣстія могутъ быть несправедливы. Я думаю, что Вы теперь въ Англіи, у Герцога Ригмонда, и предполагаю, что Вы довольны своимъ мѣстопробываніемъ. При всемъ томъ пришла мнѣ мысль, объявить Вамъ слѣдующее: У меня есть деревня, въ бо-ши верстахъ отъ С. Пешербурга; что составляетъ около 10-ти Нѣмецкихъ миль. Воздухъ тамъ

здоровый; вода превосходная; берега различныхъ озеръ представляють пріятнѣйшую прогулку, весьма способную для уединеннаго размышленія. Жители не знаютъ ни по Англійски, ни по Нѣмецки, ни по Французски, а еще менѣе по Гречески или по Лапынѣ. Сельскій Свещенникъ не весьма искусный Орапоръ и не вдается въ ученые споры; что однакожъ не преняспивуешь его прихожанамъ, прилѣжно ходишь въ церковь и усердно молишься Богу. И такъ, Г. м., если мѣсто это вамъ по вкусу; то Вы можете пріѣхать и поселиться тамъ, когда угодно. Вы будете имѣть все нужное, если сами того пожелаете. Въ противномъ случаѣ, Вы можете жить охопою и рыбною ловлею. Если Вы хотите имѣть человѣка, съ кѣмъ бы могли говорить; то и сіе желаніе будетъ также исполнено. Но во всякомъ случаѣ предупреждаю Васъ, что Вы не будете здѣсь чувствовашь никакого принужденія, не будете имѣть ни малѣйшей обязанности. — Если Вы желаете, чтобы мѣстопробываніе Ваше не было извѣстно; то и для сего примуся надлежащія мѣры. Въ семъ послѣднемъ случаѣ совѣтую Вамъ, здѣлавъ сіе путешествіе водою, если Вы только можете снести море. По крайней мѣрѣ любопытные будущъ васъ менѣе беспокоить на кораблѣ, нежели на сухомъ пуши. — Вошь все, что хотѣлъ я сообщить Вамъ; все, что внушила мнѣ признательность за полезныя наставленія, кои почерпнулъ я въ Вашихъ книгахъ, копия оныя и не для меня были писаны. Препываю съ испиннымъ почтеніемъ и проч.

Гр. Г. Орловъ.

Р. С. Если описаніе мѣста, въ которое я Васъ приглашаю, довольно Вамъ нравится и внушитъ Вамъ желаніе, переселишься въ оное: по прошу извѣстить меня о семъ немедленно, дабы я успѣлъ, еще до наступленія весны, принять нужныя для сего мѣры. Если Вы не согласитесь на мое предложеніе; по я скажу самъ себѣ »По крайней мѣрѣ, въ семъ случаѣ поступилъ ты чистосердечно.« Дѣйствительно, это была цѣль моя при отправленіи къ Вамъ сего письма.

Отвѣтъ Ж. Ж. Руссо.

Вустонъ. 28-го Февраля, 1767.

В. С-во утверждаете, что имѣете свои спранности. Въ самомъ дѣлѣ, желаніе дѣлать добро безъ всякой личной выгоды есть уже почти спранность; а благотворишь, такъ скажешь, издали и человѣку, совершенно незнакомому, есть еще бѣльшая. Обязательныя Ваши предложенія, поны, коимъ изъяснаете Вы оныя, и описаніе жилища, которое Вы мнѣ назначили, безъ сомнѣнія убѣдили бы меня къ сему переселенію, если бы я былъ моложе, здоровѣе, способнѣе переносить путешествія и — если бы Вы жили нѣсколько поближе къ солнцу. Сверхъ того я опасаюсь, что увидя человѣка, коего почтили Вы симъ приглашеніемъ, не стали бы Вы въ шомъ раскаяваться. Вы можете бышь ожидаете нѣкотораго рода Липперашора, краснорѣчиваго собесѣдника, который за великодушное Ваше госпенріимство плашилъ бы умомъ своимъ и разговорами. Въмѣсто того нашли бы Вы добросердечнаго, весьма просшаго человѣка, котораго собснвенный вкусъ и несчастія за-

спавили любить уединеніе; копорый во весь день не имѣеть другаго занятія и удовольствія, кромѣ собиранія правъ и копорый въ бесѣдѣ съ распѣніями обрѣщаетъ сладостное сердцу его спокойствіе, коего не могъ онъ найти посреди людей. Вотъ причины, Графъ, кои препящивуютъ мнѣ переселишься въ Вашъ домъ. Но я всегда съ благодарностію буду вспоминая, что Вы предлагали мнѣ сіе убѣжище; я нерѣдко буду сожалѣть, что не могъ воспользоваться благорасположеніемъ и дружествомъ почтеннаго хозяина онаго. — Примите, Графъ, изъявленія искреннѣйшей моей признательности и всегдашняго, усерднѣйшаго почитанія.

Ж. Ж. Руссо.

О нравахъ и обычаяхъ нынѣшнихъ Грековъ.

(Продолженіе.)

Послѣ чтенія приспугающъ воспитанники къ числописанію, копорому также не скоро выучиваются. Въ сихъ заведеніяхъ преподающа первоначальные основанія Религіи, если только Учитель имѣеть самъ какія-либо свѣденія въ сей части. Въ прошивномъ же случаѣ онъ только обязанъ показатъ дѣшамъ, какъ должно спогать во время молишвы, какъ слагать крестъ и кланяться. — Большая часть наславниковъ не только сами ушонають въ невѣжествѣ; но сообщаютъ и ученикамъ своимъ совершенно превратныя понятія о Религіи и Нравственности.

Дабы пріучить дѣшей къ скорому и вняшному произношенію, упражняютъ ихъ въ семь, при

первомъ вспуленіи въ училище: одного заставляють чашать въ слухъ, а прочіе всѣ повторяють за нимъ. Сверхъ того Учитель произноситъ имъ иногда стихи, не заключающіе въ себѣ никакого смысла и служащіе только къ тому, чтобы придасть языку ихъ большую гибкость.

Дѣвицы совершенно ничему не учатся, исключая развѣ домашнихъ упражненій, какъ-то: прясть, вязать и шить. О женщинѣ, которая умѣетъ писать, говорятъ уже, какъ о нѣкопородомъ чудѣ. За то всѣ учатся танцовать и бить въ шарелки. Гречанки имѣють природную склонность къ Музыкѣ; онѣ порядочно играютъ на гитарѣ, сопровождая оную пѣніемъ. Впрочемъ пѣсни ихъ по большей части печальнаго содержанія. Онѣ не жалуется на непостоянство или холодность своихъ любовниковъ; но обыкновенно изображаютъ юношу, котораго снѣдаетъ любовь, подобно какъ солнечной зной изсушаетъ цвѣты; иногда описываютъ жестокость неумолимой красавицы; или наконецъ, изображаютъ сѣпущаго любовника, который сравниваетъ себя съ голубемъ, лишившимся подруги. Всѣ дѣвицы и молодые женщины становящіяся кругомъ поющихъ; слушаютъ ихъ со вниманіемъ, прогаются печальнымъ вымысломъ, проливаютъ сладкія слезы и, различаясь, утѣшаются мыслию, что провели весьма пріятный вечеръ. (*)

Гимнастическія упражненія.

Нынѣшніе Греческіе юноши, равно какъ и предки ихъ, упражняются въ бѣганіи, борьбѣ и

(*) Мы будемъ еще имѣть случай, упоминашь о Греческихъ народныхъ пѣсняхъ.

мешаніи круга. Соперники обыкновенно выбираютъ судьей спарика, который и назначаетъ награду побѣдишелямъ. Во время борьбы бываютъ они почти совсѣмъ нагіе. При первыхъ звукахъ Музыки, борцы высшупаютъ по шакшу, и подобно Фехшмейсперамъ, принимаютъ различныя положенія. — Многократно повпоренныя рукоплесканія возбуждаютъ въ нихъ духъ бодрости. Борьба начинается шѣмъ, что одинъ изъ нихъ сильно ударяетъ другаго по плечамъ, дабы показать свою силу прошивнику. Потомъ схватываютъ они другъ друга за шею; причемъ все искусство и весь успѣхъ зависятъ отъ проворства. Надобно повергнуть прошивника своего на спину, и при томъ шакъ, чтобы онъ принужденъ былъ, чрезъ просяженіе руки, признасть себя побѣжденнымъ. Засимъ одержавшій верхъ надъ соперникомъ получаетъ награду, а побѣжденный поспѣшно скрывается отъ зрителей. Въ Греціи есть шакже люди, которые борются другъ съ другомъ за деньги. Сіи послѣдніе обыкновенно намазываютъ себя масломъ, дабы лучше ускользнуть отъ нападенія прошивника. Впрочемъ они спспавляютъ для себя правиломъ, не причиняшь другъ-другу вреда. Различныя и быспрыя ихъ движенія предспавляютъ глазамъ зрителей весьма занимательную каршину.

Турки забавляются мешаніемъ дропиковъ, а Греки бросаютъ кружки или камни въ предназначенную цѣль. Въ семъ упражненіи, равно какъ и во всѣхъ Гимнастическихъ, ловкость и проворство болѣе содѣйствуютъ успѣху, нежели сила.

Супружество и разводъ.

Разводъ у Маиношовъ позвоишелень; но бы-
ваетъ по двумъ только причинамъ, именно:
когда супруги не могушь ужиться и — когда
мужъ находится 7 лѣтъ въ отсутствіи, не да-
вая женѣ своей никакого о себѣ извѣстія.
(Впрочемъ первое правило можно, кажется,
распространить на многіе случаи). Разводъ
производится безъ всякихъ околичностей и
не причиняетъ никакихъ издержекъ. Епископъ,
выслушавъ дѣло и удостовѣрившись въ спра-
ведливости показаній, распорядитъ бракъ, доз-
воляя мужу и женѣ вступить въ новый.
Ежели случаются дѣла, по ихъ обыкновенно
береть отецъ. Въ цѣлой Греціи разборъ дѣлъ,
относящихся ко бракамъ, предоставленъ Духов-
ной власти. Впрочемъ разводы бывають рѣдко,
да и по только въ большихъ городахъ.

Степени родства, опредѣленныя въ Моисе-
евомъ законѣ, въ отношеніи къ браку, строго
наблюдаются Греками. Припомъ не только
тѣ лица, которыя при Крещеніи младенца были
восприемниками, не могушь вступать въ бракъ,
но даже и попомки ихъ до извѣстной степени. —
Турецкіе Судьи, за деньги, увольняютъ ихъ отъ
строгаго наблюденія сихъ законовъ; но наруши-
тели оныхъ бывають обыкновенно оплучены
отъ Греческой церкви.

Даллавай описываетъ обрядъ обрученія у
Грековъ, при которомъ онъ былъ самъ, слѣдую-
щимъ образомъ: »Женихъ пригласилъ насъ къ
себѣ на вечеръ и угощалъ насъ кофе и конфек-
тами; потомъ, съ родствениками и друзья-
ми его, пошли мы въ домъ невесты. По

улицѣ шли передъ нами два музыканша, кошорые, пропяжными шонами и сколько можно громче, спарались возвѣщать о нашемъ приходѣ. Послѣ взаимныхъ привѣтствій, были мы введены въ комнашу, гдѣ сидѣла невѣспа въ праздничномъ уборѣ, для принятія поздравленій и подарковъ. Комнаша сія была довольно шѣсна и наполнена дѣвицами, изъ кошорыхъ каждая приносила даръ невѣспѣ. Родители хопѣли похвасташься богатствомъ своей дочери; большіе ящики и шкафы были опкрыты, а плащя ея вывѣшены на показъ. На холстѣ, пропянушомъ подъ пошолкомъ комнашы, висѣли шипые шейные плашки и другіе уборы. Невѣспа сидѣла неподвижно на нѣкошоромъ возвышеніи, нарумьенная. На головѣ у ней было розовое покрывало, на кошоромъ висѣли цехины, соспавляющіе богатство семейства. Передъ окончаніемъ сего посѣщенія, дѣвицы пѣли свадебную пѣсню, довольно пріятную. Между шѣмъ мы поднесли невѣспѣ свои подарки. Она принимала ихъ одной рукою, а въ другой держала ящичекъ съ нѣкошорою краскою, кошорою Дамы выкрасили у насъ на рукахъ ногти. Если оные пробудушъ одну ночь окрашенными, то на нѣсколько мѣсяцовъ сохраняюшъ превосходный розовый цвѣшъ; что почипаешь счастливымъ признакомъ. Сама невѣспа, при всѣхъ приносимыхъ поздравленіяхъ и подаркахъ, сидѣла не шрогаясь съ мѣспа и сохраняла глубокое молчаніе. Засимъ данъ былъ умѣренный ужинъ, соспоящій изъ пилава и плодовъ, въ кошоромъ участвовали шакже мушчины и замушнія женщины. «

У Альбанцевъ обручаютъ дѣшей еще въ младенчествѣ, и только по весьма важнымъ причинамъ союзъ сей можешь въ послѣдствіи разрушиться. Когда женихъ вознамѣрился привести въ домъ свой невѣсту; то его сопровождають друзья и знакомые, съ торжествомъ и пѣніемъ. Но обрядъ сей имѣеть нѣкоторый видъ похищенія. Родители невѣсты сперва не хопяють оппереть ему двери, а сію послѣднюю силу изпоргаютъ изъ объятій ея семейства. Жена не приноситъ за собою приданого: напрошивъ, мужъ долженъ выкупить ее у отца. — Учасъ женщинъ въ сихъ справахъ достойна всякаго сожалѣнія; даже и послѣ замужства не освобождаются онѣ опъ власпи родительской. Сверхъ того мужъ есть неограниченный власпелинъ въ домѣ. Онъ можешь развестись съ женою, можешь прогнать ее, ежели имѣеть къ тому причину. При разводѣ мужъ и жена держать въ рукахъ снурокъ, который по срединѣ разрѣзывается.

Суевѣріе и примѣты.

Склонность Грековъ къ суевѣрію и примѣшамъ обнаруживается во всѣхъ случаяхъ. Каждому слову, каждому движенію дають они свое толкованіе; опъ чего бывають нерѣдко жертвою плутовъ и обманщиковъ. Повсюду встрѣчаются мнимыя Сивиллы, блѣднолицыя и сухія гадательницы и чародѣйки. Онѣ толкують сны, изъясняють признаки и предчувствія; ибо Греки, подобно предкамъ своимъ, во всемъ думаютъ чинать судьбу свою и всѣми средствами стараются узнать будущее. Спарыя сіи колдуньи, уже и прежде славившіяся въ Греціи,

особенно въ Тессалии, приводяшь въ страхъ каждаго и пѣмъ заспавляютъ себя уважать. Изъ сего легко можно заключить, какое вліяніе имѣють онѣ на пылкое воображеніе Гречанокъ. Когда молодая дѣвушка чувствуешь нѣкопореое смашеніе при видѣ молодаго человѣка, кошорый ей нравится, но не обращаетъ на нее вниманія; по она попчасть обращается къ мнимой волшебницѣ и получаешь опъ нее какое-по очарованное питье, вѣрнѣйшее средство для возбужденія взаимной спраспті. Ежели дѣвушка богата, по нельзя сомнѣваться въ счастливомъ уснѣхѣ; старуха дѣлаешь ея повѣренною и доставляетъ влюбленной все, чего она желаетъ. Случаетъ, что молодой дѣвицѣ вздумаетъ узнать своего суженаго. Но какъ узнать его? Мнимая Пнѣія даетъ ей наспавленіе, здѣлашь пирогъ съ пряными корнями и съѣсъ его на ночь, ничѣмъ не запивая. Непосредственно засимъ предписываетъ ей, ложншься спать, подвязавъ себѣ на шею мѣшечикъ съ шрема цвѣпками, бѣлымъ, краснымъ и желтымъ. Если первый изъ оныхъ, вынупый ею на слѣдующее утро, будетъ бѣлый, по сіе обѣщаетъ ей молодаго мужа; ежели красный, добраго и хорошаго супруга среднихъ лѣтъ; если желтый, — по сіе означаетъ вдовца. Сновидѣнія сей роковой ночи также пересказывающіяся и полкуюпся, чтобы узнать, будетъ ли дѣвушка имѣть счастливое супружество, богаты ли ея женихъ, и проч. Часто предсказанія старушекъ и не сбываются; но ихъ въ помъ нимало не обвиняють, приписывая сіе не довольно почному исполненію суевѣрныхъ обрядовъ, коимъ надлежало послѣдовать. — Такъ

называемый *дурной глазъ* почищается также причиною неудачи. Злые духи, кои, по мнѣнію ихъ, тайно стараются повредить челоуѣческому счастью, повсюду находятъ способы, завлечь въ погибель. Имъ-то приписываютъ скопской падежь, дурную жапву и проч. Неучпивые сіи духи пишаютъ особливую ненависнь къ прекраснымъ женщинамъ. По сему-то всякой бережеся хвалишь дѣвушку, равно какъ и говоришь много о спашныхъ и красивыхъ лошадахъ: опъ *дурнаго глаза* красавица спановишся безобразною, а на лошадей бываетъ падежь!!

(Продолженіе впрעדъ).

СТИХОТВОРЕНІЯ.

В е л и ч і е.

Отрывокъ изъ III-й Пѣсни Демиллевой Поэмы:
Воображеніе.

Величіе всегда нашъ духъ воспламеняетъ
И больше всѣхъ другихъ предметомъ возвышаетъ;
Оно плъняетъ взоръ, плъняетъ и сердца
Въ пвореньяхъ смершнаго, въ созданіяхъ Творца.
Приведены еъ восторгъ предметами большими,
Распространяюся и мысли наши съ ними.
Колоссы Нила! Кто безъ гордосни возмогъ
Васъ видѣшь? Пышный вы ничпожесства чертогъ!
Поникло горь чело, зря вашихъ чель гордыню;
Опъ васъ нисходитъ пѣнь великая въ пусыню;
Васъ хипро челоуѣкъ мгновенный сошворилъ —
И вмѣспѣ съ жизнью безсмершьемъ одарилъ.
Сколь часпо въ шишинѣ я къ вамъ перелешаю,
Сажусь у вашихъ спопъ и вкругъ васъ собираю
Все, что въ волнахъ своихъ умчали времена:
Калифовъ и Царей, Сулшановъ, племена
И поколѣнія народовъ неисчешныхъ,
Блиспашихъ нѣкогда, шеперь призраковъ щцешныхъ.
Вы пережили ихъ! Архивъ минувшихъ дней,
Вы вмѣспѣ служите гробницею Царей;
Храня Религію, законы, просвъщенье,
Для мудрыхъ чудо вы, загадка и ученье.
Прими же дань, о пы, кошорый начершалъ
На крѣпкихъ камняхъ сихъ, швердѣйшихъ, чѣмъ металлъ.
Мой слабый спихъ! Теперь, сполшнія, шеките!
Народы и Цари, какъ шѣни, преходите!

Восторжествую я надъ смертью — и она
Сшиховъ моихъ съ сихъ спѣнь изгладить не сильна.

Сколь болѣе родящъ въ душѣ благоговѣнья
Величественныя Всевышняго шворенья;
Въ нихъ любящъ человекъ свободы милый видъ
И всякая его преграда шягопнѣтъ.

Онъ любящъ, вырвавшись изъ шѣснопы, по волю
Въ незагороженномъ бродящъ широкомъ полѣ,
Взоръ независимый прогуливать окрестъ
И услаждаешь красой опкрытыхъ мѣстъ.

Онъ любящъ въ вракъ лѣсовъ дѣмучихъ углубляясь
И въ своеобразныхъ ихъ округлоспяхъ шеряясь.

Онъ любящъ гордыя, высокія древа,
Которыхъ небесамъ касается глава,
А корни швердые нисходящъ въ адъ глубокой;

Ихъ вышви на воды развѣсились широко
Или угрюмое чело вынчаюшъ горь.

Лѣсовъ зеленые успуны, темный боръ

И полукругъ-дерево, обѣщавшій скамь къ долинамъ,
Даютъ большую шѣнь большимъ полей карпинамъ.

Подъ чернымъ сводомъ древо, согнувшихся топъ лѣпъ,
Въ паиншвейной шиши, былъ первый Гимнъ воспѣтъ:

Никто ихъ не садилъ, никѣмъ не воспитанны

Сии зеленые, лѣсные великаны.

Мнѣ мнился, вижу здѣсь Теорца вселенной садъ,

И мысли, здѣлавшись шоржеспивеній, парящъ

Велчественныя, обширны и свободны

И съ събою сихъ лѣсовъ шоржеспивенною сходны.

И пы, обитель бурь, о море! Уже я
Но разъ восмѣлъ швои безбрежныя поля.

Но кто исчерпаетъ рукой неушумимой
Источникъ красоты швоей неисшумимой?
Обширность я швою, величіе сказалъ,
Но изобилія богашствъ не исчислялъ;
И лзя ли счестъ швоихъ всѣхъ жителей, народы
Чудъ населяющихъ швои пространны воды?
Полсвѣша лучшія шевъ во власть дано,
Въ нихъ много областей и царствъ заключено;
У каждаго свои вождь, правы, учрежденья
И въ опдаленныя спраны переселенья.
Вошце земля въ горахъ, долинахъ, средь степей
Пишаетъ множество живошныхъ, чудъ, звѣрей;
Глубь безднъ швоихъ она зависпливымъ зришь окомъ:
Слоны — въ лѣсахъ, кшпы — въ пространствѣ водъ глубокомъ!
И Божьей мудрою десницею созданы
Изъ Океана водъ воздушный Океанъ.
И кто другой родитъ сіи пары лешучи,
Сходящіе въ дождяхъ плодоносящей шучи,
Хранимые въ горахъ, пролишые въ поля?
И ихъ обипелью — шо небо; шо земля.
Земля водъ красу, вода земль даруешъ,
Съ движеніемъ небесъ свое сообразуешъ.
Луна есть вождъ морей, и бурная вода,
Споль непокорная — покорма ей всегда.
Долины роешъ пы и горы взгромождаешъ,
То поглощаешъ пы поля, шо оспаеляешъ
И человекскій чипаетъ ясно взоръ
Водъ пушешествіе на самыхъ высахъ горъ.
Сочшу ль сокровища, носимыя волнами —
Съ послами двухъ міровъ далекихъ — съ кораблями?

Сколь часто смѣшанный на лонѣ водъ швоихъ
Гнѣвъ волнъ ярящихся и гнѣвъ Царей земныхъ,
Перунъ небесъ и громъ свирѣпой брани вземлю;
Власпишельство въ водахъ сражается за землю!
Какая пѣма на днѣ сокровищъ! Сколько рѣкъ
Кончаюшь славный здѣсь или безславный бѣгъ!
Ты говоришь глазамъ, гремишь въ нашъ слухъ громами,
Воображеніе пугаешь чудесами.
Довольно! чувствую страхъ тайный и священный,
Бросаю свой предметъ, безмѣрный, какъ и пылъ.
Едеа, о море! взоръ я свелъ съ швоей равнины,
Великолѣпныя открылись горъ карпины.
Воображеніе, на голосъ мой сойди
И звуки прежніе на лирѣ пробуди!
Ты здѣсь — и я съ шбой на ихъ верхи взбираюсь.
По царствамъ всѣхъ погоды и годовыхъ времени
Я путешествоваю — по льдами окруженъ,
То свѣжей зеленью, подъ свѣсомъ скалъ нисящихъ,
Межъ безднѣ раззинушыхъ; по лавѣ жерлъ дымящихъ.
Волнами коея горящими изрышь
Сей свѣгъ не шающій и вѣчный, какъ гранитъ;
Сей безобразный ледъ, въ вершпахъ сокровенный,
Куда не проникалъ лучъ солнца раскаленный,
Касаюсь неба здѣсь, кажусь земли царемъ;
У ногъ моихъ изъ пучъ и молнія и громъ,
Ошсель сокровище воды въ долины льещя,
Ошсель ураганъ, ошсель орель несется.
Я вопрошаю здѣсь громадь сихъ высоту
И необъяснную ихъ спана толстоу,
Бока ихъ въ шаршарѣ мешаллы сокрываюшь,
Вершины до небесъ расшѣнья возвышаюшь,

Люблю сія лѣса. зеленый сей уборъ,
Какъ перья вѣсмыи на гордыхъ глазахъ горт.
Сколь пышный рядъ, карпинъ и образовъ великихъ;
Попоки, падайте оспежно съ камней дикихъ;
Ручьи, кашишесь въ цвѣпахъ и подь правой;
И вы, о мраморы; изгрызенны подой
Напоминаше намъ давпоминувши лѣша.
И переобышнаго попономъ гибель свѣша!
А вы, подпершіе небесъ огромный сеодъ,
Упесы черныя! спояще средь водъ,
Гранишнымъ поясомъ вселенную связуйше.
Великопѣнныхъ горъ громады! шоржествуйше.
Вамъ чешь! любимицы зланаго Солица вы:
На ваши въ радугахъ сіяющи главы
Оно бросаешъ свѣтъ свой упренній, вспрѣчальный;
На нихъ же падаешъ послѣдній и прощальный.
И ниже вашихъ главъ блестящихъ — царство шучь;
Рождаете вы мракъ, а пѣше смѣлый лучъ.
Хотя здѣсь Фебовы и опустили храмы,
Но просвѣщенію куряшся оиміамы.
Обишель здѣсь Науки: на верхъ горы идешъ,
Чнюбъ ближе вопрошашъ свѣшила, звѣздочешъ,
Бошаникъ — наблюдашъ прильжній надъ распънемъ,
Мудрець уроки брашъ, Поэшь за едохновенемъ;
Художникъ съ кистію, опискивашъ карпиня;
Я самъ межъ пропастей, уцелій и спремнилъ,
Надъ величавыми вершинами лешаю
И созерцаю васъ, васъ громче воспѣваю.

Царское Село, Августа 15-го, 1822.

Воейковъ.

Конецъ 1-й книжки.

Печаташъ позволяешся: 18-го Сентября, 1822-го года.
Цензоръ А. Вируковъ.